

ЧЕЧЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕТРАДЬ

Составитель — Заур Ганаев

Книга в журнале

СОДЕРЖАНИЕ

Канта Ибрагимов. Предисловие.....	7
Павел Кренёв. Журнал как школа мастерства	8
Адам Ахматукаев. Признаюсь, судьба	9
Адиз Кусаев. «Взамен не требуя полцарства...»	11
Айбулат Розен. «В минуты радостей, в часы страданий...»	14
Алвади Шайхиев. Мои дороги	17
Арби Мамакаев. Послушай, джигит!	20
Ася Умарова. Прыжок за стену.....	24
Ахмад Сулейманов. Огонь, огревающий сердце.....	28
Эрзу Банжаев. Дух юности	31
Тумани Виситаева. Осень без отца	32
Хава Джамурзаева. Второе крыло.....	34
Заур Ганаев. Битва у Фермопил	36
Инга Хаяури. «В сердце много надежд...»	38
Луиза Исраилова. Тёплый привет	43
Лула Жумалаева. Блики	45
Мадина Ясаева. «Старый мир устал...»	49
Али Мурадов. Рана, незримая глазу	51
Адлан Муртазов. Ковры травяные	52
Раиса Ахматова. Талисман	54
Руслан Юсупов. Ожидание чуда.....	61
Умар Яричев. «Небо золотыми светит родниками...»	64
Фаиза Халим. Кремнёвый пистолет	71
Хава Нэ. Чёрное солнце.....	81
Хавас Акбиев. Дождь, девушка с гитарой и радуга	83
Хожбауди Борхаджиев. Кавказские мотивы.....	87
Шайхи Арсанукаев. Материнская молитва	90
Адам Салаханов. Некоторая часть кое-чего	92
Имран Ирисханов. Из книги «чеканные узоры».....	97
Канта Ибрагимов. Академик Пётр Захаров.....	104
Сулиман Мусаев. Встреча в степи.....	111

ПРЕДИСЛОВИЕ

Nec vivere carmina possunt
quae scribuntur aquae potoribus...

Гораций

Вданной подборке произведений представлены авторы, частично символизирующие литературный процесс в Чечне за XX и XXI века. Однако большим исключением в ней служит личность Айбулата Розена, выдающегося чеченского поэта, современника крупнейших деятелей русской литературы – Пушкина, Жуковского, Тургенева – человека с трагической судьбой, уроженца села Дади-Юрт, который вместе со своим соотечественником Петром Захаровым смог доказать: чеченцы хороши не только в военном искусстве, но и в изящном.

Но Айбулат жил и творил в Петербурге XIX столетия, а в Чечне на тот период литература представляла собой устное народное творчество (илли), испытывавшее на себе влияние арабского Востока.

Новое развитие она получила в предреволюционные годы, под пером таких интеллектуалов, как Таштемир Эльдарханов и братья Мутушевы. В 1912 году были поставлены пьесы «На вечеринке» и «Медведь» Н. Шерипова.

После принятия за основу кириллицы на Северном Кавказе в 30-е годы началось зарождение чеченской советской литературы. С этим периодом связано появление целой плеяды прозаиков, поэтов и драматургов.

Но в те годы судьба интеллигенции всего Советского Союза была под угрозой: почти все писатели старшего поколения были расстреляны: Ш. Айсханов, С. Бадугев, А. Дудаев, А. Нажаев. На долгие годы были заключены в тюрьмы, отправлены в ссылку С.-Б. Арсанов, М. Мамакаев, Х. Ошаев, А. Мамакаев, М.-С. Гадаев. Писательское сообщество было фактически уничтожено. А в 1944 году весь чеченский народ подвергся депортации, в ходе которой погибла третья часть всей нации.

Ко времени реабилитации чеченцев и возвращению на их историческую родину в 1957 году уже крепко «стояли на ногах» писатели нового поколения: Шайхи Арсанукаев, Раиса Ахматова, Абузар Айдамиров, Шима Окуев и др. Был возрожден Союз писателей, стали выходить в свет литературные журналы на чеченском языке.

Большими тиражами печатались романы: «Долгие ночи» Абузара Айдамирова, «Красные цветы на снегу» Шимы Окуева, «Пламенные годы», «Брест – орешек огненный» Халида Ошаева. Работали литературные кружки при университетах.

Современную чеченскую литературу представляют такие крупные писатели, как Леча Абдулаев, Муса Бексултанов, Муса Ахмадов, Адам Ахматукаев, Умар Яричев, Лула Жумалаева, которые насытили её всеми возможными жанрами, приёмами и методами. Молодую плеяду – Сулиман Мусаев, Ася

Умарова, Адам Салаханов, Исмаил Хабаев, Асет Халикова. Многие из них стали обладателями престижных премий.

Выражаю благодарность главному редактору журнала «Литературные знакомства» Лоле Звонарёвой за возможность публикации наших авторов в этом номере.

Канта ИБРАГИМОВ

*председатель Союза писателей Чеченской Республики,
доктор экономических наук, академик,
лауреат Государственной премии РФ*

Приветственное слово

ЖУРНАЛ КАК ШКОЛА МАСТЕРСТВА

Редакция журнала «Литературные знакомства» неизменно внимательно на к региональным авторам. Она последовательно, из месяца в месяц, публикует на своих страницах подборки прозаических и поэтических новинок из российских регионов, в которых на читательский суд выносит наиболее яркие произведения.

На сегодняшний день именно такие повести, рассказы, очерки, стихи регулярно появляются в журнале под ставшими привычными для читателей рубриками «Литературная тетрадь» или «Книга в журнале». К сегодняшнему дню, благодаря журналу, пришли к читателю талантливые произведения литераторов Архангельска, Тюмени, Сергиева Посада, Орехово-Зуева, Оренбурга, Ижевска, Кирова, Калининграда, Нижнего Новгорода и других российских регионов. «Литературные знакомства» наносят на литературную карту страны всё новые и новые имена, и мы, читатели журнала, всегда рады познакомиться с ними.

Сегодня очередь Чеченской Республики. В «Чеченской литературной тетради» журнала представлены современные и уже ушедшие писатели этой республики. Любопытно проследить, как с годами, даже десятилетиями, формировалась поэтическая школа уникальной культуры, как наращивался опыт народного стихосложения, как этот опыт стал одним из лучших в России.

Думается, читателям журнала стоит прочитать всю представленную в этом номере «Литературных знакомств» подборку стихов и немногочисленной прозы и ещё раз убедиться в этом.

Благодарим журнал за предоставленную возможность познакомиться с добротными и оригинальными текстами.

Павел КРЕНЁВ,

*заместитель председателя Союза писателей России,
лауреат Патриаршей премии им. С.Ф. Аксакова*

ПРИЗНАЮСЬ, СУДЬБА

В ОБЪЯТЬЯХ МАМЫ

На шоссе — воронки.
Артобстрел, война.
Крепко спит ребёнок,
Прочим — не до сна.

Зыбка — в доме отчем.
Дом сгорел в Чечне.
Как кошмарны ночи
На войне — втройне.

Пусть ухабы, ямы,
Пусть трясёт, зато
Как в объятых мамы
Сладко спит дитё.

* * *

В тревогах над моею колыбелью
Поблекли кудри матери моей.

И сны седые над её постелью
Вились, как локоны угасших дней,
И провожая сыновей в дорогу,
Она судьбу детей вверяла Богу.

Судьбу страны вверяя сыновьям,
Она давала им свои советы —
Не изменять своим
чудесным снам,

Не преступать отцовские заветы,
Не забывать,
что жизнь пройдёт как сон
И что ценна, священна связь времён.

Как бурные ручьи мои пути,
Рождённые моей землёю горной.
Отцовский дух мне надо обрести,
Его характер твёрдый и упорный,
Сны матери моей, в родном краю
Качавшей тихо колыбель мою.

Ахматукаев Адам Абдурахманович — чеченский поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1961 г. в селе Алхан-Юрт Урус-Мартановского района Чеченской Республики. Закончил Ставропольский педагогический институт. Работал преподавателем математики и физики, журналистом. Автор пяти книг стихов. Член Союза писателей России, Клуба писателей Кавказа, правления Союза писателей Чеченской Республики. Награждён премией Союза писателей-переводчиков России с вручением ордена им. В. В. Маяковского, почётной грамотой Союза писателей России, почётным знаком Чеченской республики «За трудовое отличие». Живёт в Грозном.

ДОРОГА ОБОРВЁТСЯ

(вариант)

Сгорев под солнцем,
 день спешит к закату,
А гор вершины —
 цвета яблок красных.
Несут со схода люди, как награду,
Тепло сердец домой
 от встреч прекрасных.

А мы пойдём, верны привычке детства,
В дом одного из нас —
 продолжить вечер.
Поужинаем вместе, двери сердца
Раскрыты настежь для друзей навечно.

...А завтра, став причиной общей боли,
Одна дорога к сходу оборвётся.
О том, что нет кого-то с нами боле,
Мир известит восходом
 грустным солнце...

* * *

Дрогнули веса моих сомнений,
Груз вопросов давит всё сильнее.
Был ли вправе о тебе я грезить
И твоею верностью болеть?

Красота твоя — что хоть на память
Для меня и мира, а сама —
Дорога, что и любить я вправе ль,
Коль душа сомненьям отдана?

Я спросить об этом не решаюсь —
Вдруг откажешь холодно в ответ? —
И всегда так коротко прощаюсь
И так долго провожаю вслед.

И молю, чтоб скоро возвратилась! —
Так душа предательски зовёт!
Чтоб она мечтам не изменила,
Сердце вновь надеется и ждёт.

* * *

Когда злодеи рушили престолы,
Когда царей растили из шпаны,
Когда в пыли — правдивые глаголы,
Когда борцы за истину — смешны,

Когда вдруг стала
 доблестью измена,
Когда геройство — дело подлецов,
Когда святому назначали цену,
Когда бежали дети от отцов,

Тогда в позоре этом был я лишним,
И об одном просил я в мире лжи:
«Родителей моих ты воскреси,
 Всевышний,
Чтобы открыли мне,
 зачем на свете жить»...

КОТ

Был осколок знаком:
Жаль, что цель не та.
Горько ты оплакал
Мёртвого кота.

Двор огнём пылает.
В смертный час, когда
Мать детей спасает —
Тут не до кота.

Не найдя защиты,
Кот рыдал навзрыд.
И теперь, убитый,
Во дворе лежит.

МОИ БАШНИ

«Прозреете, когда меня не будет!» —
Твердил, как завещание, отец,
Наверное, предчувствуя конец...
А я тогда Творца молил о чуде,

Чтоб башни не обрушились мои,
На чьих плечах живу на белом свете.
Да, без отцов взрослеют быстро дети,
Печаль в душе навеки затаив...

Коль рухнул мир родного очага,
Прозрений горьких долгие дороги
Когда научат отличать в итоге
Добро от зла и друга от врага?

Как много лжи несут по свету люди!
И потому пока я, видит Бог,
От слов отцовских всё ещё далёк —
«Прозреете, когда меня не будет»...

ПРИЗНАЮСЬ, СУДЬБА

Жил-поживал я беззаботным малым.
Ну, что возьмёшь с весёлого юнца!

Нашкодив, я пытался через маму
Смягчить порой сурового отца.

Не думал, не гадал, что завтра горе
Судьбы изнанку вдруг покажет мне,
Что с мамою вдвоём
в житейском море
Когда-нибудь окажемся на дне.

Но каждым своим шагом,
каждым словом
Мать памяти отца была верна,
Пока её очаг под отчим кровом
Не погасила времени волна.

Я помню всё: и счастье, и невзгоды.
Сын повзрослел. Но не об этом речь.
Дано ль судьбою пламень путеводный
Мне в очаге родительском зажечь?

АДИЗ КУСАЕВ

«ВЗАМЕН НЕ ТРЕБУЯ ПОЛЦАРСТВА...»

* * *

Дорогой дальнею идя,
Пожизненной, с тяжёлой ношей,
Людей встречал немало я
И никудышных, и хороших.

Я исходил немало мест,
Встречаясь с добрым и скаредным,

И с тем, кто хлеб чужого ест,
И с тем, кто делится последним.

И с тем, с кем мог я в бой пойти
И на разведку, как с мужчиной,
Любые пропасти пройти,
Любые покорить вершины.

Они б не предали меня,
Не зная зависти, коварства,
И надо б — отдали коня,
Взамен не требуя полцарства.

Встречались люди мне в пути,
Как сиротливо шёл по миру:
И те, что, Господи, прости,
И те, что, Господи, помилуй.

Одни шли вдаль, другие — в бой.
Просили Бога все в молитве
Не на щите вернуть домой,
А со щитом их всех из битвы.

ЕСЛИ БЫ НЕ ТЫ, ЧЕЧНЯ...

Внучке Амине

Зачем бы стал петь песни я,
Прославить мир, поставив целью,
Когда бы ты, Чечня моя,
Моей не стала колыбелью?

Долина, речка, горный склон —
Храню в сыновнем сердце свято.
И счастлив, что в Чечне рождён —
Чеченкой-матерью когда-то.

Зачем бы жить, творя дела
Хорошие, мне в мире этом,
Когда б, Чечня, ты не была
Мне отчим домом, как и дедам?

Леса, луга и пики гор —
Источники любви и лиры.
И тем, Чечня моя, я горд,
Что нет тебя роднее в мире.

Зачем бы в будущее я
Шагал, надеждою согретый,
Когда бы ты, моя Чечня,
На этой не цвела планете?

Твой каждый камень для меня —
Предмет достоинства и чести...
Горжусь, что сын я твой, Чечня,
Что всё делю с тобою вместе.

Я ЖИВУ

Живу ещё, хотя мой век успел
Вместить в себя
две пушкинские жизни.
Немало сделал я хороших дел
И для людей, и для родной Отчизны.

И интерес мой к жизни не пропал,
Её ещё я не спешу итожить.
И жаль мне, что я треть её проспал,
И горд, что больше был
в работе всё же.

Я каждым мигом жизни дорожу,
Но и диет не соблюдаю строго.
И в меру сил Отечеству служу,
И ревностен всегда в служенье Богу.

Адиз Кусаев — поэт, прозаик, публицист, переводчик. Родился в 1938 г. Закончил заочное отделение кафедры журналистики филологического факультета Ростовского государственного университета. Автор более 20 книг. Отмечен правительственными и литературными наградами: медалями «За заслуги перед Чеченской Республикой», «А. П. Чехов», «С. А. Есенин», «Профессиональная честь», Региональной общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской Республики» и многими другими. Заслуженный работник культуры и заслуженный журналист Чеченской Республики, член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт и работает в Грозном.

И любопытен, словно в детстве, я,
Ещё таится, знаю, в мире много.
О том, чтоб жизнь не оборвалась моя
Внезапно, я молю усердно Бога.

И потому живу я в гуще дел,
Чтобы не знать
 в день Судный укоризны,
Живу ещё, хотя мой век успел
Вместить в себя
 две пушкинские жизни.

МАМА

Маме все артисты и поэты
Песни посвящают и поют,
Человеком лучшим на планете
Маму уважительно зовут.

Нет теплее материнской ласки,
Той, которой дети всюду ждут,
Доброй феей из волшебной сказки
Ведь недаром маму все зовут.

И роднее, и любимей мамы
Человека в мире не найти,
Если даже Землю всю упрямо
С полюса до полюса пройти.

Если даже до окраин самых
В поисках Вселенную пройдем,

Мы дороже нашей милой мамы
Человека в мире не найдём.

ПУШКИНСКИЕ СТРОКИ

В те дни, когда в тоске часы считаю
И прыгает мой пульс, беря верхи,
Всегда я строки Пушкина читаю,
И душу окрыляют мне стихи.

«Кавказ» и «Подражание Корану»,
Или «К друзьям»,
 или «Я вас любил»...

Стихи сверкают, как алмаза грани,
И пробуждают юношеский пыл.

Когда беда и боль сжимает сроки,
Становятся невыносимы дни,
Всегда читаю пушкинские строки,
И жажду жизни дарят мне они.

И «Талисман», и «Чудное мгновенье»,
Или «К А. Керн»,
 или «Не плачь при мне»...

Стихи волнуют, словно вдохновенье,
Красивые, как краски по весне.

Стихи его, как мирозданье, вечны,
Живительны, как будто солнца блик.
Читаю их, и чище, человечней
Я становлюсь, черпая силы в них.

«В МИНУТЫ РАДОСТЕЙ, В ЧАСЫ СТРАДАНИЙ...»

ОНА

И тихо преклоняясь,
в таинственной печали,
Она молилася Творцу,
И кудри чёрные сбегали
По бледному её лицу.
И встретился я вновь
с той девой незабвенной
В садах Алгамбры. Перед ней
Переливался вдохновенный
Фонтан певучею струёй.
Она, спустив с себя мантилью,
Покоилась небрежно средь цветов,
И любовался я её летучей пылью
Как изваянная, недвижима...
без слов...
Потом в Венеции, во время карнавала,
Беспечному веселью предана,
Толпе восторженной она
Богиней праздника предстала,
И улыбалась она на громкий плеск,
И промелькнув, как звёздочка в эфире,
В гондолу бросилась: раздался всплеск.
И скрылась близ Ponte dei Sospiri.

Потом в горах Кавказа, на коне,
Кремнистую тропой,
воздушной амазонкой
Неслась она, и в мёртвой тишине
Лихого скакуна был слышен
топот звонкий.
Потом в стране возвышенных
искусств
В отчизне тассовой...
но что за нужды...
Бог с нею! Ныне чужды
Мне впечатленья юных чувств.
Давно пора зажить
сердечным ранам;
Венеция, Алгамбра и Кавказ,
Уж благодетельным туманом
Подёрнуло забвенья вас.
Но для чего же мне в завет
воспоминаний
Оставил Бог единый прошлый сон?
В минуты радостей,
в часы страданий
Передо мной летает он:
Как, тихо преклоняясь,
в таинственной печали,

Константин Михайлович Розен (Айбулат Розен) — русский поэт чеченского происхождения. Его родители были убиты при штурме села Дади-Юрт, а он взят на воспитание бароном Михаилом Карловичем Розеном. Поступил на государственную службу (1839), дослужился до чина коллежского асессора. Занимался литературной деятельностью. Произведения печатались во многих российских литературных журналах. Был лично знаком с крупнейшими деятелями русской литературы.

Она молилася Творцу,
И кудри чёрные сбегали
По бледному её лицу.
«Литературная газета», 1840 г.

СМЕРТЬ

Она придёт неслышно и незримо,
И станет, светлая, у моего одра,
И скажет мне
с тоской неизъяснимой:

«Пора!»
И буду я молить таинственную гостью:
«Я жить хочу!..
оставь мне здешний свет»,
И буду я молить с слезами
и со злостью,

И — нет.
Она дохнёт в лицо прохладной
вечной ночи,

Прозрачною рукой мою
придавит грудь,
Закроет навсегда мои тихонько очи
И — в путь.

И в жизни той она меня пробудит,
Где, может быть, неведома печаль;
Но дней земных,
печальных жаль мне будет,
Да, жаль!

*Литературное прибавление к
«Русскому инвалиду», 1838 г.*

И ЕЩЁ ЖАЛОБА

И боль души, и ропот сердца,
Мои беды, кто их поймёт?
Мне в мире нет единоверца,
Единоумченика нет.
Зову друзей — мольбы напрасны;
Зову чужих — но для чужих,
Мои рыдания ужасны,
А мне ужасны ласки их!
«Литературная газета», 1830 г.

ПАРКЕТНЫМ ДРУЗЬЯМ

Разочарован, други, я
Смешною модой и пирами,
И вероломными очами,
И вами, добрые друзья.
Нет, прочь от вас, забавы света,
Где всё притворством лишь одето,
Где всё пленяет только глаз,
Где мир снаружи только молод,
В пылу страстей где вечный холод, -
Простите; еду на Кавказ,
Под небо диких наслаждений,
Под небо неги и тревоги,
Где нет по моде заблуждений,
Где есть любовь, природа, Бог!..
Туда свободой насладиться
И своевольной простотой,
В кругу друзей воспламениться
Шираза светлюю струёй;
Или с ватагою избранной
На горском пламенном коне
Срывать венки в губительном огне;
Иль полуночную порою
Грузинку юную лобзать,
Обвившись рука с рукою
«Люблю» ей пламенно шептать,
Ея дыханием упиться
И на груди её забыться —
И наслаждений розы рвать...
Кавказ угрюмый, величавый,
Страна воинственных сынов,
Среди твоей ненастной славы
Под блеском царственных снегов
Родился я. Дитя природы,
На лоне бурной я свободы
Улыбку первую узнал;
Средь поэтических ущелий
О битвах мне так чудно пели —
И я под песни засыпал.
Не пробудил их голос громкий
Моих младенческих страстей; —
Казбек, увенчанный снегами,

Увижу я твоё чело,
Где небо светлое легло
С луной и с мирными звездами, —
И там, задумчивый певец,
Твоей пленённый красотою,
Помчуся отдохнуть мечтою
На твой блистательный венец.

*Литературное прибавление к
«Русскому инвалиду», 1838 г.*

РУССКИЙ ШТЫК

Стоит властительно
трёхгранный часовой

На рубеже двух граней мира;
Он Божий ангел в годы мира,
Он Божий меч в године боевой.

Всегда, везде он царь!
И на снегах Балканов,

У Сенских берегов
и у Евфратских вод,

В игре за Терекон
и в битве великанов

Ему достойнейший почёт.

Он любит нас, он наш!
Не твёрдостью булата —

Славянским духом он могуч:
В нём русская душа;

он русского солдата,
Бессмертья луч!

Но чу! Я слышу вас,
завистливые дети,

Ораторы в боях, герои в кабинете.

Что? Плохо помнится вчера?

Что? Видно, зажили борьбы
последней раны?

Так их напомним троюгранный

Под Бородинское «ура!».

Постыдный ваш побег
осветит вновь пожаром;

Не сломится, небось —
Сам Бог его сковал,

И русскому вручил,
и, кажется, недаром
Судьбой земли его назвал.

«Современник», 1841 г.

ГАЛЕЙ-МИРЗА

Галей-Мирза не знает страха;
Его рука верна, сильна:
Он рубит с одного размаха
От головы и до седла.

Всегда его стрела доходит,
Куда назначил верный глаз;
Кинжал раздора не заводит,
Но мстит всегда один лишь раз.

Галей отрёкся Магомета,
Хулит, смеётся над Аллой;
В стенах священных минарета
Не очищается мольбой.

Галей с гяуром дружбу водит,
Пьёт с жадностью вино и кровь —
И, презирая бурю, бродит
Угрюм и дик среди лесов.

Но в битве той, когда явился
Буонаберди перед ним,
Галей дрожал, Галей склонился —
И был во прахе недвижим!

«Современник», 1841 г.

ПАМЯТИ М. Ю. Л.

Ещё столь полная и слёз
и содроганья

Над урной славного поэта моего,
Россия тёплой улыбкою вниманья
Почтила юного преемника его.

Он поднял сладкие в народе
песнопенья,

Найтием божественным горя,
И каждый стих его

был гордою ступенью
Любимого бессмертьем алтаря.
А ты свершил подлеяшего убийства

Но был тогда ещё я слишком мал
И смысла этих слов не понимал.

* * *

Если славным певцом
своей Родины

Стать не смогу,
Кровью сердца зачем
Я всегда наполняю строку?
Почему безотчётная радость
Пронзает меня,
Когда солнце встаёт
У истока грядущего дня?
Почему каждый раз я печалюсь
От горя людского,
Из души высекая
Единственно нужное слово?
Почему я горю постоянно
В незримом огне?
Боль и радость планеты
Всё время вскипают во мне!
Может, завтра забудут уже
Моих песен слова...

Только вновь пробивается
К вешнему солнцу трава.
Только вновь я ночью порой
Карандаш заострю,
Чтобы новая песня пробилась
Из сердца в зарю.

АНАФЕМА ВОЙНЕ

В этом мире двое
встретили друг друга —
Клялись, что не страшна любви
разлука,
Что преграду между ними возвести
Не сумеет даже смерть в конце пути.

Но настало время бедствий
для страны —
Небеса спалило заревом войны, —
И ушёл он, чтобы в праведном бою,
Защитив страну,
Спасти любовь свою.

...Мчатся годы, и проходит
день за днём,
Спит солдат в могиле братской
под Орлом.
А она на сельском кладбище одна
Ждёт его — и смерть над нею
не вольна.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Пустынна Вселенная...
Вечер осенний
У нас позади с тобой,
Да лунная тропка,
Да цепь заблуждений
В целую жизнь длинной.

Альвади Хасмагомедович Шайхиев (1947–2018) — чеченский писатель, поэт и журналист, переводчик, педагог, филолог. Член Союза писателей СССР (1975). Родился в депортации в селе Октябрьское Мирза-Акинского (ныне — Узгенского) района Ошской области 12 апреля 1947 г. Закончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института в 1970 г. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького (1979). Преподавал в Чечено-Ингушском государственном университете. Автор сборников стихов «Чувство» (1969), «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и др., выходивших в Грозном и в Москве. Стихи печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и др. Работал редактором отдела поэзии в литературно-художественном журнале «Вайнах». Редактор первого перевода Корана на чеченский язык. Удостоен звания «Заслуженный журналист Чеченской Республики» (2011).

Встанет в вышине,
Но и тогда
Не станет легче мне.

Не спишь? Прошу,
Иди сюда, жена!
Ты выслушать сейчас
Меня должна.

Пока не встала
За окном заря,
Бумаги кипу
Измарал я зря.

Ведь всем моим
Стараньям вопреки —
Хоть плачь! —
Не получилось ни строки.
Теперь,

От неудачи захмелев,
Излить я должен
На кого-то гнев.
Да на кого?
Да на тебя, жена!
Все спят вокруг,
Лишь ты не спишь одна.

* * *

В горах желают девять благ
Всем, кто открыт душою.
Спешат за добрые дела
Воздать с лихвою.

А труса девять раз подряд
Проклят лихом чёрным,
Проклятья вослед ему гремят
Обвалом горным.

АРБИ МАМАКАЕВ

ПОСЛУШАЙ, ДЖИГИТ!

БУРЯ

Дождь с неба нисходит столпами,
Тьма, как море, глубока,
Грохот сотен пушек над нами —
В бой вступают облака.

Ветер воет, не уставая,
Град гремит, легла трава.
Волны бури, крыши срывая,
Рushат наземь дерева.

Мой товарищ в ночь такую,
В эти чёрные часы,
Смотрит прямо в ночь грозовую
Пограничной полосы.

А в глазах — спокойная сила,
Твёрдой воли торжество.
Отчий край беречь научила
Наша армия его.

1939 г.

Перевод *Арсения Тарковского*

НИЖНИЙ НАУР

Мы расстались. В день разлуки
Был я мал, мне шёл восьмой.
Мать ко мне простёрла руки:
«Будь же счастлив, мальчик мой».

Видел я другие реки,
Слышал смех других людей.
«Не увидеть мне вовеки
Милой родины моей!»

Я, влюблённый от рожденья
В мой Наур, бывал во сне
В саклях нашего селенья.
Игры детства снились мне.

А теперь я вижу снова
Берегов родных простор.
Годы детства золотого
Затуманили мне взор.

Я на Терек и на стены
Сакли нашей вновь гляжу,
И большие перемены
Я в Науре нахожу.

В новой праздничной одежде
Ты ещё светлей, чем был.
Я тебя сильнее, чем прежде,
Взрослым сердцем полюбил.

1939 г.

Перевод Арсения Тарковского

ВЕЧЕР

Терек, бурливый Терек!
Зелен пологий берег.

Скрыт островок высокий
Зарослями осоки.

Горлица в роще стонет.
Ястреб в лазури тонет.

Тучка плывёт несмело.
Солнце, пылая, село.

Девушка в платье длинном
Сходит к воде с кувшином.

Катятся волны мимо.
Вышел джигит к любимой.

Долго бродить влюблённым
По берегам зелёным,

Прошлое вспоминая,
Радуюсь дням грядущим.

Стелется мгла ночная,
Смотрит в глаза идущим.

1938 г.

Перевод Арсения Тарковского

РОДИНА

Весеннее цветение
вас красит, горы милые,
а осень благодатная
дарует урожай.

Хребтами опоясана,
морями окружённая,
ухоженная пашнями,
где колосится хлеб.

Окутанная рощами
деревьев и кустарников,
раскроенная нитями
прозрачных родников.

Пою вас, сердцу близкие
просторы моей Родины.

ПОЭТУ

Что может быть родней тебя
для сердца моего?!

Рассеяв тьму кромешную
и победив невежество,
ты людям в мир грядущего
указываешь путь.

Ты, Родина-страдалица,
ты наша мать-кормилица,
надежда и заступница
для нас, твоих детей.

И тот, кто любит Родину,
кто воевал за Родину,
кто ей служил безропотно,
тот с ней не пропадёт.

1956 г.

Перевод Вадима Рахманова

В ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ

Красные флаги алеют,
радуга вешних цветов,
солнце приветливо греет,
гомон людских голосов.

Ветер, листвою играя,
где-то плутает в горах.
Родину в дни Первомая
я воспеваю в стихах.

Я, как и все, солидарен.
Радость мою не унять:
сердцем хочу солнцедарным
Родину нашу обнять.

Люди весёлые всюду,
лозунги, песни и смех...
Но никогда не забуду
братьев расстрелянных тех.

Тех, кто в Чикаго в мае
честь защищали и труд.
Им я стихи посылаю,
в них мой прощальный салют.

1957 г.

Перевод Вадима Рахманова

Много лет миновало,
как мы не видались с тобою.
Горя видя не мало,
ты опять повстречался с бедою.

Погрустнели глаза,
нас болезни не красят с годами.
Отгремела гроза,
милый друг мой, в те годы над нами.

Знаю я, что тогда
причинил ты мне горе невольно.
Тебе верил всегда...
Но встречаться с тобою мне больно.

То, в чём я убеждён,
повторяю: всегда ты был честным.
Ты поэтом рождён
и остался поэтом известным.

Будь же крепким в борьбе,
распрямись и не смей падать духом.
Знай, что в нашей судьбе
места нет ни наветам, ни слухам.

И не кайся в грехах.
Ты душою своей — не калека.
Лучше в новых стихах
возвеличь и воспой человека.

1957 г.

Перевод Вадима Рахманова

ПОСЛУШАЙ, ДЖИГИТ

По горам и по долинам,
Раздвигая валуны,
Лес прибрежный размывая
Буйной силою волны,
Пни срывая и коренья,
Так, что корчится земля,

Вдаль несётся буйный Терек,
Грозно волнами бурля.

У истоков изначальных
Дерзкой силою горды
И, вздымаясь торопливо,
Волны режут гладь воды.
Изливаясь на равнину,
Упокоится вода,
И узды уже не нужно,
Чтоб смирить её тогда...

Молодой джигит, послушай!
Сила юности твоей
Усмиряется с годами
Мерным ходом наших дней.
Возраст юности проходит.
Позаботься, чтобы ты
Не остался одиноким
В ожиданье темноты.

Ты цени любовь супруги,
Дружбу сверстников своих.
Ведь безмерно одинокий
Тот, кто не имеет их.
А когда отцом ты станешь,
То люби детей своих.
Время грустное наступит —
Не прожить тебе без них.

1957 г.

Перевод *Ивана Голубниченко*

ЛЮБИМОЙ

Моя душа, влюблённая в тебя,
Повсюду видит только лишь цветы,
Грустя, когда, дочь матери своей,
Встаёшь опять передо мною ты.

Я, юноша, мечтаю о тебе,
Но ты того не видишь — почему?
Едва тебя увижу, как во мне
Трепещет сердце. Отзовись ему!

Я душу всю свою тебе открыл:
Не нужно расставаться нам вовек.
Узнав меня, как мужа своего,
Ты в этом не раскаешься, поверь!

Услышь, как сердце бьётся от любви
И жаждет ласки искренней мольбой.
Поверь — когда останемся вдвоём,
Мы будем вечно счастливы с тобой.

Когда бы полюбила ты меня
Хоть вполовину от моей любви,
Мне было бы довольно и того,
С безумием влюблённости в крови.

А если и на то не хватит сил,
Я принуждать не стану, жизнь моя,
Лишь только позволенья попрошу
До самой смерти мне любить тебя.

Перевод *Ивана Голубниченко*

ПРЫЖОК ЗА СТЕНУ

Папа распахнул дверь. И мы с ним увидели худого мужчину в военной одежде, выпрыгивающего с нашего чердака. Это происходило под навесом. Папа бросился за ним. Незнакомец, словно Человек-паук, вскарабкался по трёхметровой кирпичной стене. Я подумала: «А что будет с папой?» Ведь, ему за сорок лет, и он не настолько гибкий и шустрый, чтобы залезть на высокую стену без лестницы. А папа — мигом за ним по той же стене, впиваясь руками и ногами в кирпичи. Словно у него был невидимый клей. Прозвучал звук лёгкого приземления от стука ботинок военного. И отец тоже прыгнул по ту сторону стенки, и послышалось громкое падение.

Я выдернула стальной стержень в виде буквы «Г», и железная дверь зелёных ворот со скрипом распахнулась. Я смотрела вглубь туманной улицы. Светало. Поспешно ускользала фигура незнакомца. И папа упрямо бежал за ним. Он не хотел сдаваться. Ведь папа — чемпион Северного Кавказа по бегу и никогда не отдавал первые места. «Как я мог проиграть? Ведь на меня столько людей смотрело!» — объяснял он. Я понимала, что он будет до последнего бороться. Папа не тренировался пять лет, из-за войны забросил. И даже, если начал, то его время, как спортсмена, уже давно ушло. Я стояла в огромной красной олимпийке отца с надписью «СССР». Папа восхищался советскими спортсменами. А недавно он сжёг толстую кипу дипломов и грамот, полученных на соревнованиях. Вернее, он их брал по одной и растапывал огонь в печи на кухне. Папа машинально хватал на ощупь грамоту и

Ася Умарова родилась в 1985 г. в г. Городовиковске Калмыцкой АССР. Окончила Чеченский государственный университет в Грозном и Кавказский институт СМИ в Ереване. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Юность», «Звезда», «Нева» и др. Живёт в Чеченской Республике. Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов. Персональные выставки её картин проходили в Санкт-Петербурге, Тбилиси, Грозном, в городах Италии. В 2016 г. дебютировала с мультфильмом «Война. Бельё из прошлого», ставшим победителем на конкурсе Фестиваля кино «Вкратце!» в Волгограде.

подносил к зажжённой спичке. Затем, когда бумага загоралась бегом читал описание и резко задувал:

— Да, это же за победу в ... Я же без подготовки тогда вышел! Меня же папа отправил пасти коров прямо перед...

И он брал вместо этой, значимой, грамоту, скажем так, ниже по рангу, за победу в районных соревнованиях или республиканских. В этой реальности эти все бумаги абсолютно ничего не значили. Ты — не спортсмен, не актёр, не кондитер, не электрик... ты как все: просто выживающий человек. И теперь дипломы в воображаемом мире задымились снова, и я на нашей улице, дым перевоплотился в туман, я все ещё жду возвращения папы. Я вспомнила сцену из фильма «Ностальгия» Тарковского, мальчика в таком огромном пиджаке, окружённого туманом, как я сейчас. Словно ребёнок неожиданно повзрослел, но этого не ощущал или не замечал. Мальчик умел только красиво смотреть вдаль. А у меня лаяли отдалённо не собаки, а доносились звуки разрывающихся бомб и низко пролетающих самолётов. И я поняла, что умею только вот так смотреть вдаль, окружённая туманом, в красной огромной олимпийке отца с надписью «СССР». И больше ничего. Я стояла босиком, так как не успела обуться. Холод пронизывал ноги.

Папа боялся тумана. Когда он жил с родителями в Казахстане, то каждое лето присматривал за утками, гусями и курами одной казахской семьи и такую работу они оплачивали яблоками сорта Джонатан. Но однажды папа с птицами попал в густой туман. Ему было восемь лет, и он, растерянный, рассекал клубы беспросветной мути, окликал и звал их. Папа вернулся расстроенный с оставшимися двумя утками и четырьмя курами. Его отругали родители за то, что им пришлось заплатить за потерянную птицу. С тех пор папа не выносил, когда кто-то в селе поджигал мусор, и клубы дыма заполняли пространство. Он бежал с ведром воды и поспешно тушил. Он начинал задыхаться, так как эти клубы дыма возвращали его в тот самый день, когда подвёл всех.

Как только две фигуры скрылись в тумане, я вдруг возненавидела себя. Представила, что этот военный может повернуться и стрельнуть в папу или кинуть на бегу гранату. Ну, кто же меня просил выбегать из комнаты и будить папу из-за этих дурацких шагов на крыше, которые мне слышались? Так устала ложиться в постель в одежде и ставить обувь рядом с кроватью, чтобы в любой момент побежать. Я что, какой-то солдат, что ли? В некоторой степени, папино призвание передалось и мне, только вот я не в восторге. И обувь надо покупать удобную, чтобы без застёжек и шнурков там всяких. И главное, чтобы ничего не цеплялось. Моя подруга Селима как-то поинтересовалась:

— А сейчас не стыдно одеть весеннюю обувь... в конце февраля? Люди не будут смеяться надо мной?

До сих пор не могу забыть, как удивилась, потому что за этими бомбами, взрывами, подвалами даже не заметила, что наступили осень, зима, лето. Я могла только натянуть шлёпанцы или галоши. А тут — «не стыдно ли весеннюю обувь в конце зимы»? «Я просто подумала. Наверное, люди будут смеяться надо мной», — ещё добавила она тогда. Смеяться? Делать им нечего?!

Я так мечтала лечь спать в ночнушке, ну в такой — из тонкой, лёгкой ткани пастельных оттенков, и поверх глаз — атласная маска для сна. Видела в нескольких фильмах. От взрослой жизни я бы предпочла эту маску розовую для сна — и всё. Больше ничего не надо. Я бы стояла рядом с этим актёром из «Ностальгии», только вот в этой повязке, и чтобы меня никто не тревожил. И, наконец, избавиться раз и навсегда от ощущения готовности ринуться в «спасательный» путь, когда бомбят. Как же я не люблю суету! Ну, походил бы человек на нашей крыше и ушёл. Жалко, что ли? Как можно быть настолько глупой? Пора повзрослеть. Мы с папой нарвали до войны листьев ореха и набросали под крышей. Кто-то сказал, что это поможет, чтобы не поселились мыши или крысы. Папа такой всегда наивный и всему верит. Кто же знал, что бывают и другая живность? Если его убьют, то никогда себе этого не прощу. Папа так поспешно вскочил с паласа, когда я сообщила о шагах на крыше, как будто кто-то его во сне ударил по лицу, и он пытался от этих ударов отмахнуться. Ну я же не думала, что он захочет увидеть — в буквальном смысле — эти «шаги». Он же до последнего будет гнаться теперь за ним. Удивительно, но впервые в жизни захотелось, чтобы в этом «соревновании» он проиграл. Ведь зрителей то всё равно мало... я и этот незнакомец.

Вспомнила, как мы с папой, мамой ходили на посиделки к тётке Малиде до войны. Она открывала к чаю коробку шоколадных конфет.

— Это пьяная вышня, — именно так произносила тётя Малида.

Такие коробки дарили ухажёры и поклонники. Неожиданно папа исчез. Я спросила несколько раз тогда у тётки и у мамы: «Где папа?» Тётя Малида сказала, дразнящим голосом:

— Мы прогнали твоего папу и попросили выйти отсюда.

Она ещё так громко засмеялась после сказанного, что сверкнули золотые вставные клыки. Конечно же, она шутила. Но я почему-то поверила. Выбежала на улицу. Темнело. И папа в тумане рассекал улицу поспешным шагом и исчезал вдаль. Я также как и сейчас — выбежала босиком. Холодные камни, словно льдинки, кололи пятки. Развевался папин бежевый тренч до колен. Его длинные чёрные волосы тоже развевались. Мне стало его очень жалко тогда, и я возненавидела тётю:

— Папа, папа... не могу тебя догнать! — но меня никто не слышал. Когда глаза наполнились слезами, силуэт скрылся. С тех пор я не понимаю этих странных шуток тётки Малиды.

И тут появляется из тумана отец, откашливаясь и задыхаясь в чёрном свитере с зелёными загогулинами, который сшила тётя Малида на специ-

альной машинке из тонкого трикотажа. Хоть одно доброе дело сделала. Он остановился, уткнулся ладонями в колени и тяжело задышал. Несколько раз откашлялся. Я подбежала и попыталась обнять.

— Где лампа?! — закричал папа и ринулся на кухню. Он не замечал ничего. Всё, что он понимал — это свой проигрыш.

Послышалось, как попадали кружки, блюда и ложки с вилками. Он зажёл фитиль керосиновой лампы, а сверху пристроил плафон, и свет озарил навес. С лампой он направился в сарай и там тоже обвалились лопаты, грабли, вёдра, тяпки.

— Где лестница?! — закричал он.

Папа вытянул из темноты одной рукой деревянную лестницу. Приставил к чердаку.

— Не надо! Что ты делаешь? — мама только проснулась и пыталась застегнуть кардиган. — А вдруг граната? Опасно же!

— А я хочу эту лестницу!

Папа был вне себя от злости и ярости, ведь он никогда не проигрывал. Я была уверена, что он не чувствовал на тот момент никакого страха. Но он очень обрадовался такому слову, как «опасно», и настырнее полез по лестнице. Да, он готов был взорваться на этой крыше, чтобы забыть, как его только что обогнали. Как принять тот факт, что ты уже не самый быстрый?

— Поднимусь по этой лестнице! — мотал головой папа, будто бы спорил сейчас с воображаемым человеком. Хотя мы уже давно с мамой молчали, и никто не собирался его останавливать.

Папа расхаживал внутри крыши долго, и было слышно, как он швырял в разные стороны ореховые листья.

— Вы не сможете остановить меня! Никто не сможет остановить меня!

Мы с мамой ждали его внизу, и зубы стучали от холода. Папа вдруг выкинул из чердака охапку искусственных красных роз. У мамы был уговор с папой перед свадьбой, чтобы в вазе всегда стояли свежие цветы, как свидетельство его любви. Но с началом войны он нарушил обещание. А когда достал через знакомых эти искусственные розы и поставил в глиняную коричневую вазу, то мама заявила, что искусственные цветы — это смерть. И лучше пусть вообще их не будет, чем такие.

Но он больше ничего не нашёл. Папа ещё долго там стоял. Пытался отдышаться. А может, хотел, чтобы мы зашли в дом и оставили его в покое. И вскоре спустился к нам, но прежде, чем вернуться, он задул лампу, чтобы нас не видеть, чтобы не показывать своего лица. Я заснула в эту ночь в обуви и долго плакала то ли от жалости к папе, что проиграл, то ли от дискомфорта... так неудобно спать в обуви.

На следующий день родственники окружили папу на кухне. Мы даже открыли трёхлитровую банку компота абрикосового со шпанкой компота, которую хранили на Новый год. Мама рассказывала, как она умоляла его не

лезть на крышу, что он сильно рисковал. А папа радостно громко перебивал маму:

— А я сразу поднялся на чердак! Вжу-у-ух! — повторял счастливый папа, махая руками и изображая самолёт ладонью, который взвигается вверх. Вот так вот беспрепятственно. Махал головой. — А я сразу побежал! Вжу-у-ух!

АХМАД СУЛЕЙМАНОВ

ОГОНЬ, ОГРЕВАЮЩИЙ СЕРДЦЕ

КОНАХ

«Что значит «конах»? — ты спросил.
— И какова ему цена?»

И я сказал тебе в ответ
под гул торжественного пира,
Что конах — это славный муж,
чья жизнь другим посвящена,
Что конах — это тот, на ком
покоятся устои мира.

Ретив и ловок конь в горах,
пока подкован крепко он,
Подковы стёрты, — станет конь
хромым, беспомощным и вялым.
Пока есть конахи средь нас, —
незыблем доблести закон,

И можем смело мы идти
по самым трудным перевалам.

Да, конах — это богатырь,
чьё сердце бьётся для людей,
Что служит правде и добру
во имя Родины любимой.
В ком нервы — лука тетива,
в ком разум — ярче ста огней,
Чья, словно сталь, душа
тверда и к подлости непримирима.

Бахвальство презирает он,
достойно ценит удальство,
И мудрость знаний для него
дороже всех богатств несметных
Когда вы сходитесь на пир,

Ахмад Сулейманович Сулейманов (1922–1995) советский чеченский исследователь-краевед-кавказовед, просветитель, педагог, народный поэт, фольклорист, переводчик, художник и музыкант. Народный поэт Чечено-Ингушской АССР, заслуженный учитель Чечено-Ингушской АССР, член Союза писателей Чечено-Ингушетии и Союза писателей СССР.

оставьте место для него:

Кто в битве за Отчизну пал, —
тот вечно жив в строю бессмертных.

Они всегда среди живых —

герои, витязи, борцы,
Кто справедливость утверждал,
чья кровь — на пламенных
знамёнах.

Чья жизнь прекрасна и чиста,
как гор заоблачных венцы,
Кого народная молва
почтила гордым званьем — конах!

РАССВЕТ В ГОРАХ

Озарённые рассветом,
Розовеют выси гор,
С первым солнечным приветом
Оживает птичий хор.

И олень ветвисторогий
Сквозь редеющую тьму
Устремляется в тревоге
К оленёнку своему.

Потому что в чаще где-то
Выл всю ночь сверепый волк,
Даже в зареве рассвета
Волчий голос не умолк.

Вторит волку диким воем
Бурный, пенистый Аргун, -
И весьма обеспокоен
Этим всем олень-прыгун.

Лёгкой тенью вверх несётся
Мать-олениха, с ней сын,
Чтоб добраться раньше солнца
До спасительных вершин.

И луна, взглянуть не смея,
Как лучами блещет день,

Прочь с небес бежит скорее,
Как испуганный олень.

ОГОНЬ, СОГРЕВАЮЩИЙ СЕРДЦЕ

Как ночь страшна!

Снежок колючий
Пути-дороги перекрыл,
Мой конь, плетясь
вдоль горной кручи,
Тревожно уши наострил.

Стал вороной мой поседелым:
Его осыпал вьюжный снег,
Во тьме густой, в тумане белом
Попробуй, отыщи ночлег...

Как сито, бурку продувая,
Бушует ветер ледяной,
И кажется, что волчья стая
Крадётся за конём и мной.

Мой лоб исколот
льдистой крошкой,
И холод у меня в груди...
Вдруг освещённое окошко
Мелькнуло где-то впереди!

Гостей от волка и от вора
Собачье отличит чутьё:
Дворняга умная нам скоро
Покажет, как найти жильё.

«Эй, нахи!» — я кричу; и в доме
С окна отводят крылья штор:
Чем гость нежданней, незнакомей,
Тем он дороже людям гор.

«О гость, благословляю время,
Что привело тебя в мой дом!»
Рукой придерживая стремя,
Помочь расстаться мне с седлом

Спешит хозяин... «Злится выюга,
Но будет счастлив твой приход!
Коль по душе моя лачуга,
Гости у нас хоть целый год!»

Хозяйка у огня хлопочет,
Добра, радушна и щедра,
И сердце здесь остаться хочет,
Да утром снова в путь пора...

Ещё мороз неся с собою,
Сажусь поближе к очагу,
А детвора уже гурьбою:
«К нам гость», — трезвонит на бегу.

Сижу я на почётном месте,
Накормлен и укрыт мой конь,
Идёт беседа честь по чести,
Всё жарче в очаге огонь.

Но горячей огня любого
Сердец приветливых тепло,
И дружбы ласковое слово
Мне душу отогреть смогло!

ГОРНЫЕ РОДНИКИ

Пей нашу воду! Впитаешь ты с ней
Мудрость и знание, что дарят нам горы.
Бурно струимся мы между камней,
Плавню втекаем в степные просторы.

Не остановимся мы ни на миг —
Помните: жизнь и свобода —
в движении!

Холод и ясность даёт нам ледник,
Солнце в нас ищет своё отраженье...

В горы обратного нет нам пути:
Устье не смешивается с истоком.
Может и силу, и ум обрести
Тот, кто прильнёт к нам
в раздумье глубоком.

* * *

Правая да не устанет рука,
Если ты полн благородного гнева.
Если душа у тебя широка —
Людям добро делай правой и левой!

Немногословен пусть будет язык,
Он как кинжальное лезвие служит.
Тот, кто владеть
своим словом привык,
Вооружённого обезоружит!

* * *

Башни вайнахские строили так:
Кверху — поуже, а снизу — пошире.
Предков уменье — как памятный знак:
Жить без основы нельзя в этом мире.

К камню прилаживал мастер впритык
Камень, его обтесав аккуратню,
Словно он душу гранита постиг,
Были ему тайны камня понятны.

Слово из уст выпускать не спеши,
Слово должно быть и метким,
и точным
Слово, что сказано не от души,
Станет не камнем,
а комом песочным.

Тот не хозяин папахе своей,
Кто не умеет держать своё слово.
Произноситель бездумных речей
Слаб и нестой, что конь
без подковы.

Глянь на дорогу пред тем,
как шагнуть,
Хочешь сказать —
поразмысли сначала.
Будет равна речи вдумчивой суть
Вовремя выхваченному кинжалу.

Меткое слово — надёжней ружья,
Пулям слова уподобили деды.
Там, где ломались мечей острия,
Мудрая речь добывала победу.

Если растратил ты свой капитал, —
Честная бедность не будет укором.
Если ж ты совесть свою промотал, —
Имя своё ты покроешь позором.

ЭРЗУ БАНЖАЕВ

ДУХ ЮНОСТИ

ДОЖДЬ

Для неба колпак сладив,
Нежданно пастух-ветер
Согнал облака в стадо
И солнце едва светит.
А факел дрожит гневно
Горит небосвод ало,
И шёпот ветров нервный
Расширился до скандала.
Вмешался и гром в бучу,
Ругается он всерьёз,
И в этот момент тучи
Сдержать не смогли слёз.

Перевод Юрия Литвяка

НОЧЬЮ, ПРИ ЛУНЕ

Засияла в небе полная луна,
Растревожив память
среди ночной тиши.
О тебе я вспомнил, и душа полна
Светом, что подарит мне покой души.
Как же захотелось, чтобы ты со мной
Свой покой делила
этой лунной ночью.
Как же любоваться я люблю луной!
Из-за нас с тобою спать она не хочет.
Ты — мой собеседник, полная луна,
Каждое мгновение

проживаю сердцем

Банжаев Эрзу родился 22 октября 1987 г. в селе Гезен-чу Веденского района Чеченской Республики. Закончив среднюю школу в селе Курчалой Курчалоевского района, поступил в Махачкалинский институт финансов и права (2013). Стихи пишет в основном на чеченском языке. Публиковаться начал с 2009 г. в районных газетах и журналах. Автор поэтического сборника «Сто мыслей». Стихи публиковались и в коллективных сборниках.

Возвращаюсь вновь в былые времена,
Им из нашей памяти никуда не деться.
Мой покой потеряян, этой ночью он
Проникает в космос и ночные дали,
Память всё бушует, не приходит сон.
Будет завтра тихо? Отдохну тогда ли?
Засияла в небе полная луна.
Растревожив память

среди ночной тиши,

Думую унылой эта ночь полна.
Мы с луной едины. Больше ни души...
Перевод Юрия Литвяка

Я НОЧЬЮ НЕ МОГУ ЗАСНУТЬ

Я ночью не могу заснуть,
Со мною ночь играет лживо:
Пройдённый мною в жизни путь
Мне в изголовье положила.
Поэтому в душе печаль:

Тех дней уже не будет боле,
Их мне во сне дано встречать
И снова мучиться от боли.

Перевод Юрия Литвяка

КАК БЫ МНЕ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ...

Изящен мир земной,
Дух юности со мной.
Живу и жизни жажду,
Любясь мигом каждым.
Не вечна наша жизнь,
Уйдём, как ни держись,
Хочу я жить, но боя,
Не вынести с судьбою.
А время всё спешит,
Нить рвётся — не зашить,
Хотелось бы жить вечно,
Но ждёт со смертью встреча...

Перевод Юрия Литвяка

ТУМАНИ ВИСИТАЕВА

ОСЕНЬ БЕЗ ОТЦА

ЕСЛИ Я, ОШИБАЯСЬ, СОЙДУ С ПУТИ

Если я, ошибаясь, сойду с пути,
Презрев все правила и законы,
Сможешь ли ты понять меня
и спасти?
Я винить одиночество склонна.
Мысли мои легли на стопки листов,

Вновь себя сиротой нарекаю.
Если ты ответ мой услышать готов,
Я бесстрастно тебе отвечаю:
— Слова откровенные святы, нежны,
Рифмы клокочут в новых поэмах.
Покая вопросы твои лишены,
Бегу к одиночеству в плен я.
А магия жизни, запутав следы,

Красит мир из белого в тёмный,
И когда ты один вдруг станешь седым
Меня обязательно вспомни.

ОСЕНЬ БЕЗ ОТЦА

Не терзай себя понапрасну, осень,
Не скрывай за ветками взгляд пустой.
Нет вины твоей, что печаль без спроса
Обняла меня. Я одна с бедой.
Мы с тобой невзгодами схожи очень,
Ты украдкой плачешь, ты холодна.
Не горит очаг, замер голос отчий,
Наполняет грустью дом тишина.
Каждый лист, оплакав в тенистой роще,
Ты всё так же призрачна и бледна.
Не вини себя в злоключеньях, осень,
Будь со мной, будь рядом, ведь я одна.
Упрекать тебя я не смею, осень,
Коль по воле Бога я сирота...

ТЫ, КОГО ИСКАЛА Я ГОДАМИ

Ты, кого искала я годами,
В мыслях и стихах воспетый мной!
И молилась долгими ночами,
Чтобы жизнь свою связать с тобой.
А душа, сломав запреты, рвалась,
Плен отвергнув, мчалась за твоей,
В чудоснах в садах с тобой встречалась,
Сказочнее не было ночей!
Ты ко мне явился божьим даром
Подарить мне счастье и покой
Или миражом, мечтой, обманом,
Боль и муку спрятав за спиной?
Сумрак давит сердце вечерами,

Ангел смерти реет над судьбой.
Не жалею. Я ждала годами,
Чтобы миг счастливой быть с тобой!

В ГОРАХ ЧЕБЕРЛОЯ

В древнем и цветущем Чеберлое
Ждёт меня джигит у родника.
В гордое ущелье с травостоем
Нежно заглянули облака.
О любви, подаренной весною,
Трепетно твердит джигит слова.
Обещает счастье неземное,
За море зовёт на острова.
Но лишь горы дарят вдохновенье,
Лечит душу чистая река.
Не по мне заморские владенья,
Здесь хочу я счастья на века.
Заповедь отцов всегда поможет,
А земля спасёт наверняка,
В ней одной покой подарит Боже,
Мне моя отчизна дорога!

ОТЧИЗНА

Я так по тебе скучаю, что даже во сне
Мысли мои бегут по тропинке в горы.
Круглые сутки
в привычном смятении дней
Веду я с тобой бесконечные разговоры.
На чужбине не греют солнечные лучи,
Зелёные травы не тешат души, а гложут,
А дорога на родину вьётся
в глухой ночи.

Отчизна моя, ты всех для меня дороже!

Перевод Анжелики Салтановой

Тумани Виситаева родилась 30 июля 1984 г. в селе Шали Шалинского района Чечено-Ингушской АССР. В 2001 г. закончила среднюю школу № 8 г. Шали, Школу юных корреспондентов Министерства печати ЧР (2015). Работала внештатным корреспондентом республиканской газеты «Даймохк», в настоящее время — специальный корреспондент межрегионального движения «В защиту прав и свобод человека — «Коалиция» Министерства юстиции РФ (с 2018). Пишет стихи на чеченском языке. Публикуется в газетах и коллективных сборниках.

ХАВА ДЖАМУРЗАЕВА

ВТОРОЕ КРЫЛО

ГЕРОЯМ ОТЕЧЕСТВА

Мы своих героев помнить будем
Даже сквозь далёкие года!
Верных патриотов не забудем.
Честь и слава воинам всегда!
Чтоб сегодня счастливо мы жили,
Чтоб царил покой в родном краю,
Многие тут головы сложили
И за мир отдали жизнь свою.
О, Ахмат-Хаджи! Герой и воин!
Пусть Аллах признает газават!
Вечной славы он теперь достоин!
Ты ж, мой друг, свободе этой рад...
Для народа главной целью было
Землю от врагов освободить.
И героям мужества хватило
В той войне кровавой победить.
Смело все герои воевали,
Не сдаваясь, не боясь потерь,
Чтобы мы благу весть узнали:
«Мир на нашей Родине теперь!»

МАМА

Мама, ты мне с детства
душу согревала,
Передав от сердца всё своё тепло.
Жизнь мою младую
в сказку превращала,
В скромности и вере
воспитанье шло.
Дорогая мама, как я благодарна!
Ты мне всех дороже!
Я горжусь тобой!
Ты со мною вместе,
в мыслях солидарна.
Я хочу, чтоб тоже
ты гордилась мной...
В горе и несчастье,
если сердце плачет,
Я своим страданьем
поделюсь с тобой.
Всё ты понимаешь, и никак иначе...
Плачущему сердцу
ты вернёшь покой.

.....
Хава Джамурзаева родилась 22 июня 1999 г. в селе Девкара-Эвла Грозненского района Чеченской Республики. Среднюю школу окончила с золотой медалью, поступив в Чеченский государственный педагогический университет. Стихи и рассказы начала писать в школьные годы. В настоящее время учится на 5-м курсе Чеченского государственного педагогического университета. Стихи публиковались в коллективных сборниках и журналах.
.....

В одинокий вечер
грусть меня тревожит:
«Вдруг цветочек с сердца
упадёт, скорбя?»
Леденящей мыслью
беспокойство гложет.
Пусть Аллах Всевышний
сохранит тебя!

ТАКАЯ ПОДРУГА, КАК ТЫ, НЕ У ВСЕХ

Такая подруга, как ты — не у всех:
Поможешь, где надо, и рядом душой.
Не видимся долго, но это не грех.
Ты слово мне дай: оставаться такой.
«Звезда нашей дружбы
сияет нам пусть» —
Я так постоянно себе говорю.
Сумев сохранить
связи родственных уз,
Ты стала подругой. И я не хитрю.
Я так благодарна судьбе за тебя,
Твой дар пониманья без ссоры и лжи.
Ты тоже надейся во всём на меня.
«Подруга, мне помощь нужна», —
ты скажи.

КАК ЖЕ БЫСТРО ВРЕМЯ ПРОЛЕТАЕТ

Как же быстро время пролетает,
Словно мы опаздываем жить.
Мама, знаешь, дочь твоя мечтает

Целый мир у ног твоих сложить.
В быстроте часов и лет бегущих,
В полуночной тёмной тишине,
Не могу уйти от дум гнетущих,
Мысли разъедают сердце мне.
Разделившись, вместе со слезами,
Сердце днём вернётся к бытию.
Оживляешь ты любовью, мама,
И меня, и в целом жизнь мою!

ПОКА ЖИВЁМ НА СВЕТЕ — СЧАСТЬЕ ЕСТЬ

Пока живём на свете — счастье есть:
Сестра и брат, отец и мать — семья.
Со временем мы вспомним
столько мест,
Характеров и слов из забытья.
А для сестры сестра — огромный дар!
Как честь людей —
богатство для страны!
Сквозь дождь и снег
проглянет солнца шар —
Своё тепло мы дарим так родным...
В своей семье мы создаём очаг
Любви, заботы, нежности людской.
На том и этом свете души, как
Сестра с сестрой и солнышко с луной.
Сестра моя — жемчужина моя!
Такую не найдёшь, как ни ищи.
Светла, умна, щедра! Так буду я
Вторым крылом святой твоей души!

Перевод Натальи Мишиной

БИТВА У ФЕРМОПИЛ

Arma verumque cano

1

Отливом в кровь болтается по ветру
Скупой лоскут спартанского плаща.
Когда-то здесь случилось человеку
Сойтись с судьбой, амбиции скрещая.

Когда пред тучной армиею Ксеркса
Склонились очередно короли,
Лишь Спарта, лишь Афины,
как известно,
Могуществом его пренебрегли.

Царь Спарты Леонид сказал тогда же
Во всю Элладу, чтоб услышал грек:
«Вспомнит человечество однажды,
Что здесь погиб свободный человек.

Персидскую лавину камень встретит,
В ущелье узком
каждый смерть найдёт.
Нам мало для победы сотни эти...
Чтоб умереть — довольно и трёхсот».

И войско со всего Пелопоннеса,
И с Аттики морские корабли
В ущелье Фермопильском
ждали персов.
Так сорок сотен на погибель шли.

Сгущалась мгла мидян
в Эгейских водах,
И некий трахинянин заключил,
Что туча стрел персидских,
как погода,
Погрузит в тьму ущелье Фермопил.

«В тени сражаться нам угодно
боле», —
Эллинские войска готовы в бой.
Разят слова Ахеменидской воли
Стихийностью, так скалы
бьёт прибой.

Спартанская фаланга — те же скалы.
И пусть её долбит персидский гнев.
Отвага обстоятельства не знала —
Как степень абсолютная для всех.

Сын Дария когда-то высек воды
В заливе Геллеспонт меж двух морей,
И цепи бросив в них, отняв свободу,
Наказывал и Мрамор, и Эгей.

И вот теперь, внушая грекам ужас,
Он их призвал сложить свои мечи,
Но сын Агидов,
царь спартанских мужей
Ответствовал: «приди, заполучи!»

2

Все силы слал в побоище агрессор,
«Бессмертных», саков, киссиев,
мидян,
И все тузы вдруг исчерпали персы
Ad gloriam для лакедемонян.

Два дня носил потери неприятель.
Казался персам невозможным враг,
Но, как гласят историки, предатель
В ином исходе битвы виноват.

Несчастный раб
своей несчастной доли,
Проклятий путь снискавший
тут и там,
Он сам себя возненавидел, что ли,
Привед персидцев к огненным
вратам...

Покинув утром боевые точки,
Эллинцы удалились в глубь Афин.
Спартанцев триста и две сотни прочих
Остались как упрямый паладин.

Велел тогда великий Леонидас
Соратникам, чтоб завтракали всласть,
Ведь тех, кто заодно
с царём погибнет,
В аду на ужин пища заждалась...

3

Задумчиво скривились всюду лица.
Роняет небо тускловатый свет.
И хочется молчанию сравниться
С простым непониманием, но нет.

Тут каждый понимает
ту беззвучность,
Как post quem овеличавших душ.
Судьба всегда испытывала лучших,
А лучший среди них —
спартанский муж.

Стегали персов с тыла воеводы,
По краю продвигая их тропы,
Которым ограничивались воды,
Срывая в бездну чудище толпы.

Другой судьбы для Греции не видя,
Как целостность все ринулись
к врагу,
И первым пал на поле Леонидас,
Как некий лев застыв на берегу...

Рассыпались с тех пор тысячелетья.
Немало в битвах пало храбрецов,
Но их пример подобия не встретя,
Навеки сохранил три сотни слов.

И некто оказавшийся у камня,
Под таким тела погребены,
Прочтёт слова,
восславившие память
О вечных победителях войны:

«Коль в Спарту путь твой
пролегает, странник,
Скажи им там о том, что видел здесь:
Лежащих нас под этим старым
камнем,
Спартанскую оберегавших честь...»

ИНГА ХАЯУРИ

«В СЕРДЦЕ МНОГО НАДЕЖД...»

* * *

Плывут беспечно тучи-крепьши,
Гонимы ветром по безбрежью неба.
И шелестит целительно в тиши
Листвой своей задумчивая верба.

Природа вновь меняет яркий грим,
И дождь всё льёт устало, виновато.
Зануда-ветер — вечный пилигрим -
Меня манит настойчиво куда-то.

Листвы ажур кружится в сентябре,
Гнездо родное покидает птица.
Колдует осень снова на дворе,
И, слава Богу, это мне не снится!

Теперь, пожалуй, я замедлю шаг,
Вздохну чуть-чуть,
присяду на скамейку.
Тяжёлых мыслей вскрою саркофаг,
А вдруг найду случайную лазейку?

Раздумий плод лишая шелухи,
Вкусив ядро, прозрею я душою,

И вязью лёгкой свежие стихи
На листьях клёна выведу рукою.

Лишая мысли глупых облаков
Ещё на шаг я стану ближе к Богу.
Из мира пустоты, не вечных снов
В забытый дом продолжу
путь-дорогу.

Кружиться будет в вальсе листопад
Под песню ветра, что слегка угрюма.
И покидая опустевший сад,
Оставлю шлейф
любимого парфюма.

* * *

Я бреду по аллеям красиво
цветущей весны,
Где случайный прохожий меня
ни о чём и не спросит.
Я бреду словно странник,
минуя вчерашние сны,
Где в чертогах меня заждалась
златовласая осень.

Инга Аликовна Хаяури родилась 28 сентября 1980 г. в селе Бамут Ачхой-Мартановского района Чеченской Республики. Финалистка республиканского литературного конкурса «Дебют». Член сообщества молодых писателей «Синмаршо». Публикации: альманах «Дебют», журнал «Литературная Ингушетия», альманах «Паровозъ», журнал переводов «Гоч» и местные литературные журналы.

Там осталось навеки босоное,
рыжее детство.

Там осталась садов,
узких улиц моих тишина,
Дом родительский —
он не сравнится другими домами.
А на детских висках
ранним снегом легла седина,
Повзрослели мы вмиг
не выдавшими жизни сердцами.

Там остались мечты
в пыль разбитым о пол хрусталём,
И по колким осколкам
прошли мы босыми ногами.
Мы, весны не познав,
надышались сухим сентябрём,
Не согретые солнцем,
промокли насквозь под дождями.

Нам обрезали крылья,
лишая своих облаков.
И лишили того, что по праву
могло быть лишь нашим,
И сегодня вкушая ядро
самых значимых слов,
Мы сквозь память идём
по листве той весною опавшей.

* * *

Вянут розы в саду —
впереди сероглазая осень,
Ливни смоят всю пыль
с тротуаров и узких аллей.
На пожухлой траве утром ляжет
задумчиво проседь,
И исчезнет вдали
дымкой тающей клин журавлей.

Облаков череда — взбитых сливок
воздушная пена,

Собираясь в гурьбу,
перекрасится в пепельный цвет.
Листопад закружит
чуть взволнованно в вальсе Шопена,
Мысли лягут в строку,
образуя осенний сонет.

Засучив рукава, разгребу
урожай листопада,
И смету я в костры всё,
что тянет жестоко ко дну.
С гибкой ветки сорву
ароматную кисть винограда,
Вздохом, слышным едва,
ни за что не спугну тишину.

Эту лёгкость души и покой
не нарушит былое,
Холодов не боюсь.
Не боюсь я давно нищеты.
Усмирила тоску,
на луну обречённо не вою
И с бедовой судьбой
перешла дружелюбно на Ты.

Здравствуй, осень! Опять
мы сошлись на тропе моей жизни,
Не похвастаюсь я... Не богат,
извини, мой улов.
Понимаю теперь, что немного
осталось до тризны,
Знай, мне дорог весь путь,
долгий путь жизни в сорок шагов.

* * *

Майский дождь пробежал по аллее,
Озорным босоногим юнцом.
С каждой каплей проворно смедея,
Словно был поднебесья гонцом.

Пробуждались весенние грозы,
Стрелы ярко секли небеса,

Ветки тонкие гнули берёзы,
Оживляя свои голоса.

Голубей сизокрылая стая,
Опустилась на узкий карниз,
Под обильным дождём промокая,
Уцепившись за хрупкую жизнь.

Между тучами солнце поблекло,
Птицы жались друг к другу тесней.
Я с тоскою глядела сквозь стёкла,
На бездомных своих голубей.

Зыбкость — вечная спутница жизни,
Вьются мысли мои словно плющ...
И, возможно, на том же карнизе -
Стая вечно блуждающих душ...

* * *

Над городом мёртвым
летит самолёт.

Никто не ликует, никто не поёт...
В неравных боях
обезглавлены танки,
И тел бездыханных живые останки.

Здесь сворой обглоданы
свежие кости.
Гиены в погонах — незваные гости,
Наводят в бесчинствах большие
порядки,

И стала столица Чечни
«смертьплощадкой».

Над городом мрачно сгущались
потёмки,

В Кремле зажигали нарядные ёлки.
Забившись в подвалах,
скорбящий народ,
В кровавых слезах
проводил старый год —

Под взрывы снарядов,
у смерти в тени,
Встречала отчизна моя год свиньи.
Железные птицы — могучая стая,
Кружилась победно,
всю живность сметая.

Багровыми пятнами птицы прошли...
Прими же, страна,
мой поклон до земли.
Днём траура утро январское стало,
И хвоя не хвоей благоухала...

Ликуй же, страна! Велика твоя эра!
У нас же осталась лишь голая вера!
Но выживший чудом —
всё впишет в анналы!
Чтоб помнили свято!
Чтоб не забывали!!

* * *

Прости меня, что я устала ждать.
Что перестала верить слепо в чудо.
В закрытом мире выхода искать,
Рукою горизонт достать отсюда.

Прости, что подружилась с тишиной,
Мелодий ветра так и не постигши.
Что я стояла молча за спиной
И на ладони выводила вирши.

Прости за взгляд искавший глубину,
И слёзы-росы под ресничной сенью,
За нашу не расцветшую весну...
За то, что я твоей осталась тенью.

* * *

Мне нравится ранняя осень,
Деревьев багровый наряд,
Манящая, лёгкая просинь,
И клинья, что в небе парят.

Мотивы шуршащие песен,
Ветров шаловливую прыть,
Мне нравится рыжая осень,
Я с нею умею любить.

Дождей обожаю завесы,
Зонтов разноцветных покров.
Мне нравится рыжая осень —
Похожа она на любовь.

* * *

А слова из груди не несутся,
как прежде, в атаку,
Оседают песками
в бесшумной пустыне моей.
Я с судьбой, как зверёныш
не лезу в постылую драку...
То ли я поумнела, а может,
я стала мудрей?

Нравом мягче уже,
усмирила в себе я ослицу.
Позолота сошла, ветер кудри мне
посеребрил...
Не стремятся слова роем шумным
в свободе кружиться,
Им нужны лишь перо,
чистый лист, пара капель чернил.

Я неслышно уйду, чтобы даже
не скрипнула дверь,
В этой комнате серой оставляю
безмолвные стены.
Силуэты моих незабвенных
и горьких потерь
На обоях цветных расползутся
вдруг призрачной тенью.
Я неслышно уйду, не нарушив
твою тишину,

Не сумев утолить родником
испытание жажды,
Все обиды прости,
в тихий город смиренно шагну
Но оставляю тепло — я боюсь,
ты замёрзнешь однажды.

* * *

Я сегодня куплю
долгожданный билет,
Он судьбою обещан мне был.
И сумею решить непростой паритет —
Так устала держать этот тыл.

Соберу в чемодан все печали свои,
Всё, о чём я тоскую давно,
Те мечты, что уже превратились
в сны,
Свою память о самом больном.

На высоких, привычных для ног
каблуках,
В платье шёлковом от кутюрье.
Как модель прошагаю у всех
на глазах,
По размытой судьбою листве.

На вокзале случайностей встреч
и разлук,
Мне диспетчер объявит мой рейс.
Размыкая судьбою
сей замкнутый круг,
Чемодан свой оставляю я здесь.

Меня ждёт самолёт, в сердце
много надежд,
Вверх по трапу бегу впопыхах.....
Ведь иду я встречать жизни
новый рассвет
На высоких своих каблуках.

ТЁПЛЫЙ ПРИВЕТ

* * *

Как будто весь мир,
что раскрашен в весенних тонах,
Жизнь рядом с родными похожа
на чудную сказку.
И, кажется, солнце встаёт
по утрам лишь для нас,
Шлёт тёплый привет нам
и дарит в лучах мир и ласку.
Смотрю — это небо сегодня
опять в голубом.
Безбрежный покой оно дарит
измученным душам,
Не дам я обидам застрять
в своём горле, как ком,
Я сердце учу жить всегда
только светлым и лучшим.
Родство близких душ я считаю
богатством всегда,
Лишь добрые люди по жизни
в пути мне встречались.
Богатство моё и друзья,
с кем связала судьба,

В минуты несчастий
со мною достойно держались.
И вновь этот мир мне напомнил
весны колорит.
На сказку похожа ведь каждая
в жизни минута:
Я рядом с друзьями, что жизнь
научились ценить,
Меня они учат плохое
с хорошим не путать.
Перевод Инги Хаяури

НАША ЛЮБИМАЯ ОСЕНЬ

На пороге у лета,
черёд отстояв свой смиренно,
Всех сердечно встречая
и прочь прогоняя тоску,
Красно-жёлтою краской
сюжеты рисуя отменно,
Снова, осень, наводишь
проворно вокруг красоту.
Снова лёгкой рукой
ты ласкаешь поля и просторы,

Кропотливо деревьям вокруг
 подбираешь цвета.
Словно фея паришь,
 на листе выжигая узоры,
Кто тебя повстречал — запоёт,
 как не пел никогда.
Вновь тобою открыт долгий путь
 журавлиного клина,
Солнце будет светить,
 но с присущей тебе лишь тоской.
Разрыдаться готовы и тучи
 от жёлтого сплина.
Ты мне, осень, даруй
 долгожданный душевный покой.
Родники здесь текут,
 как свидетели нежных свиданий,
Подвести молодых,
 что тебя ожидали, нельзя.
Сделав робкий свой шаг,
 пребывая в объятьях желаний,
Всем им благо даруй,
 пусть поймут — все сомнения зря.
Снова лёгкой рукой
 всё искусно ты преобразила,
Вот зима поспешит, нам готовя
 привет ледяной.
Но мы все будем ждать,
 чтоб в права свои снова вступила:
— Я скучала без вас, —
 улыбаясь шепнёшь нам листвою.

Вновь тобою открыт
 долгий путь журавлиного клина,
Солнце будет светить,
 но с присущей тебе лишь тоской.
Разрыдаться готовы
 и тучи от жёлтого сплина.
Ты мне, осень, даруй
 долгожданный душевный покой.

Перевод Инги Хаяури

ВЕСНА

Зиму укротив очередную,
Ты за рукоделие взялась.
И, пошив одежду неплохую,
Птиц на встречу срочно созвала.
Почки от дремоты пробудила,
Чтобы солнце согревало их.
Всех своим теплом благословила,
Ласковым лучом, встречая дни.
Даль степей и гор высоких склоны
Зеленью укрыла. Оглянусь —
А везде порядок. Восхищённо,
Все мы с нетерпеньем ждём весну!
Ты садам для яркого цветенья
Даришь массу красок и белил.
И в трудах твоих нет места лени,
Чтоб весною каждый счастлив был!

Перевод Анжелики Салтановой

Елене Ивановой

Неужели всё так же просты
Ваши тихие речи?
И проталины так же чисты
В поймах медленных речек?..

Обретение мира — в ладу
С веретённым шуршаньем.
Неужели я снова найду,
В заповеделье, во мраке, в аду,

Растворив в светлых водах беду,
Прежних истин признание?..
Мы стоим у дороги земли —
Обе — разное — по росным каёмкам.
Видишь, дети босые прошли...
Вторит эхо забавам их звонким...

Им смешна наша — в крик — глухота.
Им горьки наши кровные мщенья...
Поле брани омыла гроза.
На меже — в небреженьи —
каменья...

Наши дети из нищих лачуг,
Немоту безъязыких прорвавши,
Вместо боли, полынью горчащей,
Радость мира с собою несут.

Им так просто согласие найти,
Так легко им — в приязни —
познание...

Камни, что нам мешали в пути,
Дети — в Ночь — заложили
для Храма.

Кто из нас —
И кому — здесь судья?
Кто друг другу мы в играх ныне?
Пряжу наших судеб оборвав,

Бесовским наущениям вняв,
Мы враждуем в нелепой гордыне.

Мы всё так же — у кромки стоим...
Шаг навстречу — не в бездну
забвенья.
Что ж, сестра. Я шагнула... Шагни.
Небо в облачном — вновь —
опереньи...

* * *

Дали свистульку из глины.
Сказали — живи и свисти.
И я беззаботно свистела
И... продолжала идти.
Дудели в свистульки скопом.
Радовались, что свистим.
Земля расслоилась окопами,
А мне кричали — свисти!
Свистели пули под носом.
В ушах свистела пурга.
А я свистела в свистульку...-
Игрушка была хоть куда.
Свистят сквозняками стены.
В кармане ветра свистят.
А я свистульку детишкам...
Отдам —
Пускай посвистят.

ВАЛИДУ ДАГАЕВУ

*Валиду Дагаеву —
чеченскому илланча*

Илланча тронет струны пандура —
Сердце чеченца птицей забьётся.
Тихо гортанная песня прольётся
В ночь. По следам уходящего тура.
Утро протрубит глоткой оленьей.
Горы дыханьем солнце застудят. —
Песня пандура утро разбудит,
Перекрывая клёкот орлиный...

Илланча тронет сердце пандура —
В юном волчонке турпал проснётся.

* * *

Дорога...

Она пролегает кровавым рубцом
через сердце каждого сына
рода чеченского.

Вглядитесь в глаза нохчи:
в них пепел скитаний —
от ковчега Нохи
до пыльных военных дорог,
в них молчание фатальной
безысходности,
в них истовость истинно верующего
в Высшее предназначение,
в них — Пред-знание...

Что для нас дорога?

Жизнь.

Через Смерть,
через Ад непонимания
и неприятия —

к Небу...

Через молчание робких
и ненависть потерявших право
на Эту Дорогу.

Что мы для Дороги?..

Пыль, что помнит босые пятки
отвергнутых миром пророков?
Но пыль развеют ветра.
Камни, о которые сбивались в кровь
нежные пятки младенцев —
жертв Ирода?
Но камни стираются в пыль...
а пыль развеют
ветра.

Мы сами — Дорога,
что бесконечна,
как бесконечно Время

в этом ослепшем от ярости солнца
мире.

Мы — Дорога. Дорога — мы.

* * *

Хочу и не могу заснуть.
Звезда трепещет.
Ночи путь
Ещё не смят пятой Господней.
Ползу улиткой в преисподней
С райком-скорлупкой на спине.
Хочу и не могу заснуть.
В стеклянном небе
Ночи суть —
Зевками звёзд —
Падёт бездонней.
Достигла берега бессонниц.
Плыву обратно в немоте.
Хочу и не могу заснуть.
Мой чёлн утерян.
Жёлтый путь
Рассеян в царстве полутеней.

БЛИКИ

Стихи перегорели, словно свечи.
А мир всё так же тих, всё тот же —
вечер.
Всё так же фонари летят по небу.
Всё так же лист скоблит асфальт —
по ветру.
Всё так же сумрачны сердца
немых прохожих.
Всё та же кротость на устах.
А веки — ножны.
Всё так же призрачен уют
земных коробок.
Всё так же мудствуем впотьмах,
хоть век не долог.
Стихи перегорели, словно свечи.
А мир всё так же тих. Всё так же —
вечен.

* * *

Всё изменится к лучшему.
Ты устанешь. Прозреешь. Уйдёшь.
Недотрога-девица
Из правды состряпает ложь.
Ты поймёшь.

Всё изменится к лучшему.
Мне останутся строки любви.
Не моей.

О тебе — непонятном, непонятном —
Будет гнусавить табор тощих грачей.
Всё изменится к лучшему.
Память сотрёт несуразность мою.
Всё изменится к лучшему.
Может быть...

Я вхожу в колею.

* * *

По ветру пущены дни нашей жизни.
Ситом просеяны сны.
Годы маразма забытой репризой...
Пытаемся кем-то слыть.
Снова и снова строим заслоны —
Перед грядущей бедой...
В сумраке нового времени
Смоет следы солёной волной.

ТИХОЕ

Вчера повзрослевшие дети её
выкинули, не спросив,
хлам, что пылился в кладовке:
мятые, но почему-то
надраенные до блеска
кастрюли;
чайник с отбитой эмалью,
тоже зачем-то очищенный
тщательно содой.
Вынесли из дому
старые снимки,
с которых родители,

в мешковатой одежде, юные,
смотрели на них,
улыбаясь наивно,
не замечая убогости быта,
что их тогда окружал.
Сожгли на костре
крохотные смешные
башмачки и платица детские,
«старорежимные шмотки»,
которых сейчас и не носят...

В сумерках
она почему-то долго стояла
над тем пепелищем.
Потом, не поужинав, рано легла,
не пожелав, как обычно,
доброй им ночи.
Впрочем,
никто не заметил этих деталей —
в ожидании нового дня,
полного дел и забот.

Глупая старая женщина
тихо проплакала ночь,
боясь разбудить
уставших от дел домочадцев.

Утром
красивые сильные дети её,
наскоро перекусив,
выбегали из дома —
учёба, работа, дела...
Хлопая дверью прихожей.
Тихая женщина
молча сидела в доме пустом.
Сквозняком заносило
в комнаты
запах гари вчерашней...

Старая женщина
тихо сидела в доме. Чужом.

«СТАРЫЙ МИР УСТАЛ...»

* * *

В любви
как в омуте
мы тонем
Мы растворяемся
в любви
Мы душу
то теряем
то находим
Не замечая
как слабеем мы
А притяжение земли
Из Колбы высыпает Время.

* * *

Давно нет сил уйти
И оставаться рядом
А обвинять в том надо
Любовь

* * *

Долго завидуя жизни животных,
им подражая,
учимся мы.
Вот мы летим,
вот проплываем,
мчимся быстрее и быстрее...
Но,
сотворённые Им,
мы не сможем
мира творцами прослать.

* * *

Иногда чтоб узреть
Глубину смысла
Нужно просто закрыть
Свои глаза

Мадина Ясаева родилась в Грозном в 1988 г. Автор поэтического сборника «Всеотражение». Публиковалась в местной периодике, в альманахе «Голос Кавказа», в журналах: «Российский колокол», «Лири Кавказа», «Нана», «Вайнах». Соавтор поэтических сборников: «Искры «Прометейя»; «Молодые писатели Кавказа» и др. Награждена Московской городской организацией Союза писателей России и Союзом переводчиков памятной медалью «А. П. Чехов» (2009). Лауреат конкурса молодых чеченских прозаиков «Голоса молодых». Член объединения молодых литераторов Чеченской Республики «Прометей». Член Союза журналистов России. Участник IX форума молодых писателей России и стран СНГ. Член Союза писателей России и Клуба писателей Кавказа.

Колокольчик, телёнок, дорога...
И дорога... Такая большая!

* * *

Чёрный птичий клин
Жар уносит солнца
Дождь омоет воздух
Это день живых

Парусом воздушным
Уплывают лица
В трёх теченьях времени
Старый мир устал

* * *
Я хорошо провела время
Или время меня провело
Или мы повелись
Или просто прошлись
без ступеней...

* * *

Я хочу, чтоб ты был...
Был там, где счастье
Я хочу, чтоб ты был...
Был там, где я

АЛИ МУРАДОВ

РАНА, НЕЗРИМАЯ ГЛАЗУ

ЧЕЧНЕ

Я не люблю озлобленность и ярость,
Свободу, что насилием досталась,
Я не терплю угодничество, лесть,
Поступки, коим чуждо

слово «честь».

Я ненавижу тех, кто из корысти
Людей бросает, предаёт,
готов загрызть их,

Я ненавижу лживые гроши —
Видна за ними нищета души.
Зато хочу иметь два сердца я,
Вдвойне любить тебя, Чечня моя!

Перевод Юрия Литвяка

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Чеченский язык —
это не язык просьб
и попрошайничества,

Али Мурадov родился 27 января 1989 г. Закончив Петропавловскую среднюю школу (2007), поступил в Чеченский государственный университет на филологическое отделение. Во время учёбы в вузе начал сотрудничать с журналами «Орга», «Нана», «Чахчари». Пишет стихи на чеченском языке. Работал в газете «Зори ислама», в Чеченской телерадиокомпании.

а язык мудрости и учения.
Это не язык войн и вражды,
это язык мира и примирения.
Чеченский язык —
это не язык оскорблений
и унижений.
Это язык честного выбора, права.
Чеченский язык — это не язык
труса и подлеца,
Это язык настоящего мужчины.
На чеченском языке говорили
о любви и благородстве,
Чеченский язык —
это не язык пустословия.
Перевод Инги Хаяури

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество — рана, незримая глазу,
Одиночество врач не излечит за сутки.
Одиночество — это покинутый разум,
Одиночество — ссора ума и рассудка.
Одиночество —
сдержанный голос нервозный,

Одиночество — это пылающий гнев,
Одиночество станет товаром
бесхозным,
Одиночество — воля, ненужная мне.
Одиночества суть большинство
не приемлет,
Одиночество, ты не имеешь родных,
Одиночество — радость,
что блекнет и меркнет,
В пустоте одиночества голос затих.
Одиночество...
Одиночество...

Перевод Юрия Литвяка

ЕСЛИ МАТЬ УМРЁТ

Когда любой из нас
свою хоронит мать,
Он сирота, несчастный человек.
Когда родную речь
не станут понимать,
Осиротеет весь народ навек.

Перевод Юрия Литвяка

АДЛАН МУРТАЗОВ

КОВРЫ ТРАВЯНЫЕ

КОВРЫ ТРАВЯНЫЕ

Весна нам дарует красоты свои,
Ковры травяные, вы шёлка чудесней!
Повсюду задорно галдят воробьи,

А лаянье пса принимаешь за песню.
Горят на лужайке соцветий огни,
И бабочка в танце неистовом
кружит,
А люди гуляют; смотрю я на них

Но только тебя не могу обнаружить.
Весна заплетает планете венок,
Весь мир затопили цветочные реки,
Но мне не до счастья, ведь я одинок,
Меня ты решила оставить навеки.

ВЕСНА

Лёгкой походкой прошлась
по аллеям весна,
Краше, милее сегодня
родная Чечня.
Солнцем согреты,
готовы раскрыться цветы,
Сердце ликует от этой
благой красоты.
Будто снежинки,
летают цветов лепестки,
Кружатся в воздухе
в танце красивом, легки,

Ветер чудачит,
как будто ребёнок шальной,
Гнёт на берёзе он стебель
ещё молодой.
Солнце сегодня
нам щедро дарует тепло,
Снова лучами ласкает
родное село,
Благоухают цветы, украшая луга,
Солнце улыбочиво смотрит
опять свысока.
Стрелы лучей вновь красиво
на землю летят,
Почву родную согреть
и утешить спешат.
Это весна, и все почки
раскроются скоро.
Мысли мои улетают
в родные мне горы.

Перевод Юрия Литвяка

Адлан Муртазов родился в 1992 г. в селе Серноводск Сунженского района Чеченской Республики. С отличием закончив Серноводскую среднюю общеобразовательную школу № 2, поступил в Чеченский государственный педагогический институт на факультет филологии, истории и права. С раннего детства пробовал писать стихи. Они публиковались в коллективных сборниках, в журналах, в газетах. Лауреат литературных конкурсов. Работает корреспондентом республиканской газеты «Даймохк». Член Союза писателей России.

РАИСА АХМАТОВА

ТАЛИСМАН

СУДЬБА

То я тебя, то ты меня ломала...

Сходились так — добром

не разойтись.

И ты меня на крыльях поднимала,

Являла мир —

И сбрасывала вниз.

Но я жива, лишь боли

помню жжение.

Вот отлежусь — и вызов твой приму.

И ближе буду с каждым пораженьем

К своей победе —

К счастью своему.

Что настигло меня?

Что настало?

Я понять до сих пор не в силах:

То ли сердце твоё устало,

То ли сердце моё остыло?

Так сердца

Друг к другу тянулись,

Руки связывали узлами.

То ли просто они разминулись,

То ли, встретившись — не узнали?

Окна — настезь!

И двери — настезь!

Не могу я делиться на части...

То ли ты моё сердце застишь,

То ли вправду пришло ненастье?

Словно между тобой и мною

Кто-то встал стеной крепостною.

Друзья мои, благодарю,

Что в дни сомнений и тревог

Вы разделили боль мою,

Не дали сбить потоку с ног —

Мне каждый чем-нибудь помог.

Как горы дарят высотой,

Так дарят верностью друзья.

Сильна я вашей прямотой,

И теплотой, и чистотой —

Быть недостойной вас нельзя.

Неразрушима наша связь.

Встречаю с радостью зарю —
Как будто вновь я родилась...
Сквозь слёзы тихо говорю:
Благодарю, благодарю...

УХОДИ

Уходи.
Как в покинутом доме,
В груди
Пустота.
Ты не будешь мне другом
В пути
Никогда.
Если светится счастье
В глазах у меня —
Ты хорош.
А нахлынет ненастье —
Ты, кепку надвинув,
Уйдёшь.
Уходи.
Не хочу,
Чтоб осталась в груди
Темнота.
Если раньше
Надежда была впереди,
Замутилась и та.
Всё случается в жизни:
На минуту
Вдруг вспыхнут огни
И угаснут, умрут на года.
А надежды-
Они
В пустоте не живут
Никогда.

* * *

В горах, где гостя каждого, любя,
Всегда встречают,
как родного брата,
Запомни: приютившему тебя
Не делай подлости... И — это свято!

* * *

За окнами серый октябрьский вечер,
Темно.
Я жду твоих писем,
я жду нашей встречи

Давно.
Я знаю, встреча с тобой состоится,
Дождусь,
Но всё-таки мне сегодня не спится —
Злюсь...
На то, что на свете есть расстоянья,
Пути,
Что долго к встрече от расставанья
Идти.
Что оба не любим мы длинных пи-
сем
Писать.
Одно у нас средство обмена мыслей-
Глаза...
За окнами серый октябрьский вечер,
Темно.
Я жду твоих писем,
Я жду нашей встречи
Давно...

* * *

Лишь честных жгут
неправые наветы,
А плут не зря находчив и речист:
На ложь ответит ложью,
и при этом —
Уже, глядишь: и с прибылью, и чист.

* * *

Поверьте, доктор,
Я не жалуясь
Ни на болезнь,
Ни на года.
Вы говорите —
От усталости.
А ведь усталость
Мне чужда.

Мне ль жить
Рецептами стреноженной?
Неважно с сердцем?
Пустяки!
Коль сердце
У меня встревожено —
То в нём рождаются
Стихи.

ТАЛИСМАН

Я с давних лет не верю талисманам —
Привычна их затверженная ложь:
«Твой путь укрыт

сиреневым туманом.

Закрой глаза — по воздуху пойдёшь».

Но жизнь такими правдами крестила,
Такой ценой отмеривала шаг,
Что не до бабьих выдумок

мне было —

Хватило б сил держаться на ногах!

Да, мне всего досталось

полной мерой.

Но я жила, и в счастье, и в беде
Сильна своей языческою верой
Не в перст судьбы,
А верую в людей.

Я в чёрный день

колен не преклоняла,

И ради благ да сытого житья

На медь построчно песню

не меняла —

Останься гордой, молодость моя!

Я в трудный час друзей не предавала.
Мои дела и помыслы чисты.

Лицом к лицу с врагом своим

вставала

Не ради мести — ради правоты.

...Вот вся я тут: без лести, без обмана.
Насквозь видна, как горная вода.
Я с давних пор не верю

талисманам —

Они солгут.

А люди — никогда.

* * *

Слова не обладают голосами.

И не слышны чужому никому...

Ах, письма, письма!

Расскажите сами:

Ну почему так жду вас, почему?

* * *

Бездушный шут комедию ломает

И наизусть играет в прямоту.

Ах, как он руки гневные вздымает,
Клеймит порок, возносит чистоту!

Но ты взглядишь, чтоб

впредь не обознаться,

В сухую суть кощунствующих слов:

Здесь каждый жест —

кривляние паяца,

И каждый слог —

ничтожества покров.

НЕ ЗАМЕТИЛ ТЫ...

Не заметил ты, когда прощала,

Не заметил ты, когда встречала

И ждала, не уставая ждать.

Ты не понял с самого начала

То, что сердце для тебя стучало...

Что же хочешь ты теперь понять?!

Всё любовь выносит,

но небрежность —

Ни простить,

Ни позабыть нельзя.

Заморозили

Любовь и нежность

Равнодушные твои глаза.

Не проси.
Не задавай вопросов.
И не строй из этого беды.
Нет, не провинился ты,
А просто —
Человека не заметил ты...

НЕ УХОДИ, ЛЮБОВЬ, ПОВРЕМЕНИ!

Не уходи, любовь, повремени!
Ещё тебе не все я песни спела,
Ещё не перешла того предела,
Где чувства зябкой осени сродни.

Да, стала я спокойней и мудрей,
Но никогда расчётливой не буду,
Любви твоей обрадуюсь, как чуду —
Цветку среди заснеженных полей.

Теперь я на признания скупа,
Но говорят глаза мои немало.
От сердца к сердцу через перевалы
Стремится понимания тропа.

Страданье одолеть,
но вновь страдать,
Знать все ответы, но творить ошибки,
Во имя той единственной улыбки,
Которая любви моей подстать.

И повторять тебе стыдливо: «Да»,
И понимать неразличимый шёпот,
Чтоб, несмотря на горький
женский опыт,
Девчонкой оставаться навсегда.

* * *

Нет, доктор,
я не жалеюсь, поверьте,
Мне хорошо. Уж, видно,
нрав такой.

Ещё сильнее пускай
забьётся сердце:

Хочу тревоги!
Тесен мне покой.
Жить без забот?
Лекарство пить обильно?
Мой милый доктор,
что за пустяки!
Понять ли вам!
Где сердце бьётся сильно,
Там новые рождаются стихи.

ТЫ ПРОСТИ МНЕ МОЁ МНОГОСЛОВЬЕ...

Ты прости мне моё многословье,
Ведь слова невесомы почти,
Я теперь одержима любовью,
И любовь, если можешь, прости.
Как во сне — и руки не коснёшься,
И ответа не вымолвишь. Что ж —
Ты всё мимо, всё мимо несёшься,
Но меня в своём сердце несёшь.
Пусть тебя, мой любимый, минует
Эта злая, тупая тоска,
Пусть тебя не терзают минуты
Как часы, как года, как века.

* * *

В ночную память я любовь зарюю,
И вдруг очнусь в весеннем
светлом дне...
Но если двери наглухо закрою,
Любовь, как прежде заболит во мне.

К закату день идёт. Но, может, снова
Рассветным счастьем загорится даль
И отзовется долгожданным словом
На всю мою тревогу и печаль.

Всё дальше ухожу от этой муки.
Я полпути, лишь полпути прошла...
Но солнце тянет мне лучи, как руки,
Чтоб, эти руки сжав, я встать смогла.

* * *

Стихи рождаются не сразу,
Не верь, что это лёгкий труд.
В них по сердечному приказу
И боль, и радость оживут.

И точно найденное слово
Как рядовой, вставая в ряд,
Тебя по времени сурово
Ведёт вперёд или назад.

Стихи как дальняя дорога,
Которую прошла пешком
От замысла — как от порога,
С карандашом — как с посошком.

В них и длинноты ожидания,
И краткость долгожданных встреч,
В них расстоянья, расставанья,
В них всё, что хочется сберечь.

Стихи — как море голубое,
С непознанною глубиной.
В них слышны шорохи прибора,
В них слышен рокот штормовой.

В них и закаты и рассветы,
Свой дом и дальние края,
В них не отдельные приметы,
А целиком вся жизнь моя.

* * *

Думала, уеду, позабуду...
Кончено, сгорело, унесло.
Память, сотвори мне это чудо,
Дай мне эту муку, ремесло.

Вытравлю, сотру, переиначу
Эти неотступные черты.
Слёз моих хотелось? Не заплачу.
Губы закушу до черноты.
Чем ты опоил меня навечно?
Как свою свободу защищу,

Если среди улиц бесконечных
Облик твой возлюбленный ищу.

* * *

Ты так привык раздаривать улыбки,
Что и не мнишь себе судьбы иной.
Одним — поклон почтительный
и гибкий,
Другим — кивок и сплетня
за спиной.

О этот дар, граничащий
с искусством!
Вполслова лгать, вполголоса
польстить,
Сыграть в печаль, влюбится
на полчувства
И своего ни в чём не упустить!

Ты столько лгал расчётливо и грубо,
Что самому личин не перечесть.
Ну, всё гремишь, всё ходишь
в правдолюбях,
На медяки размениваешь честь?

* * *

Дождь бросает горошины,
По асфальту звеня...
Помни только хорошее
Про себя и меня.
Как под тяжкою ношею
Я смотрю на зарю...
«Помни только хорошее», —
Вновь тебе говорю.
Сыплет небо порошею,
Белый кружится снег...
Помни только хорошее!
В чудо верь, человек!
Ну, а если непрошено
К нам ворвётся беда
И заветное, прошлое
Унесёт без следа...

Будет больно отчаяться,
Будет трудно уйти...
Но такое случается
У людей на пути.
Всё равно, в мир огромный,
Продолжая свой путь:
Всё хорошее — помни!
Всё плохое — забудь!

Я жду тебя, ты только позови.

Затих аул под буркою косматой.
Безмолвных гор опять мне
странен вид.

Какая тишь. В окно пахнуло мятой.
Я жду тебя. Ты только позови.

Ты знак подай —
пройду по перевалам,
Звездой прольюсь
под грохотом лавин.

Туман тропу укроет покрывалом,
Но я пройду. Ты только позови.

Пусть бьёт гроза,
палит полдневный ветер
Из горших мук восстану для любви
Ты верь
Ты жди
Ты просто будь на свете.
И я приду. Ты только позови.

* * *

По тому как, бывает, наскучит иной,
Битый час о себе говорящий,
Может, скуки иных тоже
стал ты виной —
Сам суди о себе. И почаще!

ОБЕЩАЙ

Обещай, что вовек
не обидишь ни словом, ни взглядом,

Ты мне дан не на год,
мне с тобою и жизнь коротка.
Даже ветер и тот
затвердил твоё имя, и рядом
За стеною его повторяет река.
Кто там бьётся в окно?
Это ночь или чёрное лихо
Попросилось к огню,
для замаха минутой ища?
Я беду отведу,
станет в мире просторно и тихо,
Ты, любимый, поспи...
Ты уже не уйдёшь? Обещай!
Вот тебе моя жизнь,
разломи мою долю на части,
Пусть одна на двоих,
пусть нас минут напасти и ложь...
Или впрямь это то,
что зовут неуверенно «счастьем»?
Ты пришёл, ты со мной,
ты теперь никуда не уйдёшь!

ТЫ СПРОСИЛ...

Ты спросил: не плачу ли?
Что туманит мысли?
Просто нынче начали
Осыпаться листья.

Просто осень болью
Моё сердце трогает.
Просто нам с тобою,
Друг, не по дороге.

Отшумели клёны.
Позабыты встречи.
Больше не влюблён ты.
Притворяться нечего.

Слышишь? Не заплачу я,
Не осият мысли!
Просто нынче начали
Осыпаться листья.

* * *

Ах, память, в ней, как в сундуке,
Былое под замком хранится:
Линялый сарафан из ситца,
Десяток леденцов в кульке,
Конёк затупленный — без пары,
Подснежник первый на корню...
Весь этот хлам ненужный, старый
Я очень бережно храню.
Перебирать его мне лень,
И он лежит цветной горою.
И только в самый чёрный день
Я этот мой сундук откроею.

* * *

Мне говорят:
— Живи размеренно,
Не торопись, не мельтешишь,
Жизнь на минуты не разменивай,
Пойми, что неделима жизнь.
Ведь нам дано одно рождение,
И смерть дана всего одна.
Жизнь — это радость восхождения,
Когда вершина не видна!
Мои разумные советчики,
Мне всё известно наперёд,
Но, как у непослушной девочки,
Всё у меня — наоборот.
Я каждый день рождаюсь заново
Под крик весёлых петухов,
Меня спелёнывает зарево
Рассветных, чистых облаков.
Меня преследуют открытия —
Снежинки, колоса, цветка,
И каждый мой отъезд — отплытие,
И все разлуки — на века.
Привыкнуть, видно, не сумею я
Ни к доброте земной, ни к злу.
Всю жизнь терзаться
Мне сомненьями,
Всю жизнь учиться ремеслу.
Незыблемы одни названия,

А суть вещей — всегда нова,
Как неуверенная, ранняя,
Незапылённая листва.
Так пусть же будет нетерпение,
Чтоб не угасла новизна.
Вся жизнь — рождения, рождения,
И только смерть всегда одна.

* * *

Я сохраняю письма прежних лет...
Уже давно конверты пожелтели,
И бесконечно опоздал ответ,
И даже память замели метели.
Их редко я рискую перечесть,
Совсем иное чувствую волнение.
Ты — прошлое. Но ты на свете есть,
Хотя ушёл в другое измеренье.
Теперь не знаю я, как ты живёшь,
Твой образ потускнел,
как день вчерашний,
И старых писем искренняя ложь
Мне кажется теперь совсем неважной.
Обиды в сердце не таю, поверь,
Сейчас иные у меня заботы,
И если бы ты постучался в дверь,
Наверное, я не поняла бы, кто ты.
Чужой, не оставляющий следа
Ни в сердце исцелившемся, ни в доме...
Я лишь читаю письма иногда,
Как смотрят фотографии в альбоме.

* * *

Ну, нет! Мне хватит суток чёрных!
Коли не хочешь — не цени.
Так долго я как кот учёный
Жила на золотой цепи.

Цепь эту порвала я смело,
Покорность прогнала с лица,
А позолота облетела,
Как с одуванчиков пыльца.

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

ВСЁ НЕ ЗРЯ

В этой жизни всё не зря:
Осень нежная и злая,
Жёлтый лист календаря,
Журавлей летящих стая,

Синий холод декабря,
Белый снег, костёр в камине...
Всё меняется не зря
На божественной картине.

И не зря спешит весна
О себе напомнить снова.
И стучится в дверь она,
И порадовать готова.

Солнца луч, тепло даря,
Ожиданьям потакая,

Тоже выглянул не зря,
Души наши согревая.

Не меняемся лишь мы —
Испытуемые свыше.
А ведь всё, что мы должны,
Он напомнит нам и взыщет.

КАК ХОЧЕТСЯ...

И всё-таки — как хочется добра,
Чтоб мир наш содрогнулся в очищенье,
Чтоб в жизнь войти по-новому с утра,
Чтоб в воздухе витало всепрощенье.

Чтоб искрами тепла сердца зажглись,
Чтоб души наши больше не черствели,
Чтоб люди улыбнулись, обнялись,
Чтоб землю всю от холода согрели.

Руслан Хамидович Юсупов (род. 1955 г.) — российский чеченский поэт и публицист. Закончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института (1992). Лауреат премии «Интеллектуального центра ЧР», в номинации «Журналист года» (2004), победитель всероссийского конкурса журналистов «Мирный Кавказ» (2005), победитель международного конкурса журналистов «Золотое перо» (2008). Автор сборников стихов «Дорога из ада», «Огонь души». Член Союза писателей России, почётный председатель Союза журналистов и заслуженный работник культуры Чеченской Республики, член «Интеллектуального центра Чеченской Республики» и попечительского совета «Клуба интеллигенции Чеченской Республики». Награждён медалью М. Ю. Лермонтова, медалью Министерства культуры Чеченской Республики «За высокие достижения», медалью Центра народного творчества, орденом «За развитие парламентаризма в Чеченской Республике».

Как хочется, чтоб было всё сполна:
Огонь в печи, уют и хлеб с водою,
И детский смех, и мир, и тишина,
И неба чистота над головою.

И хочется ещё везде успеть,
И зёрна разбросать, чтоб дали всходы.
Чтоб там перед Всевышним
не краснеть,
Чтоб оправдать подаренные годы.

ЖИЗНЬ КАК СТРОКИ

Жизнь похожа на потоки
Слов, поступков, мыслей, дел.
Жизнь — стремительные строки,
Если ты за ней поспел.

Жизнь — порой одни наскоки
Поражений и потерь.
И тогда несутся строки
Грудью в запертую дверь.

Жизнь горька, коль мы жестоки,
Равнодушием полны.
Поучительные строки
Жизнью нам отведены.

Жизнь — бесценные уроки
И экзамен без конца.
Жизнь — возвышенные строки,
Если вспыхнули сердца.

Жизнь скрывает наши строки,
Но даёт нам шанс всегда.
Жизнь — отчаянные строки,
Если падает звезда.

ЛЕТЯТ СУМАСШЕДШИЕ ГОДЫ

Нещаден декабрьский холод,
Ночь злая по календарю.
И жизни безжалостный молот
Навис, ожидая зарю.

Не жду снисхожденья природы,
Прозрения в людях не жду.
Летят сумасшедшие годы
По нервному, тонкому льду.

Всё больше порочного груза,
Всё меньше и сил, и надежд.
И жизнь как простая обуза,
Пока под пятой у невежд.

НЕ ПОВЕЗЛО

Я разочарованием убит.
Живу с невосполнимою потерей,
Когда среди людей, в добро не веря,
Унынием душа меня томит.

Понятиям моим не повезло,
Взысканьям строгим изменило время,
Непониманья тягостное бремя
На плечи опустилось тяжело.

Так белое и чёрное слились
В одно месиво взглядов,
рассуждений.
И рухнула шкала ограничений,
И сиротливой стала эта жизнь.

И я уже наивен и не прав,
И за спиной меня уже склоняют.
И мне в вину невежество вменяют,
Считая пережитками мой нрав.

Так может, по течению поплыть
И с этими, другими, помириться?
Тогда мне надо заново родиться,
А этому, наверно, не быть.

МЕЛОДИЯ ВЕСНЫ

Мелодия весны так нежно льётся
Ещё с рассвета с запахом травы.
Как будто у природы сердце бьётся
С лучами солнца, с шорохом листвы.

ПОМНИ

Не на все вопросы есть ответы,
Как не знаем жизни нашей срок.
За закатами идут рассветы,
О последнем — знает только Бог.

К истине ведут не все дороги,
Но под грузом пройденных дорог
Мы берёмся подводить итоги,
А ведь это может только Бог.

Как неумолимо мчатся годы!
С жизнью только начат диалог,

Но берёт своё — закон природы...
Вне законов с нами только Бог.

Как последний день
быть должен каждый,
Полон веры и молитвы впрок.
В этот мир мы не приходим
дважды...
В остальном к нам милосерден Бог.

И пока ещё грядут рассветы,
Сколько будет длиться жизни срок,
Помни ежедневно, кто ты, где ты —
Так велит нам Всемогущий Бог.

УМАР ЯРИЧЕВ

«НЕБО ЗОЛОТЫМИ СВЕТИТ РОДНИКАМИ...»

ЛИЗЕ АХМАТОВОЙ

Пусть жизнь и коротка у человека,
Но вопреки недоброму всему,
Ахматова, ты служишь
четверть века
Отчизне и народу своему.

Петь начала буквально с детских лет
Ахматова, свет осиянный, Лиза...
Везенье, невезенье... польза... вред...
Наличие... отсутствие каприза...

Всё это, может, было... может — нет.
Жизнь — не асфальт, накатанный
и гладкий.
Все двадцать пять своих поющих лет
Ты прожила как в золотой палатке.

Ты молодою выглядишь сейчас,
К тому же — симпатичной
и красивой.
И, Лиза, молодеешь каждый час,
И каждый день становишься
счастливой.

Пусть звёздным светом
душу не согреть,
Но сердце молодеющее бьётся...
Так что не вздумай, Лизанька,
стареть!
А значит — молодеть и остаётся!
21.12.2015

ЗЕЛИМХАН

Власть терроризировала народ.
Абреки терроризировали власть.
Дзахо Гатуев. «Зелимхан»

Из тревожной сентябрьской ночи,
Словно недруг, крадётся рассвет.
Успокоиться сердце не хочет.
И застыл в кобуре пистолет.

Карабин, как всегда, под рукою.
И один лишь помощник — Аллах.
Только нет под рукою покоя
И кинжал залежался в ножнах.

Ветка хрустнет под чьей-то ногою.
Взмоет стайка испуганных птиц.
Он холодной спокойной рукою
Сон прогонит с усталых ресниц.

Ломит спину. Наверно, простуда.
И хозяин покинул свой кров.
Ну конечно, нельзя без Иуды
В этом самом шальном из миров.

У абрека — железные нервы.
Есть предатель — не дрогнет рука!
Он убьёт его выстрелом первым
На шуршание из чердака.

И в обойму винтовки загонит
Пять (из бронзы) патронных смертей.
Чу!.. Заржали встревожено кони.
Чует конь нехороших людей.

Сердце в поисках мира томилось
Столько лет... неподвластно уму.
Но в карт-бланше на царскую милость
Отказала Госдума ему.

И сегодня дорога земная,
Может, красною станет от ран.
Свора смешанных псов, ты узнаешь,
Сколько стоит абрек Зелимхан.

Что же медлите, сукины дети?!
Палец мой на взведённом курке.
Я готов вас посмертно отметить
В вашем самом последнем броске.

Шакальё, не крадись осторожно!..
Всё равно — разберёмся к утру.
Постараюсь — побольше как можно,
Вас с собой в мир иной заберу!

Как незваных гостей и по долгу
Встречу пулями. Разве не так?!
Не страшна одинокому волку
Ваша свора царёвых собак,

Умар Яричев (1944–2020) — поэт. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей СССР и России. Был депортирован с семьёй в Казахстан в феврале 1944 г., где ещё в юности начал писать стихи, ставшие впоследствии яркими и значимыми для российской культуры. Автор поэтических книг, вышедших в Чечено-Ингушетии: «Исток» (1970), «Встреча в пути» (1985), «Тропюю памяти» (1985), «Лавина времени» 1 (991), «Стихи и поэмы» (2003), «В обойме времени» (2005). Сборники стихов выходили в Москве, в Ростове-на-Дону. Вернувшись после депортации, поэт жил, творил и умер на родине, в Грозном. На его стихи написаны песни, исполнявшиеся известными певцами Али Димаевым, Александром Барыкиным, Магомедом Ясаевым.

Что давно позабыли о чести
За похлёбку и кров конуры.
Умирать будем, кажется, вместе
По законам смертельной игры.

И когда нас могила укроет
На неведомый вечности сон,
Я останусь в народе — героем,
А у вас — не запомнят имён.

Ну чего вы, бумажные души!
Вроде был я стрелком неплохим!
Тишину надоело мне слушать.
Бисмиллахи рахмани рахим!

В горле першит от запаха гари.
Гнев и злобу добру не унять.
Поплотнее, трусливые твари,
Чтобы легче мне было стрелять!

Крики! Выстрелы!.. Стих из Корана
Для себя на последнем пути.
Он не встал от семнадцатой раны,
Но боялись к нему подойти.

Смертный миг...

Ни к чему разговоры.

Под рукой — обнажённый кинжал.
В окруженьи безжалостной своры
Зелимхан легендарный лежал.

Где-то там причитала старуха.
Лик спокоен... Суровы черты.
Словно символ чеченского духа,
Справедливости и доброты!

В СТЕПИ

Степь затихла, как сердце сайгака
Перед резким, внезапным прыжком.
Волны яркого красного мака
Замечают меня лепестком.

Древнеликая степь Казахстана
От преданий истлевших хрупка.
Я смотреть никогда не устану,
Как уходят незримо века

В грозовую тяжёлую даль,
Что хранит грозовые потоки,
Что напишут мгновенные строки,
Словно жидкая нежная сталь.

И, травинками грёз шевеля,
Мирозданья седые глубины,
Оживает сухая земля,
Как домбра под рукою акына.

Азиатская ночь, не спеши
Думать только о крове и хлебе,
Словно тайна казахской души,
Что укрылась за звёздами в небе.

А на волнах небесной реки
Угасают последние свечи.
И цветы развернут лепестки
Серебристым росинкам навстречу.

Зло людское тебе нипочём,
О, природная дружба людская...
Саксаул узловатым плечом
Поддержал камышиную стаю.

Здесь не выгода вам и не прок.
Так от Бога сложилось — и баста!
Люди — хуже! Ни раб, ни пророк —
Не канон человеческой касты.

Юрта, небо и быт степняка
Для меня — гениально и просто.
Всё другое — обуза, тоска
И рутина безликой коросты.

Бесконечность вселенской души...
Я шепчу — Это воля Аллаха:

Вся жизнь есть спор внутри кольца.
Семья — ячейка государства,
Как без царя погибнет царство,
Она — ущербна без отца.

И мой тебе, Иван, совет
Как ни досадно и печально:
Но к счастью путь —
 в семье нормальной,
Другого не было и нет!

И, словно искорку в золе,
(И не теряя ни минуты)
Найди в себе (от доброй смуты)
Духовность, что отдал чему-то.
И пусть не будет атрибутом
Бутылка водки на столе!

Жизнь, как ни странно, это — бой!
Друг к другу нетерпимы люди.
Каким с родителями будешь —
Так детям обойтись с тобой!

МЮРИДЫ МАНСУРА

... А мы с коней живыми не сходили
и клятв не нарушали боевых.

Р. Гамзатов

Нет, наши руки не ослабли,
Мы отдыхаем до поры.
А наши кованые сабли
Ещё по-прежнему остры.

Над нами только власть Имама,
А выше — лишь один Аллах.
А он — всегда, мы знаем, с нами,
Нам потому неведом страх.

Узнает пусть на самом деле
При встрече с нами вражья рать,
Что мы бояться не умели,
Что мы умели умирать.

Урусы гордые считали —
Лишь звёзды гуще их рядов...
Была работа острой стали
В жестокой схватке у Алдов.

Мы в волны падали с врагами,
И был поток горяч и ал...
Пылала родина Имама,
Горели люди, лес пылал...

Мы здесь, доверчивые, жили
У наших тихих очагов,
Когда пришло в несметной силе
Большое скопище врагов.

И, защищая реки, скалы,
Джигиты наши полегли...
Царям всегда, наверно, мало
Своей отеческой земли...

И в час суровый, рядом с нами
Когда сражается Имам,
Лицом к лицу сходясь с врагами,
Нельзя оглядываться нам.

Честь и отвагу, как и прежде,
До наших дней мы сберегли.
Ведь мы — последняя надежда
Родной истерзанной земли.

Так знайте же, потомки наши,
Сходясь в предсмертный грозный круг,
Что мы до дна испили чашу
Утрат и боли, горя, мук.

И узнавала в самом деле
При встрече с нами вражья рать,
Что мы бояться не умели,
Что мы умели умирать!

Когда-то предок, словно жребий,
Завет нам высек на скале:

Чеченцу лучше рай на небе,
Чем ад бесчестья на земле!

И наши руки не ослабли,
Им никогда не знать оков...
А наши кованые сабли
Ещё смертельны для врагов!

ДАДИ-ЮРТ

«Генерал Ермолов приказал при-
мерно наказать мятежников... и
аул Дада-Юрт будет разрушен!» —
сказал полковник Пулло.

Х. Музиев. «Буйный Терек»

Просыпайтесь, чутко спящие джигиты,
Разбудите и детей, и жён!
И поторопитесь
с утренней молитвой —
Ваш аул внезапно окружён.

В три кольца железных
из штыков трёхгранных,
А рассвет замешан на крови.
Видно, вам придётся
утренним туманом
Раны перевязывать свои,

Потому что будет этот день расколот
Залпами на тысячи смертей —
Повелел проконсул,
генерал Ермолов,
Не щадить ни женщин, ни детей.

Положив ладони
на Коран раскрытый,
Прочитайте, Ясин, не спеша,
Да, из вас у многих в этот день,
джигиты,
С телом распрощается душа.

Но гяуры, чьи ряды штыков погуще,

Чем кинжалов яростный булат,
Не увидят ваших спин,
а Всемогущий
Примет ваш священный газават.

Круговой порукой мужества свяжите
Ваши души. А царёва рать —
Нет, не испугает вас. И покажите,
Как чеченцы могут умирать!

На коней садитесь, храбрые джигиты,
Обнажите руки до локтей,
Чтоб удобней было вам рубиться
в битве,
Защищая женщин и детей.

Каждая травинка помнит,
каждый камень
Боль и гнев отеческой земли.
Смертью поделитесь
щедро вы с врагами,
Что с мечом, незваными, пришли.

И не надругаться никогда гяурам
Над телами ваших дочерей и вдов,
Вы ли не потомки Шейха аль Мансура,
Удалого барса из Алдов.

Смелые джигиты,
приготовьтесь к встрече!
Ваши атагинские клинки
Выкованы прочно.
Жаркой будет сеча
Эта... И Аллах вам помоги.

Горьковатый запах пушечного дыма,
Некому убитых заменить,
Потому что срама мёртвые не имут,
А живыми — вас не полонить.

Не живёт с отвагой рядом
чувство страха.

У отваги праведная месть.
Издавна дороже жизни у вайнахов
Были и достоинство, и честь.

Больше не услышать вам уже,
джигиты,

Как зовёт к молитве муэдзин:
На груди бешметы пулями пробиты,
И из вас не встанет ни один,

Чтобы не увидеть на остывшей груди
Ваших тел, поверженных врагом,
Как ребёнок с плачем припадает
к груди
Матери, заколотой штыком.

Не услышать больше
даже стонов редких.
Смертной болью сведены уста.
Ваша совесть перед честью
ваших предков
И перед потомками чиста.

Этот день кровавый близится
к закату...
Пламя... горе... крики... там и тут,
Пьяные от крови злобные солдаты
В плен в живых оставшихся ведут.

Не мужчин, а женщин,
девушек-чеченок...
В горестных глазах сверкает месть...
Разве согласиться
им с позорным пленом?
(И числом их — ровно сорок шесть).

На большом пароме их везут
за Терек.
Луч на волнах отблеском стальным...
С каждым мановеньем
ближе хмурый берег,
И одна сказала остальным:

— Где же наша гордость?
Да и сами где мы?
Разве наша верность умерла?
Нас увозят в чьи-то грязные гаремы —
Опозорить души и тела.

Молча прочитайте из Корана суру.
Мы теперь закончим этот бой.
Каждая пусть в горло вцепится гяуру!
Сорок шесть утопим их с собой!

Умереть безгрешно —
это, что ли, горе?
Совести не надо сторожей!
Разве мы, чеченки, память опозорим
Здесь погибших братьев и мужей?

С криком, словно птицы,
девушки рванулись
(Хоть спешите, судьба, иль не спешите!)
И речные волны над собой сомкнули
Девяносто две живых души.

Годы незабвенья канут,
словно в Лету,
Но бессмертен человеческий суд...
Грустное преданье... Искорками света
Души этих девушек живут.

Бережно хранили в памяти вайнахи,
Что, остановившись у реки,
Вот на этом месте, молча сняв папахи,
Голову склоняли казаки,

Потому что им была близка по духу,
(Как бы не кружила смерти плеть,
Угрожая жизни яростно и глухо),
Честь храня, готовность умереть.

Горький ветер памяти
по сердцу свищет.
Я в глубины времени шагнул.

Не остался даже след
от пепелища,
Где когда-то был большой аул.
И встают безмолвно
призрачные тени
Тех, кто пал в неравной битве той.
Смотрят, как аулы
в сумерках весенних
Россыпью мерцают золотой.

И улыбка тихо светится на лицах
Этих гордых призрачных теней,
Бережно хранящих памяти зарницы
Тех печальных прошлых дней.

Небо золотыми светит родниками
По ночам в неведомой дали.
Каждая травинка помнит,
каждый камень
Боль и гнев отеческой земли.

ФАИЗА ХАЛИМ

КРЕМНЁВЫЙ ПИСТОЛЕТ

КРЕМНЁВЫЙ ПИСТОЛЕТ

Да здравствует выходной!
Сплю до синяков под глазами...
Просыпаюсь. Стук в голове,
Сбой в нейронной системе:
«Какой сегодня день?»
На столе ждёт завтрак
или почти обед.

И короткое послание:
«Мы поехали к бабушке»...
Уборка. Телевизор. Комп.
Вирусы и вновь съедены файлы,
кто-то «троянил».
«Норд» — сдох! Подавись, вирус!!!
Выхожу. Направляюсь
в центр города — дела.

Фаиза Халим — прозаик, поэт, журналист. Пробует силы на сценарном поприще. Осваивает специальный курс по созданию бренда одежды. Интересуется историей Чечни и Древнего мира. Пишет в разных жанрах на чеченском и русском языках. Участница совещания молодых писателей Северного Кавказа и Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Липках (2012). Стипендиат Министерства культуры РФ. Публикации в журналах «Нана», «Вайнах», «Меценат и мир», альманахе «Искусство войны», «Русский глобус», в сборнике «Вкус айвы» и др. Лауреат всероссийской литературной премии партии «Справедливая Россия», Республиканского конкурса на лучшее литературное произведение, посвящённого 90-летию со дня рождения народной поэтессы Чечено-Ингушкой АССР Р. Ахматовой. Произведения переведены на белорусский язык.

Ищу «Кремнёвый пистолет».
Но его сегодня нигде нет.
А у брата — день рождения.
Возвращаюсь с тортом.
Зелёный свет. Перехожу улицу.
Со «скоростью света» авто,
Ещё бы чуть-чуть и
 «...Притяжения больше нет».
Злая. Кричу водителю:
 «Смотри, куда едешь!»
А он: «Чуть-чуть не считается!»
Вот и вся совесть.
Иду размышляя...
Замечаю, бежит котёнок.
 Неужели за мной?
Худая мордашка, сверкают глаза,
«М-да... Котёнок похож на меня», —
 думаю про себя.
Наконец наш двор и дом № 16!
На скамейке — знакомая.
Поздоровалась, банальный вопрос
 задала: «Как дела?»
Мне неудобно её прерывать,
А разговор до тайпов дошёл...
Котёнок уснул у моих ног.
Вдруг мелодия: «Рибба — рибба...»
Счастье — когда ей звонят!
В подъезд. Вверх по ступенькам,
и наша «крепость» — квартира 17...
Включила «ящик для дураков»,
 заземлилась в кресло,
Мяуканье в кухне. Котик!
Решила, так и быть! Будет у нас жить.
Поставила тарелку с молоком,
Радостно зову: «Киса-киса-киис!»
Но, видимо, традиция эта устарела.
Котёнок надменно повернулся
 спиной к угощению.
Глазу пушистика,
 замечаю ошейник
 и кулончик на нём.

Внутри записка: «Просьба!
 Нашедшего позвонить
 по этому номеру» и цифры...
Набираю. Отвечает женский голос.
Слышны ещё какие-то голоса
 и выжимаемые звуки из пианино,
— А-а-а... — начинаю я неуверенно.
— Здравствуйте!
— Я нашла вашего котёнка.
— Это хорошо! — отвечают
 на том конце провода.
— Куда нам подъехать?
Называю улицу, дом, подъезд,
 квартиру,
Не доходит...
Дверь, и даже цвет стен описала.
Легче, наверное, нарисовать карту
 и по факсу отправить...
Звонок в дверь.
Открываю.
— Я хозяйка котёнка, — заявляет
 молодая женщина с корзиной.
— Вот он, — вывожу хулигана.
— Надоел?! — вдруг укорительно
 говорит она.
— Да что вы?! Я его только нашла,
 он сам забежал, — отвечаю
 взволнованно.
— Ага, мы его месяц ищем, —
 не верит мне женщина.
Заметив тарелку с молоком,
 продолжает:
— Понятно, почему он так исхудал.
— Да забирайте своего
 бродягу-наглеца! — говорю уже
 на высоком тоне.
— Вот-вот! — не уходит
 странная женщина.
— Был бы бродяга, не держали бы. За
него тысячу долларов заплатили, —
И добавляет: — Он редкой породы.
Как будто мне это нужно знать...

— Теперь я понимаю, почему он от вас убежал, — тихим голосом ей.

В ответ тишина. Но недовольное выражение лица.

Хозяйка позвала зверька, котёнок быстро залез в корзину.

И она спешно ушла, и уехало жёлтое такси, громко хлопнув дверью.

Жалко котёнка...

Звонок на мобильный. Брат.

— Я через часа два буду дома. Что на ужин?

— Кроме страусятины — всё! — отшучиваюсь.

Гостиная, стол угощение.

Брат и его новый друг.

Где я его видела? Не могу вспомнить.

Мелькают в голове дорога, светофор белые полосы...

Имениннику:

— Прости! Пистолет

не смогла найти.

Протягиваю чёрный свёрток.

Гость смотрит на меня,

удивлённый взгляд.

Он молчит. Так прошло эдак

минут пять.

Вдруг говорит:

— Мне пора, — а голос

немного дрожит.

И поясняет: — У меня соревнования,

опоздаю.

Брат:

— Я тебя отвезу. Подожди!

И разворачивает свёрток.

Но с гостем что-то не так...

Вскочив с дивана, парень

бросается к двери.

Брат устремляется за ним

и хватает за руку:

— Садись! Раз я сказал, отвезу,

значит так и будет.

Сначала посмотрим... — достаёт из свёртка чёрный огромный футляр

Гость взволнован.

Ждёт, зажмурив глаза.

Вынимает содержимое,

мой подарок — часы,

серебро высокой пробы.

Желаю брату:

— Носи на здоровье!

А гость, улыбаясь:

— Я чуть не умер!

Отвечаю:

— Чуть-чуть не считается...

ПОВОНИ ОТЦУ...

Зима. Утро. Будильник.

Ещё пять минут. Тишина...

Какой ужас!!! Как быстро бежит время.

Чай... Нет! Не успею.

Макияж... Успею!

Сапоги, пальто, шарф...

Нет. Шарф, пальто, сапоги...

Лёгкий бег от подъезда

до автобусной остановки.

Я что-то забыла... Телефон!

Бегу обратно.

Лифт? Нет. Очень долго.

Лучше по лестнице. Пятый этаж.

Как глупо!

Звонок. Мой телефон? В сумке...

Ну ты...

— Да, я слушаю?!

— Это Альберт? — очень грустный и хриплый мужской голос.

— Нет, не Альберт.

— А куда я попал?

— А куда вы хотели дозвониться?

— Извините, я, наверное, ошибся.

— Бывает.

Остановка. Автобус. Толпа. Ноги...

Такое чувство, что в этом году больше не будет автобуса. Жду...

Вот оно, счастье! Едем.

Без пятнадцати девять.
Черепаша, а не автобус! Зла не хватает.
Наконец. Добралась.

Снова лифт. Снова застрял.
А у меня клаустрофобия...

Правда, других фобий нет.
Бесконечные две минуты,
и мы поехали.

Дверь. Коллеги. «Доброе утро!»
Мда... для кого как, думаю про себя.
Звонок.

— Да?
— Я хотел дозвониться до сына,
до Альберта, — вновь грустный
голос.

— Мне очень жаль, Альберта здесь
нет. И я не знаю, как я могу
вам помочь.

— Я звоню ему, — продолжает старик.
И называет номер. Мой номер.
Мне уже совсем неудобно,
что я не Альберт.

Ещё неудобнее от того, что я даже
не знаю, о каком Альберте идёт речь.
— Наверное, вы ошиблись

одной цифрой, проверьте ещё раз.
— Наверное, — говорит мужчина
с хриплым голосом

и извиняется вновь.
— Ничего. Удачи! — Отключаю.

Мобильник в режим «Off».
Работа. Комп, флешка, вирусы.
Куда-то пропали все файлы.

Касперский! ТЫ НЕ ПРАВ!
Устарели базы, Интернет НИКАКОЙ!
Три килобайта в секунду!

Разве это скорость передачи данных!?
Системный администратор
ушёл на ранний обед. Проблема!

Включаю мобильник.
Звонит рабочий телефон.

Подходит коллега. «Это тебя».
— Да? Говорите.

— Приглашаем в одиннадцать часов.
Встреча с известной артисткой,
в редакции газеты N.

— Хорошо. Приду.
Звонок на мобильный:
— Мы собираемся в нашем офисе.

Будет обсуждаться интересная тема.
Список приглашённых гостей
вышлю по факсу.

Начало в одиннадцать.
— Хорошо.
Начальник зашёл. В руках бумаги.

«В лицее презентация.
Вот контактный телефон».
Внизу обозначено время,

одиннадцать.
— Ладно.
«Что? Что за бред?! — пронеслось
в голове. — Сговорились».

Смотрю на коллег,
три корреспондента пишут.
Остальные на выезде.

Звоню в лицей. Выясняется, что презентацию перенесли на час.
Вот на что похоже счастье!

Ожил факс... Список приглашённых
и участников встречи.

Перезваниваю: Извините,
я не смогу прийти к вам офис.
К сожалению, меня отправляют

на срочное выездное мероприятие.
— Жаль.
— Может нам встретиться после мероприятия, и вы сами расскажете,

что и как происходило?
— Так можно?
— Конечно.

— Хорошо. Тогда я подойду к вам после завершения встречи.
Принесу доклады выступивших и

принятую нами резолюцию. Расска-
жу, что я слышал.

— Буду ждать. Всего доброго.

Без двадцати одиннадцать.

Фойе. Кафешка «Чайхана».

Кофе и кусочек «Наполеона».

Знакомые лица.

За окном маленькие снежинки.

Последний привет зимы.

Завтра наступит весна.

Молодой человек за соседним
столиком. Улыбается.

Не обращаю внимания. Делаю наро-
чито хмурое лицо. Не до него.

А он смотрит и улыбается.

Наверное, счастлив.

Время! Снова фойе и лестница.

Все куда-то спешат.

Влетаю в редакцию газеты.

Репортёры и их «жертва».

Вспышки, съёмки. Вопросы и ответы.

Смех, возгласы. Вопросы и ответы.

Шум. Головная боль. Пытка.

Опомнились. Фото на память, мы —
по редакциям, артистка — домой.

Рабочее место. Клавиатура.

Текст. Клише...

Двенадцать ровно.

Обеду наше твёрдое «Нет!»

В двери появляется чья-то улыбка.

И исчезает. Следом — начальник:

— Машина ждёт, нужно ехать сейчас
на презентацию.

Спасение.

Большой зал. Детишки, гам.

Учителя и гости. Выступление.

Скучно.

Выход. Где водитель? Нашла.

В «Печатный цех». Текст.

Почти шесть. Домой ура-ра-ра-р!

Снова автобус. Беседы. Музыка.

Шум в ушах.

Свободное место напротив меня. Не
замечаю, как его занимает молодой
человек.

Вроде знакомый. Улыбается... А мо-
жет показалось.

Нет! Действительно улыбается.

Ааа! Это же бывший соседский па-
рень, они жили напротив до войны.

Поговорили. Справились о делах,
о жизни.

«Мне очень неудобно,
но я забыла, как тебя зовут».

«А я помню всех соседей.

Альберт меня зовут».

Уже не смешно.

Почему-то спрашиваю:

— Как твой отец поживает?

— Он в больнице. Бронхит лечит.

— Желаю скорейшего
выздоровления.

— Спасибо.

Доехала. Как хорошо. Родимый дом.

Короткое прощание.

А напоследок: Позвони отцу!

ОТРАВЛЕНИЕ

Вижу странных людей в чёрных плащах, совершающих тайный обряд,
за чей-то голос шепчет мне на ушко: «Рукописи не горят, рукописи не
горят!». Потом и люди, и голос исчезают. Но тут приходит Бедная Лиза. Она
стучится в дверь спальни, вся в слезах, спрашивает истерично, почему её
обманул Эраст. «Спроси у своего автора!» — отвечаю ей тем же тоном, дро-

жа. Следом появляется бледный, угрюмый, растерянный Чичиков: «Я мог бы честно жить...», — твердит, расхаживая по комнате, заложив руки за спину. Выходит из стены Анна Каренина, напевая что-то себе под нос, садится у окна. Затем встаёт, открывает мой гардеробный шкаф. Современные наряды ей не нравятся, она смотрит и заливается оглушительным смехом, а успокоившись, цокает. Внезапно вбегает утопленница Муму. Собачка противно гавкает на меня, но, схватив белую комнатную тапочку равную ей по величине, 37-го размера, быстро убегает под кровать. Причём уносит ту, что на левую ногу. Всё это изобилие персонажей дополняет титулярный советник Аксентий Иванович Поприщин. Сумасшедший роется в телефоне, нервно читает мои СМСки. Оборачивается, выпучив глаза, поднимает указательный палец и громко произносит: «О-о-о-о! Я прозрел! Я-я-я прозрел!». Чудак ползает на корточках и продолжает своё читательство вслух, находя скрытый смысл во всех смайлах и точках. И тут Муму вновь вылезает из-под кровати и кусает за ногу Чичикова. Тот в ярости набрасывается на Аксентия Поприщина, и, они, оскалив зубы, хрипя и фыркая, дерутся. Поприщин между тем успевает и выкрикивать: «Я Фердинанд восьмой! Я Фердинанд восьмой!» Лиза стоит рядом, сквозь плач орёт: «Герасима на вас не хватает!» Только Анна ничего не замечает. Накинув на свои плечи мой красный палантин, словно бабочка махающая крыльями, она танцует хабанеру и поёт: «L'amour Est Un Oiseau Rebelle... L'amour-r-r-r-r-r-r...» Люди в чёрных плащах, став полукругом, молча, следят за всем этим ужасным процессом, а я наблюдаю за всеми, сидя в кресле, обнимая ноги, жмурясь. Я ясно осознаю, что они — галлюцинации, они — преследуют меня с самого утра. Некоторые события даже повторяются. Но я не испытываю страха, не вижу никакой угрозы... Почему? На днях слышала: все великие люди — немного душевнобольные. Так значит, я тоже гениальна? Неужели? Если так, то, какое количество могу вместить в свою душу гениальных безумств? И в каком качестве могу их выдать? Сколько лет длится эдакое таинственное состояние? От чего оно зависит? В каких формах проявляется? Или какое оно — идеальное восприятие мира? Хм... Мои рассуждения уже уносят меня в иные просторы сознания, так что же будет, если я на самом деле стану большим гением?! Гы...хе-хе...Извольте откланяться! Не-е-е-ет! Думаю, такую одарённость долго не вынести, очень быстро можно присоединиться к «всегда счастливым» людям.

«Вон отсюда! Мне до шедевров, до вас, ещё очень и очень далеко. Кыш! Кыш!» — выгоняю героев прекрасных сочинений.

Некоторые из видений с тоской оглядываются, будто рассчитывают услышать просьбу — «останься». В ответ я нахмуриваю брови, даю знать: пора меня оставить одну.

Неторопливо, но всё же они покидают мой дом, меня, и я радостно размахиваю синим шарфиком как победным флагом.

Однако сразу после ухода незваных гостей, как только закрывается дверь за последним, начинаю ощущать резкое ухудшение морально-физического состояния: пульс участился, в желудке жжение, голова ноет, во рту вкус гари, чую запах плесени самый непередаваемый по степени отвратительности, пересматриваю и некоторые жизненные позиции, а ещё...мне очень грустно...

Долго размышляю: как быть дальше, пытаюсь понять, зачем приходят книжные жители, найти причину и связь.

Звоню знатоку всех моих явных и скрытых дел, помощнику — Доктору Совесть. Рассказываю ему о недавно творившемся в доме, обо всём. Внимательно выслушав, «психоаналитик высокой категории» задаёт кучу вопросов. Особенно его волнует, что я читала в последнее время. Пролистываем вместе с ним свежепоглощённые короткие тексты, объёмные книги. Листаем, листа-а-а-а-ем...наконец! Он находит причину моего тяжёлого недомогания. Доктор уверен — у меня отравление. Вчера перед ночным сном, по просьбе знакомого молодого писателя, прочла недавно созданный им фэнтезийный рассказ о фиолетовых орлах, необычной и тяжёлой жизни птиц. Дочитала с трудом, а уснула как воин, победивший в сражении — радуясь выдержке, но в полном изнеможении.

Видимо, через особые энергетические уровни сознания, странное сочинение пробралось ко мне в душу и сделало своё дело. Хм... Не знала, не зна-а-а-ала что можно получить отравление от творческого произведения. Я поражена! Мой главный Слушатель поясняет — все писатели, даже не очень талантливые — немного того... или слишком здоровые у них головы, там может поселиться всё что угодно и пустить корни. Решительно утверждает, спящий внутри каждого из нас гений просыпается, в то время, когда у человека случаются душевные, сердечные сотря-потря-сения, острые потери духовности — под влиянием ложных умозаключений, идущих от заблудших, или же наоборот, вследствие просветления. Можно ли рассматривать душу и сердце отдельно, нужно ли дать свободу гению? Как различить злой он или праведный? Вопросы из другой области... Всё относительно. И в заключение: Совесть советует принять лекарство — прочесть то, что сердцу приятно, быть внимательней в подборе слов в записях, выставляемых на чтение людям. Со всех будет спрос...

«Твой рассказ отравил мне душу, если можешь, не пиши!» — посылаю отзыв с таким текстом писателю на email...

Благодарю Доктора за диагноз, рекомендации, честно обязуюсь беречь рассудок. Не позволять травить душу и сама не портить людям жизнь. Завершаю беседу лозунгом: «Да здравствует здоровая литература!». Нажимаю на красный бантик «выключить», и, положив комнатную тапочку рядом, размышляю о жизни. «О-о-о! Я прозре-е-ел! Я-я-я прозрел!» — откуда-то доносится голос...

Сегодня у мамы — день рождения. И мы, её дети, решили устроить небольшой праздник. Соберёмся, поговорим, наедемся, а она вспомнит наши детские шалости, посмеёмся, потом помолчим. Папы давно уже нет... Мама любит кизилковый сок домашнего приготовления, а я — нет. Удавом окутывают меня при виде красного напитка тяжёлые воспоминаия прошлого и душат — душат — душат...

Затянувшееся серой вуалью небо, вместо облаков — чёрные стустки дыма, волнами поднимающиеся от горящих жилищ. Понемногу, словно небесный дворник, их разметаёт ветер, но только на время. Просто «железные вóроны» устали, решили подкрепиться, чтобы сильнее ударить, да «навверняка» попасть. Крылья их перегрелись... Пару банок тушёнки — и «наводчики железных птиц» вновь готовы отсеивать добро от зла...

Неважно, почему так произошло, и кто виноват. Здесь одна правда — страдание. Есть одна истина — смерть. Весна, осень, лето или зима, богат или беден, молод или стар, женщина или мужчина — ничто и никто не имеет значения. Люди делятся только на живых и мёртвых, и, тех, кому бы лучше умереть...

Тишина... только она радует нас, потому что даёт возможность вылезти из подвала, вдохнуть пусть и пропахший гарью, пронизанный криками, воплями и цветными молитвами воздух и отдышаться. В тишине теперь появилось и что-то зловещее, предательское, пугающее, неестественное... Особенно присутствие тёмных сил чувствуется, когда они молчат после короткого залпа — значит, гуще закидают огненными стрелами, начнут убивать из гаубиц.

Завидуем мы улетающим мирным птицам и тем, кто ушёл в мир иной. Ждём чуда. Не до конца верим, что «ты — меня, а я — тебя» происходит на самом деле. Наивные, думают — это сон, а если нет, то это точно — апокалипсис.

Нас шесть, поднявшихся из подземного защищалища душ. Севших за столик в кухне, перекинувшихся короткими фразами, а потом молча съевших варёную картошку — наш завтрак, обед и ужин. Двое взрослых и четыре маленьких человека... сидим, задумавшись каждый о чём-то своём. Самый крохотный из нас ещё не умеет говорить. Сейчас я точно знаю: первое слово пухленькой малютки будет «бум». Она его скажет, увидев проезжающий мимо дома танк. О чём же мыслит маленькое существо? Неизвестно. В сложившейся ситуации оно — счастливее всех нас. Не делит людей на плохих и хороших, военных и гражданских — всем верит, а карие глаза с пушистыми ресницами наполнены светом. Смотрю на кроху, проскальзывает мысль: в одном все мы сейчас с малышом схожи — в беспомощности...

Говорят, у человека восемь шансов уйти от смерти. Неужели мы исчерпа-

ли весь лимит жизни? Обидно, обидно уходить из-за чьих-то больших аппетитов...

Пока мы тут едим последнюю картошку, пока мы собираем останки тех, кто недавно назывались людьми, пока мы хороним их наспех, еле успеваем поставить могильный камень, пока мы лежим под руинами... кто-то спокойно ест и смотрит на нас через «телек», как на кукол, как на стечение обстоятельств, как на уместные жертвы. Мы — просто статистика... Неужели правда, что ради «великих» интересов в нашей стране ничего и никого не жаль? Пока плачут матери сыновей, кто-то строит будущее своих детей. А мы умираем, а мы пересчитываем друг друга каждый день в подвале... некоторые из нас неизбежно остаются снаружи, став персонажами картин Пикассо на асфальте. Души убитых долго не уходят, не понимают, что их больше нет. Ночью, примерно в двенадцать часов, раздаются шаги. Они окружают нас, требуют открыть дверь нашего убежища. К рассвету расплзаются подобно утреннему туману. Может это и вовсе не души, а духи? Не знаю...

Нас шесть... нас всё ещё шестеро. Мы рады, что нас не достали снайперы и снаряды, и не мы остались лежать в красной луже, и гадко на душе за свою радость. Поэтому мы молча едим картошку, запивая чаем. Растягивая каждый глоток, удерживая его сладкий вкус на кончике языка как можно дольше, но не успеваем допить. Подкрепившись, «блюстители конституционного порядка» начинают опять извергать на нас огонь с бранью.

Бежим обратно в подвал. Если не будет прямого попадания ракеты, не закидают гранатами, не подорвут миной, то, возможно, мы выживем... Короткий путь кажется длинным, а ноги — слишком короткими, ведь нам нужно успеть, пока нас не завалят стены. Но я отстаю, замедлив шаг, застываю, смотрю вслед отдаляющимся от меня родным. Всё, я сдаюсь. Надоело бояться, бежать и прятаться я тоже устала.

«Я готова, убейте меня! Я зде-е-есь!» — кричу, задыхаясь собственным криком. Захлопывается дверь подвала. Взрывается соседний дом: скрежет, дым, разлетаются осколки. Чувствую резкую боль в левом боку, прямо над сердцем — в меня попали. Что ж, мне уже всё равно, главное — все мои части тела целы, положат в могилу всю. Прижимаю одеяло, которое успела схватить на ходу. Я стою в центре улицы и смотрю на небо. Нет, я не спрашиваю у небожителей, за что и почему в неполных 14 лет я вот так ухожу, не успев никому сказать простую фразу: «Знаешь, ты мне нравишься тоже». Мне повезло больше, чем бедолаге, горящему недалеко от меня. Скоро он превратится в пепел, который ветер разнесёт по городу, назойливо застынет у кого-то во рту и его нервно сплюнут... А значит он будет в списках пропавших без вести...

«Вбронь» совершают последние, добивающие наш город манёвры. Доносятся стоны, крики из-под бетонной стены. Вдруг меня хватают чьи-то руки и несут в подвал. Это мой родитель. Отец спрашивает что-то, я не слышу.

Лишь прижимаю одеяло изо всех сил, глядя на родных мне людей. «Нет, никто ничего не узнает, я молча и гордо умру, как умирают многие из нас... Без жалоб, без слёз. Да так ценна ли моя жизнь?» — рассуждаю про себя.

Лицо бледнеет, руки ослабли, чувствую, что ещё немного и не выдержу, и алая жидкость хлынет из раны, выдаст мой секрет.

Последнюю молитву возношу Богу, прошу спасти души тех, кто остаётся, и кто давно не дышит, кто хоть что-то может изменить в этом мире, заставить передумать того, кто решил воевать. Каждый нерв, маленький атом моих клеток, микроскопический волосок, родинка — всё задействовано. Я впала в духовное неистовство. Время для меня словно остановилось: затихли звуки в подвале, застыли люди. И те, кто плачет, и те, кто вознёс вверх руки, моля Всевышнего, и те, кто, опустивши головы, прижимается к своим родителям — для меня они все — как в детской игре «Замри». Страх, усталость, страдания вижу я на их лицах. А в моей душе смешалась целая гамма самых противоречивых чувств: равнодушие, сострадание, жалость, гордость, смирение, жажда жизни, отторжение жизни, боль... Мышцы лица и тела напряглись, стягивая кожу. Стало тяжело дышать... Как будто произошёл взрыв во Вселенной, вырвался крик из самых отдалённых глубин сознания, космических просторов моей души... Выпустила, прижимаемое к груди зелёное одеяло. Боль в сердце сразу стихла. Смотрю, а раны нет, и была ли она вообще — неизвестно. Неужели простое самовнушение довело меня до такого состояния? От этой мысли меня охватило безудержное веселье, граничащее с безумием. Застывшие люди ожили и в нас снова стали стрелять. И вновь раздались крики, плач, громкие молитвы. А я смеюсь... Мама спросила, всё ли в порядке, я ответила — да, продолжая смеяться. Когда успокоилась, спрятала одеяло с красными тюльпанами в деревянный ящик, используемый нами вместо стола. Моё лицо выражало спокойствие и умиротворённое состояние. В ту ночь из нас никто не погиб. Ну, а смерть продолжала гулять, пировать в наших краях ещё очень долго...

На могильных холмиках захороненных наспех — растут цветы. Сейчас растут дома́, растут другие дети, другие люди и мне — больше четверти века. Но осколок время от времени даёт о себе знать, сердце ноет по ночам. В памяти прокручивается лента тех событий. Я кричу: «Нет, нет, не нужно! Пожалуйста, я не хочу это видеть!» закрываю уши, зажмуриваю глаза, всё равно слышу голоса знакомых, ушедших в мир иной в том хаосе... Вижу, как они бегут, падают, разлетаются, снова бегут... и мучаюсь вопросами, на которые нет ответов, — пока не засну опустошённая, уставшая от переживаний на мокрой от слёз подушке. Врачи не могут помочь. Они не помогут... Они не поймут, это знаем лишь ты и я — жители подземелья... В моём сердце осколок...

ЧЁРНОЕ СОЛНЦЕ

* * *

двигайся так
будто в конце тоннеля
есть свет
и тогда он там
непреренно
появится

* * *

Мы делаем грязную работу
Мне хотелось быть частью искусства
Тонкого вопиющего
в своей авангардности
Однако пришлось спуститься
на землю
Взять в руки лопату и начать копать
Никто не хотел это делать
Но мир катится к чёрту
Нам уже не до изящества
и утончённости
Единственно важное отныне
искусство
Искусство выживать

* * *

конфликт интересов вязкая мгла
зыбучих секретов личного зла
ты чёрное солнце жестоких долин
глухое оконце крепость из льдин
я вижу как звёзд просыпается свет
и тянет всё выше туда где нас нет
но мне неизбежно опять умирать
мерцать разрушаясь и бездной сиять

* * *

талант
это способность
приводить
в стройное и красивое
расположение
внешние объекты
явления
и элементы

* * *

твои потерянные дети
застыли на краю пруда
луной испорченного света

их манит мёртвая вода
они дублируют ошибки
их некому остановить
сводом нелепых правил зыбких
не подкупить не подкупить
ты тоже полон тех сомнений
что растворяются к утру
иди ко мне мой странный гений
печаль твою с лица сотру

* * *

зашивая ярость в действие
будь со мной и будь один
так шептало равновесие
ледоколу среди льдин
красота на фоне холода
ты жестоко глубока
в тебе будто целый город
и тревожности река
я не вижу только чувствую
где кончается предел
исчерпается предчувствием
важность всяких глупых дел

* * *

твоей любви не хватит
чтоб вытянуть меня
из вязкой тьмы
моих цветастых платьев
нарочны обещания
и лживы сны
я ветром успокоена
прохладюю полна
и где здесь лечь
так чтобы спрятаться
от лишних глаз
случайных встреч
деревья не качаются
и спит сова

ей снится тот
с кем чудеса случаются
различные
и в ком поёт
разнообразие великого
убожества и
благодать
рождённый бесконечно
совершать открытия
страдать
но всё это не более
чем сон что снится
мне во сне
вибрация очередной
волны в родной и
липкой тьме

* * *

интересно каково это быть тобой
презирать целый мир и пытаться
его изменить
вуалировать слово любовь и боль
оседлав диким койотом быть
прав ли тот кто предался
тоске и ждёт
сострадания истины и тишины
или кто воплощая свои дела живёт
с атрофированным чувством вины
кто не сеет а только лишь спит
свою жизнь как все
станут метками на твоём пути и всё
расскажи о проблемах
полярной звезде
а дорогу тебе укажут сны

* * *

времени не существует
я вернулась в прошлое и спасла тебя
мы жили долго и счастливо

ДОЖДЬ, ДЕВУШКА С ГИТАРОЙ И РАДУГА

МОЙ ГОРОД

Лес да лес,
синь небес,
синие закаты —
город мой
Гудермес,
город мой крылатый.
Несказанно живой,
стоголосый,
над тобой,
город мой,
синью — просинь.
Не устану тобой
любоваться.
Эх, в траве б луговой
затеряться!
Слиться б с дымкой
полей
утром вешним,

быть частицей твоей,
город нежный.
Засиять бы звездой
негасимой,
город мой
над тобой —
край любимый.
Никогда над тобой,
город дивный,
не умолкнет напев
соловьиный.
Твой размах трудовой
понимаю,
неудачи твои
принимаю.
Верю в славу твою
трудоую,
верю в силу твою
молодую!

1969

Хавас Акбиев (р. 1944) — член Союза писателей и Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Чеченской Республики, известен читателю по стихотворным и прозаическим сборникам: «Остаюсь всё тем же...» (2003), «Песня спящей девочке» (2004), «Русскому другу» (2004), «Чечня, мятежная Чечня!» (2004), «Сосна, которая смеялась...» (2008), «Ах, война, что ты сделала, подлая...» (2009), «Просто стихи» (2012), «Остаюсь всё тем же...» (2014), «Я из огненной Чечни» (2014), «Давайте простимся светло...» (кн. 1, 2016; кн. 2, 2017).

УТРО

Воздух прозрачный и светлый
Горную свежесть принёс.
Смотрятся в реченьку вёты
Зеленью веточек-кос.
В россыпи росной калина
Вышла на скошенный луг.
Сколько чарующей сини,
Нежности сколько вокруг!
Брызнуло солнышко ливнем,
Видел бы даже слепой.
Край ты, мой край соловьиный,
Я очарован тобой.
Выйду в зелёные травы,
В горсть собирая росу.
Звонкие песни в дубравы
Птицы на крыльях несут.

1969

ДОЖДЬ, ДЕВУШКА С ГИТАРОЙ И РАДУГА

Дождь всё ближе,
Дождь всё ниже,
Дождь и тут, и там.
Ставни, стёкла окон лижет,
Ходит по дворам.
Тротуары
И бульвары
Умывает дождь.
Ты, нарядная, с гитарой
Под дождём идёшь.
Лижет щёки,
Лижет носик,
По руке — рекой.
И вплелися капли в косы.
Ах, шальной какой!
Тук-тик, так-тик,
Так-тик, тук-тик —
По гитаре бьёт.
Запустил за ворот руки —
И хитёр же дождь!

Моет ивы
Дождь игривый,
Всюду в лужах дрожь.
Ты идёшь — мила на диво,
И смеёшься в дождь.
Ранний вечер,
Радость встречи
В юные года.
Вышла девушке навстречу
Радуга-дуга.
Засверкала в синем небе,
Нежности полна,
Сердце девичье запело,
Дрогнула струна.
Пой, гитара, звонко-звонко,
Пой о счастье, пой!
...Зачарована девчонка
Радугой-дугой.

1969

У НОЧИ ГЛАЗА ТВОИ

У ночи глаза твои,
Глядеть в них,
До боли впиваться...
Ты можешь со мною
Не знаться.
Но только на зов
отзовись.
У ночи глаза твои.
У ночи глаза твои,
Большие глаза
С поволокой.
Но ты неприступно
далека.
Обмануты чувства мои.
У ночи глаза твои.
У ночи глаза твои,
В них горе моё и ненастье.
На дружбу, на радость,
На счастье
Просил я тебя:
отзовись!

У ночи глаза твои.
У ночи глаза твои,
Никто нас
В любви не осудит.
А слезы —
Их ветер остудит,
Горючие слёзы мои.
У ночи глаза твои.

1975

ТАШКЕНТСКИЕ МОТИВЫ

Пью воздух ташкентских аллей,
Пью чай в чайхане самаркандской.
На древней и доброй земле
Согрет я заботой и лаской.
Здесь слышу скольжение стихов,
И сквозь азиатские ночи,
В цветенье альпийских лугов,
Мне видятся девичьи очи,
Хорошие очи твои,
И зорька над речкой Тишанкой...
В Ташкенте поют соловьи,
Прохладна вода Зарафшанки.
Люблю этот светлый простор,
Простые напевы узбека...
Раскинул Ташкент свой шатёр
Под мирной звездой Улугбека.

1977

ПЕСНЯ СПЯЩЕЙ ДЕВОЧКЕ

Посвящаю дочери Зайнап
Тише, люди.
Тише.
Спит девчонка.
Выплыл
Из-за крыши
Месяц.
Чёлка
У девчонки
Цвета
Спелых вишен.

Протрубили где-то
Трубы.
Тише.
Боли не уняться,
Плачут
Раны,
Всё атаки
Снятся
Ветеранам.
И рыдают
В сини,
Людям близки,
На груди
России
Обелиски.
Это память
Наша.
Клятва
Павшим,
Мир от смерти
Спасшим —
Братьям старшим.
Рейте стяги
Гордо
Вы, над ними.
Спи спокойно,
Город,
Мой любимый.
Распахни
Оконца
В мир цветущий.
Похороним
Стронций
Смерть несущий.
Тише.
Пусть девчонке
В вечер
Синий
О родной сторонке,
О России
Напевавет ветер
Песни звонко.

Жить да жить
На свете
Ей, девчонке.
Млечный путь
Лучится
За окошком.
Сладко, сладко
Спится
Милой крошке.
Пусть ей
Не взгрустнётся
В отчем крае,
Любится, поётся.
...Баю, баю
Крошке спел
Над крышей
Ветер звонкий.
...Тише, люди,
Тише.
Спит девчонка.

РУССКОМУ ДРУГУ

Встаёт рассвет.
Повеяло весной.
Заказан путь
винчестерному лаю.
Быть одиноким волком

под луной
Ни другу, ни себе
не пожелаю.
Готов я вырвать волку
волчью пасть.
Царьку не стану в пояс
поклоняться.
Тебе, мой русский брат,
не дам упасть,
Нам вместе жить, дружить,
не расставаться.
Жаль только пал
великий наш Союз,
Не слышно больше
гимна на рассвете.
И потому на сердце
мглистом грусть,
И ветер глух, и солнце
тускло светит.
Да будем мы,
да будет наш союз,
Ему не сгинуть
в Беловежской пуще...
Я смугловат, ты ликом
светло-рус,
И в жилах кровь,
которой нету чище.

1985

КАВКАЗСКИЕ МОТИВЫ

МЫ — ДЕТИ КАВКАЗА

Мы — дети Кавказа от моря до моря,
Навек нас сроднило величие гор.
И вместе делить нам и радость, и горе,
Таков наш удел и судьбы приговор.

Овеян легендами край наш орлиный,
Здесь предки лелеяли дружбы ростки.
Бег времени был и суровым, и длинным,
Мы дружбу крепили, врагам вопреки.

И нам ли стоять на коленях пристало?
У недруга злого мы выхватим меч,
Чтоб вечно в Москве
иль в Ростове звучала
Чечено-аваро-черкесская речь.

Чтоб люди смеялись и песни звенели,
Эльбрус не грустил,
и Казбек чтоб не сник,
И были слышны соловьиные трели,
И Терек был ласков, не злобен, не дик.

На свадьбе своей кабардинскую кафу
С даргинкой ингуш танцевал без труда,
И чтобы ловзар получился на славу,
Играл на зурне осетин-тамада...

Друзья, мы потомки Адама-пророка,
Хоть ясно: созвучия нет в языках.
Но в жизни своей до скончания срока
Разумное сеять велит нам Аллах!

2000

Хожбауди Рамзанович Борхаджиев — чеченский поэт, драматург, переводчик, публицист, краевед, журналист. Родился 15.02.1956 в Караганде Казахской ССР. Закончил филологический факультет Чеченского государственного университета. Работает в Гудермесской районной газете «Гумс» (с 1990), в которой он прошёл путь от корреспондента до главного редактора. Председатель Союза журналистов Чеченской Республики (2007–2012), член Союза писателей и Союза журналистов России. Победитель республиканских и всероссийских журналистских конкурсов. Награждён Платиновым пером за первые публикации об А. Х. Кадырове (2000), медалью Министерства культуры Чеченской Республики «За высокие достижения», дважды — высшим знаком Союза журналистов России — «За заслуги перед профессиональным сообществом». Заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2006), «Заслуженный журналист Чеченской Республики» (2008). Кавалер ордена М. Мамакаева. Включён в энциклопедию «Лучшие журналисты России XX в.». Интеллектуальный центр Чеченской Республики выбрал его писателем года. Автор книг: «На выражах времени», «На линии фронта», «В дыму надежд», «Терек. Восхождение к Кубку», «Вчера и сегодня», «Гудермес и гудермесцы» и более 80 популярных песен.

На холст перенёс свой наряд —
отраженье зеркал.
Так сильно скучал он по Тереку
в Санкт-Петербурге,
Что даже в одеждах
менять свои вкусы не стал.

В богатых хороммах
в бессонные белые ночи
Он в думах своих возвращался
в далёкий аул.
И долго потом не смыкал
свои чёрные очи,
В ушах не смолкали
сражения грохот и гул.

И Терека волны
порой его слух теребили,
Когда на заре
говорливо встречала Нева.
Откуда-то вдруг доносились
чеченские илли,
Что с детства он пел,
иногда забывая слова...

...Не так, может, было...
Но думы тревожат недаром.
Покоя с горбинкою нос
и усы не дают...
Да, в памяти нашей
остался художник Захаров,
Который прославил
не только аул Дады-Юрт.
2007

ЖДУ ТЕБЯ

Ждал всегда. Впредь тебя буду ждать.
И излить мне так хочется душу...
Пусть тебя мне придётся терять —
Свой обет никогда не нарушу.

Мне бы голос услышать родной,
Чтобы сердце надеждой искрилось.
Я желаю встречаться с тобой,
Что бы после со мной ни случилось.

Снова душу колышет мне май.
В нашем парке цветут те же клёны.
Где сказала ты тихо «прощай»,
Я печально смотрю на влюблённых...

И бежит торопливо ручей...
Верю, вновь улыбнётся мне счастье.
Вдруг, под кроной кленовых ветвей,
Как когда-то, услышу я:
«Здравствуй».
1973

ПОРТРЕТ МАТЕРИ

Я портрет написал,
собираТЕЛЬНЫЙ образ.
Колдовал у холста
вереницею дней.
Если с первым мазком
я испытывал робость,
То её испытал
к завершёнью вдвойне.

И подрамник хранит
тайну женщины этой:
Молодые глаза,
серебристость седин.
Между влажных ресниц —
россыпь тёплого света
И тревога за лихость
грядущих годин.

В этой женщине —
слабости капля-дождинка,
В этой женщине —
мудрости чистый родник.
Нет во взгляде её
вероломства пылинки,

Добротою наполнен
загадочный лик.

Образ матери я
собирал по крупицам...

Взор отца привлекла
серебристость седин,

Свою мать узнаю я
по влажным ресницам,

А глаза — молодые,
отметил мой сын.

1984

НОВЫЙ ДЕНЬ

Новый день надеждами пленит,
Город мой с зарёю просыпается,
Первый луч в окно уже глядит,
Встала внучка... Мило улыбается...

Да, теперь я дедушкой зовусь,
Юное тревожит поколение.
И всё чаще навевает грусть
И в плену задерживаюсь у лени я.

Быть тому, чего не миновать —
Непреложна эта божья истина.
Всё ж рассветы мы хотим встречать
Мирные, спокойные и чистые.

Первые цикады завелись,
Без умолку воробьи чирикают.
Новый день похож на белый лист,
А часы всё тикают и тикают.

Устремилось солнце вновь в зенит,
Радостью на лицах отражается.
Раз земля на месте не стоит,
Значит, жизнь и дальше продолжается...

2010

ШАЙХИ АРСАНУКАЕВ

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Я думал, что моя старушка — мать,
Земной заботой обременена,
Не может и не хочет понимать
Стремительные наши времена.

Но тихие просительные звуки
До слуха на рассвете донеслись:
Молилась мать неистово, и руки —
На полувздохе — воздевала ввысь.

Молилась мама вовсе не из страха —
Назло отцу коварства — сатане.
Просила у всесильного Аллаха
Щедрот и благоденствия стране.

За человека грешного просила,
За всех людей, чтоб отреклись от зла.
В её мольбе была такая сила,
Что и глухого б убедить смогла!

Просила, чтобы не было на свете
Ни помысла, ни слова о войне.

Просила, чтобы сыты были дети
В окольной и далёкой стороне.
Просила, чтоб не повторились
битвы...

Нет мамы...
Но звучат её молитвы...

ЗА ВЕКОВ ВЕК

Сквозь явь и сон —
Пройдёт и этот век,
Оставив в слове
Песни, были, сказы.
На свет явившись,
Крепнет человек,
И мать ему прощает
Все проказы.
За веком век...
А солнце без причин
Смеётся и сияет над востоком.
Мальчишки превращаются в мужчин
И полнят сердце матери
За веком век...
Проходит строй ребят.

Их — воинов —
В огонь войны кидают.
И снова трубы
Медные трубят,
И матери — вослед сынам —

рыдают...

* * *

Я лесом шёл.
Вдруг, отгибая ветви,
Летит навстречу
Ветер молодой —
И ну ласкаться!
Всё на белом свете
Как бы одушевляется весной:
Деревья, травы,
Ветер бестелесный...
Он, непоседа, плачет и поёт —
То грустная,
То радостная песня
По сердцу, словно человечья,
Бьёт.
Мне жаль его —
Не знает он,
Где отчий дом
До смерти самый милый уголок,
Друзья, родные?...
Ветер лёгкий очень
Общителен и очень одинок.
Он беспокойно по земле плутает —
За кругом круг и вновь
за кругом круг:

Тебя он ищет,
Родина святая,
Тебя он ищет,
Бескорыстный друг.
Он ищет душу,

Чтобы излечиться,
Свои страдания и мечты открыть,
Непониманья
Одолеть границу
И может быть, —
Кто знает? —
Полюбить...

* * *

Но есть глаза,
Которых не умолишь,
Чей взгляд — как ток,
Пронзающий тела.
Они велят —
И ты помимо воли
Идёшь, куда их воля
Повела.

Где мой покой?
Моих ночей улада?
Трудов и дней
Налаженная связь?
Я всё отдал,
Мне ничего не надо
Перед прицелом
Неотступных глаз.
Мне боль и крик —
А им — одни насмешки.
Мне день тоски —
А им — единый миг.
Бежать, бежать,
Минуты не промешкав!
А может, пасть
К ногам на милость их?

АДАМ САЛАХАНОВ

НЕКОТОРАЯ ЧАСТЬ КОЕ-ЧЕГО

На последнем издыхании она всё-таки зацепилась за ручку и вскочила на подножку набравшего скорость поезда. Перед проводником, в тамбуре вагона № 1900 с надписью «Потерянное поколение», она протараторила:

— Я, конечно, извиняюсь за такую посадку, но у дедушки Фёдора из Степанченко будет очередной приступ, если я не доставлю подпольную записку Антону Палычу, на тот край степи. Иначе преступная дуэль приведёт к драматическому наказанию!

— Значит, вам к машинисту, — сделал вывод проводник и махнул рукой себе за спину.

Только она вошла в вагон № 1910, как в нос ударил запах фосгена. Пол был липким от крови. За окнами началась стрельба и мелькали вспышки. Какой-то усатый американец опустил письмо в почтовый ящик и просто исчез. В дальних углах она заметила двух французов, тоже с усами и с проборами на головах. Один приютился у живого огня, второй, в углу напротив, ковырялся в поисках чего-то в часовом механизме. Прокомментировал всё это зрелище некий, как он представился, Женя:

— На лучшее будущее мы и не надеемся.

Молча кивнув, она юркнула в 1920-й вагон, над входом которого была нацарапана надпись «Величайшее поколение». Здесь её вниманию представилась мастерская, где за одним столом сидел коротышка с мелкими усиками в очках и чертил величайший маршрут — через город, человека, чувства, искусства, миры, разрушая всё это для модернизации. За другим столиком — меланхоличная леди писала: «Любовь моя (зачёркнуто «Вита» и ещё одно слово рядом), Орlando, как только волны успокоятся, собираемся на маяк, — если найду время между актов». От чтения письма её отвлекло некое насекомое под столом, занятое процессом строительства замка. Соседи слева, двое русских под морфием, не по-павловски ставили опыты над собакой, готовя её к службе в конармии. Ассистент-немец заметил, что собака похожа то ли на волка степного, то ли на Сиддхартху. За четвёртым столиком спорили американцы: один — о величии некоего Гэтсби, а второй, в противовес первому, взывал к Ктулху, чем ввели третьего, шумного собеседника-южанина, в ярость; и под эту перепалку она побежала дальше, в вагон № 1930. В нём провожали в нежную ночь последнего магната, звоня в колокол. Он, Фениган, и не мечтал о таких поминках, и о последующем путешествии на край ночи, сквозь тропик рака в дивный новый мир. Даже вместо могилы был вырыт целый котлован. А за окном, спешащий к этому дню саранчи, Натаниэль и его скорбящая подруга, увернувшись от влывшей парочки птиц и одного из троих полицейских, разбились, размазав содержание своих голов на всё окно поезда. От увиденного зрелища пучеглазого француза в очках, наконец, вырвало, и он аж вздохнул свободно. На двери вагона № 1940 красовалась кровавая надпись: «Молчаливое поколение». Через стекло было видно, как англичанин под рисунком скотного двора переставлял цифры 4 и 8, поместив их после цифр 1 и 9. Аргентинец изобразил там же сады с расходящимися тропами в форме сабли и подписал: Фунес. А рядом французский лётчик рисовал для мальчугана барашка. От этой идиллии второй француз,

Адам Салаханов родился в 1984 г. Член Союза писателей Чеченской Республики. Публиковался: в журнале «Вайнах», сборниках «Новые писатели», «Кавказский экспресс», «Новые писатели в литературе», «Домик из детства». Стипендиат Министерства культуры РФ. Живёт в селе Гехи Чеченской Республики.

чувствуя себя посторонним, со снобизмом Калигулы отошёл в сторону. Она решила постучаться.

— Войдите! — раздался голос ирландского коротышки в круглых очках.

Она вошла. Другой ирландец записывал что-то в блокнот, бормоча:

— Это, конечно, не Годо, которого я ожидал, но... — хлопок двери (она не рассчитала замах) качнул поезд. Очки коротышки треснули, как и окно за его спиной. Оно вылетело, превратив проём в вытяжку, высасывающую всё из вагона наружу. Началась разгерметизация и паника. И только меланхоличная леди, сохраняя спокойствие, с тамерлановской апатией собирала камни в карманы, приговаривая:

— После 1910-го вагона весь поезд изменился.

Как только начали проезжать мост, она открыла окно, противоположное тому, за подоконник которого держался ирландский коротышка. Уже весь высосанный наружу, он, ляпнув риторическое «меня что, никто не понимает?», отпустил подоконник и улетел в ночь. Меланхоличной леди у окна тоже не было уже, заметила героиня, перебегая в вагон № 1950. Что бы ни подразумевала надпись «Беби-бум» на двери, эпидемия паники перекочевала и сюда. Полуслепой старик тянул рыбу-меч из одного окна; из другого — бывший военный вытаскивал детей с рожью в волосах из пропасти, которые тут же приносили в жертву повелителю мух книги, предавая их огню в день Фаренгейта. Некий русский эмигрант поинтересовался у рыжего человека с огоньком, по имени Педро Парамо:

— Нет ли среди этих детишек девочки по имени Лолита? — смакуя это имя во рту как леденец.

В то время как в одном углу умирал некто Малон, в другом трое американцев спорили: двое не могли решить, разумно ли собираться с голым завтраком в дорогу, а третий вопил:

— Вы же лучшие умы моего поколения!

И только двое пассажиров поодаль ехали спокойно: сутулый француз с чемоданом и котом по имени, если верить ошейнику, Бебер и усатый немец, пыхтящий трубкой и отбивающий пальцами другой руки эксцентричный мотив на жестяном барабане. Под этот саундтрек она просеменила в следующий вагон № 1960. Здешняя атмосфера была ещё более гротескной: от симбиоза напалма и кислоты голоса, звучавшие в вагоне, превращались в гот-письмо, выжигавшее в её сознании, что: модели для сборки игры в классики подсказали аргентинцу Хронопы и Фомы из его сновидений; от уловов Джозефа зазвучала колыбель для кошки, и дети собрались в крестовый поход на бойню № 5; за 100 лет одинокого ожидания полковнику всё ещё не пришло письмо; разумность океана Станислава далеко не нова для трилогии Уильяма; сублимировав ирландского Улисса в верлибровый Кантос, можно разжечь Бледное пламя из щепок примечаний; если долго летать над кукушкиным гнездом (на мотоцикле или механизме заводного апельсина), можно

влететь в посвящение к Радуге тяготения; истории обыкновенного безумия женщин от магии Волхвов-Коллекционеров опасны для французского лейтенанта; из-под стеклянного колпака сговорившихся дураков можно выбраться через газовую духовку или на машине с выхлопом в салон...

Шипение настраивает её на прежнюю волну.

— Не знаю, о чём мечтают электроовцы. Но вам, как человекоподобной, это ещё пригодится, — сказавший это американец, протягивает ей аэрозольный баллончик Убика, из которого только что обрызгал её.

Выходя из вагона, она замечает другого американца — у окна, с удочкой на форель, и похожего на обезумевшего Пушкина француза, собирающего вещи. В вагоне № 1970 «Поколения X» презентовалась жестокая выставка, посвящённая крушению высотки в центре бетонного острова — которая проецировала разные чувства: то страх и отвращение, то ностальгию по регтайму, то способы употребления жизни, а то и помутнение. Отвлекала только хипповая радуга тяготения. И некий, несомненно обдолбанный, путник грезил: однажды зимней ночью, оседлав Химеру, пролетал сквозь неё, когда автостопил по Галактике. И вдруг из смога в углу выступил какой-то алкаш и обратился к юноше в шляпе — с просьбой вытащить шило из его шеи. В ответ, перебивая сам себя, молодой человек начал тараторить голосом то ли собаки, то ли волка:

— Водокачка будет нас ругать, а Савл Норвегов будет хвалить; нет, он Павел, да, все мы прохожие...

От этого спора она упорхнула в вагон № 1980, в котором за одним окном можно было заметить города красной ночи, пространства мёртвых дорог и западные земли в целом, а за другим окном, шагая по стеклу с невыносимой лёгкостью бытия, она могла видеть осиную фабрику с машиной различий, которую пытались разглядеть нейромантик в круглых очках и его кореш. Им она и вручила флакончик Убика. Напротив них сидел японец с крысиной мордой, разглядывая свои руки. Он интересовался у соседа с такой же крысиной мордой:

— Есть ли в 10½ главах истории мира что-нибудь про тонкости охоты на овец?

На что Ихаб (к которому воззвали все) заметил:

— Как бы там ни было, Вирджиния была права насчёт вагона № 1910. После него состав поезда изменился, не говоря уже о сверхперемене после 1940-го вагона.

После чего она перешла в обозначенный как «Поколение Y» вагон-ресторан № 1990. Здесь, пока за одним столом царило шумное веселье с бесконечными шутками пятерых американцев, из-за стола рядом какой-то русский в чёрных очках прокричал:

— Да кем вы себя возомнили!? Думаете криптонамёками шифрануть ваши американ-психопатские байки икс-поколения!? Да плевал я на первые правила вашего клуба! У нас есть своё поколение, и оно пи...

Не дав ему договорить, рот его накрыла рука седовласого сотрапезника, с бородкой в стиле Троцкого, из эпицентра которой, как из абсолютной пустоты, прозвучало:

— Но-но-но, Витя! Хорош уже. Забей. Ты это, лучше почаще закусывай... — и пододвинул к нему тарелку с салом голубого оттенка.

Уже на выходе из вагона-ресторана, до неё донёсся чей-то голос:

— Как бы милосердно не анатомировали... до чего ж оно всё запоздало.

Первое, что бросалось в глаза в вагоне № 2000 — это душераздирающее творение ошеломляющего гения, и возведено оно было во славу и защиту Зейтуна в виде чего-то вроде дома из листьев, в котором кишели призраки и вампиры в шлемах ужаса. И ни колыбельная, ни ананасная вода не могли умерить их тревогу после бесчестия, ибо оно было предречено при жизни Михаэлем К. ещё во времена ожидания нашествия варваров. Она заметила, что сидящий за печатной машинкой лысый американец взял пистолет и явно задумал покинуть царство страха. Но тут же её внимание привлёк другой американец, в бандане и очках — он намыливал верёвку. И как только раздался выстрел, парень этот весь переменялся в лице и уставился на суицидника глазами омара...

Открывая дверь с надписью «Поколение Z», похожей на венерин волос, она нашла вагон № 2010 непривычно спокойным. Хотя он и кишел мальчишками на дозе, которых пыталась прогнать какая-то продажная тварь... Сначала она было подумала, что это и есть машинист. Но, увидев за этим ниггером ещё одну дверь, она вошла в неё. Это и была котельная. Спинай к ней сидел смутно вырисовывающийся силуэт мужчины. Перед ним стоял маленький столик. На нём едва теплилась свечка. Она перевела дух, и:

— Добрый вечер! Мне сказали уточнить наш маршрут у Вас. Тут такая история случилась, дедушка Фе...

— Дальше самого старого ныне живущего человека, истории не существует, — уточнил силуэт.

— Извините... Но, кажется, я не совсем...

— Да всё ты поняла, Анна! — обернулся к ней (как оказалось) седовласый старик с густой бородой и залысинами до темени, — и про поезд, и про каждый вагон, и про состав каждого вагона... И то, что не ты успела на поезд, а наоборот. Это тебе не жёлтая стрела, и кондуктор тут не Виктор, ибо путь свой мы держим не из Винляндии, по указу Томаса. Ты просто боишься признать, насколько всё наоборот, и куда всё это тебя приведёт. Ведь мы всегда занавешиваем свои страхи красочными шелками своих хотений...

— Но если мне так хочется...

— Ты своими хотеньями меня не перебивай, стерва! Мне и так стрёмно сейчас, когда я и сам стал голосом в чужой голове. Тебя ещё не хватало... Человек всю жизнь мается в жмурки с этими голосами, пытаюсь понять, кто из них есть истинный он. Хотя в глубине души своей и понимает, что он — это

тот, кто слушает эти самые голоса в голове. Ибо расщепляет нас не времени поток, но слов.

Последние слова старца, подобно заклинанию, закрутили такой мыслеворот в голове и воспламенили свечу таким жаром и ослепительным сиянием, что... пришлось зажмуриться в непросветную тьму.

2018

ИМРАН ИРИСХАНОВ

ИЗ КНИГИ «ЧЕКАННЫЕ УЗОРЫ»

Опираясь на традиционную жизнь народа, автор устами дедушки Саида рассказывает об обычаях, традициях и нравах чеченцев, их благородных поступках. В книгу входят рассказы, хадисы пророка Мухаммеда, предания, сказания, советы, основанные на религиозной, нравственной и правовой культуре народа.

ДОБРЫЕ СЕРДЦА

Наш любимый дедушка рассказал о том, как в былые времена люди жили дружно, заботились друг о друге и честным трудом добывали хлеб насущный. В нашем краю жили когда-то два брата — Ахмад и Магомед.

Имран Ахмадович Ирисханов родился 20 апреля 1943 года в селе Шали Чечено-Ингушской АССР. Вместе с чеченским народом прошёл через множество испытаний. Учился, работал, участвовал в творческом объединении молодых писателей. Был корреспондентом, позже — редактором районной газеты. Писал статьи, очерки, зарисовки на чеченском и русском языках. Работал редактором в республиканском книжном издательстве (с 1982), отредактировал и составил многие издания. Автор книги «Чеканные узоры», а также очерков и статей, опубликованных в различных республиканских СМИ.

Ахмад был старше. Рано женился. Имел семью. Магомед — моложе, холост. Была у братьев пашня. Изо дня в день трудились они, не покладая рук. Однажды посеяли пшеницу. Славный созрел в тот год урожай. Скосили, связали в снопы и тут же на поле поделили урожай поровну. Домой выращенное не свезли. Вернулись братья с поля и разошлись по углам. Не спалось в ту ночь Магомеду. Разные мысли допекали его. Думал он о старшем брате.

— Ахмад имеет малолетних детей. Трудно ему. В целом мире нет человека кроме меня, кто бы помог старшему брату. Поделили мы сегодня урожай. А ведь ему хлеба больше понадобится, чем мне.

Магомед встал, оделся и ушёл в поле. Начал он переносить снопы со своей половины на сторону Ахмада. Довольный трудом, вернулся и лёг спать. Разное приходило на ум тогда и Ахмаду. Все его мысли были о младшем брате.

— Магомед ещё молод, не женат. Брату надо обзавестись семьёй. А помочь ему некому, кроме меня...

В ту же ночь Ахмад ушёл на ниву и перенёс часть своих снопов на поле младшего брата. Удовлетворённый вернулся в саклю. За добродетель Всевышний Аллах ниспослал на ту землю благодать. В том краю люди стали жить дружно как Ахмад и Магомед, не зная горя.

СЕМЯ РАЗДОРА

Жили в одном ауле два друга — Ахит и Хадид. Дружили с детства. Лихо скакали на конях, метко стреляли в цель, переплывали бурные горные реки, переносили много трудностей. Друг друга понимали с полуслова. Но однажды... Ехали друзья осенью по убранному полю. Зоркие джигиты одновременно увидели на пашне еле заметное просьяное семя. Проехать бы мимо никчёмной находки. Но друзей Иблис попутал. Ахит остановил коня и говорит Хадиду: «Я нашёл семя, оно моё!» Хадид же воскликнул: «Нет, оставь его мне!»

Юноши спешили, стали теребить друг друга, хватать руками землю, где лежал злосчастный злак. Так из-за еле заметного зёрнышка между друзьями возникла ссора. Примчался на помощь Ахиту его брат. Рядом со своим стал брат Хадиды. Появились родственники с обеих сторон, готовые броситься в драку. Услышали о происшедшем дальние соплеменники и поспешили на помощь своим. Родственники, которые не имели возможности отправиться к месту раздора, даже не расспросив о том, что побудило друзей к ссоре, стали враждовать с родственниками противной стороны.

Враги тайно помогали враждующим. Ослабла страна, где когда-то царил мир и покой. В край вступил в права древний закон: кровь за кровь, зуб за зуб, око за око. Многие людские жизни унесла междоусобица. Там пролитая живая человеческая кровь лилась как вода и уходила в землю.

Вода в реках, ручейках, родниках была красной от крови. Вот что породила вражда!

Мудрецы говорили, что иногда из-за неумения подавить в себе гнев, уступить друг другу, находить путь к миру и согласию — даже между верными друзьями может возникнуть ссора из-за такой мелочи, как просьяное семя.

ПРАВДА ГОРЬКА, НО ДОРОЖЕ

Отважный предводитель бячки Албахад собрал себе отряд. После долгого пути воины расположились лагерем у горного села. Уставшие наездники, разнуздав коней, пустили их пастись. Сами же, поужинав, легли спать. В отряде был молодой боец Али. Перекусив на скорую руку, он положил недалеко от себя заряженное ружьё, завернулся в бурку и крепко уснул. Ночью чей-то пасшийся конь задел копытом оружие. Прогремел выстрел и убил пасшегося коня.

Утром Албахад собрал старейшин и просил их разобраться в случившемся. Выступая на совете, мудрец Таиб винил владельца коня, который не присмотрел за своим скакуном. Другой судья — Мухид — укорял юношу Али, бросившего наземь заряженное ружьё. Бячки давал высказаться многим. Наконец, вышел в круг известный алим Махмуд и убедительно сказал:

— Я не против высказываний Таиба, есть доля истины и в речи Мухида, но если мы хотим знать всю правду, то вина в гибели коня ложится на того, кто собрал этот отряд.

Последовала тишина. Бячки наградил Таиба и Мухида. А мудрец Махмуд был изгнан.

ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ

Тайми Биболат гостил у Шамхала Тарковского. Хан был наслышан о подвигах славного чеченского старшины, но всё же задумал испытать его. Утром Биболат с кумганом воды вышел совершить омовение перед намазом. Шамхал велел слугам пустить на храброго наездника ручного льва. Грозный царь зверей в два прыжка оказался носом к носу с героем. Не раздумывая, храбрец схватил оказавшийся под рукой кувшин с водой и всей силой впихнул его в пасть зверя. Лев замертво упал. Биболат как ни в чём не бывало, зашёл в кунацкую и совершил обязательный для мусульманина намаз. За завтраком Шамхал спросил гостя:

— Биболат, какое оружие считаешь лучшим.

Смельчак отвечал:

— Лучшим оружием во время боя служит то, что первым подвернётся под руку.

БУДУ ПОМНИТЬ, ТЫ НЕ ПРОСТИШЬ

Деду Сайду от природы были дарованы ум и мудрость. В своё время, как мы помним, старик предсказал, что дети перестанут слушаться родителей. С каждым днём убеждаемся в том, что, если бы молодые вовремя вняли голосу мудреца, то избежали бы многих конфликтов, иначе сложилась бы их жизнь. Дедушка рассказывал о том, что случилось, когда сыновья послушались отца. В далёкие времена жил на свете человек по имени Балча. Он сеял хлеб, пас овец, строил башни, лепил и обжигал глину, ковал медь и железо. Росли у него сыновья. Он радовался потомству. В ту пору в соседнем лесу поселился дракон. Заполз в пещеру, охотился на зверей, делал, что ему заблагорассудится. Такое соседство Балча не радовало. Будучи мудрым, человек не враждовал с чудовищем. Отношения у них складывались по-соседски. Отец семейства заходил в пещеру к дракону. Приносил ему мяса, делился с ним, чем мог.

Уходить с нажитых мест Балча не хотел, да и страшный сосед тоже никуда не собирался. Так человек и дракон соседствовали. Каждый занимался своим делом. Проглотит чудовище из отары приятеля овцу, Балча затаит в себе обиду. Знал, что, если ввяжется в поединок, не одолеет злого соседа. Между ними не было вражды, да и мир был хрупким. У Балча росли сыновья. Им казалось странным, почему отец дружит со страшным чудовищем? Балча считал, что и его сыновья будут мирно соседствовать с зубастым, огнедышащим исчадием. Однажды дела позвали хозяина в дорогу. Вызвал он своих сыновей и велел им: до его прибытия не ссориться с соседом. Балча был далеко от дома, когда здесь разыгралась драма. Братья пасли овец. Вдруг из пещеры выполз дракон и, как ни в чём не бывало, спокойно утащил овцу из отары. Не стерпели молодые люди такого издевательства и дали знать дракону, что они не намерены терпеть проказы чудовища поганого. Дракон давно ждал вызова. Завязалась схватка. Чудовище ударом хвоста выбило глаз одному из сыновей. Брат, заступившийся за брата, ударом кинжала отсек дракону хвост. Раненное чудовище заползло в пещеру. Братья перевязали пострадавшему брату рану.

Отец возвращался из далёких мест. Во дворе его дома стояла гнетущая тишина. Со стороны пещеры доносились глухие стоны. В сию же минуту у Балча мелькнула мысль: сыновья повздорили с соседом! Братья спокойно встретили отца. Подробно рассказали о случившемся. Родитель поругал сыновей за несдержанность. Объяснил им, что он всю жизнь избегал ссоры. Потом зашагал в сторону леса, где в пещере покоился дракон.

— Выходи, сосед, поговорим, — начал свой разговор Балча. — Я долго не был дома, давно не видел тебя...

— Нет, не приглашай, не выйду, — отрешённо ответило чудовище. — Как бы мы не пытались жить по-прежнему, у нас этого не получится. Когда ты

взглянешь на своего сына и увидишь его, сразу же вспомнишь, что я ему выбил глаз. А когда я обернусь и не увижу хвостовую часть туловища, вспомню, что твои сыновья отрубили мне его.

И всё же время изгладило происшедшее. С тех пор дракон вёл себя сдержанно по отношению к соседям. Сыновья Балча тоже стремились к этому.

БЕСКРОВНАЯ МЕСТЬ

После дневных забот на вечернюю сходку возле мечети собрались мужчины села Ардам. Говорили о новостях, в основном, о хозяйственных делах. Обсуждали, кто сколько накопил сена, подготовил на зиму дров, прополол кукурузы и картофеля. Здесь же было объявлено: через два дня женится племянник уважаемого Арсахана. Дедушка Асахан хочет видеть на торжестве всех своих родственников и приглашает их. Старцы воодушевили собравшихся рассказами о подвигах прославленных народных героев. В положенное для вечерней молитвы время с минарета мечети прозвучал зычный голос муллы, призывающий правоверных на молитву. Люди стали расходиться. Двое молодых мужчин заключали шествие.

— Я тебе кое-что расскажу, — произнёс голубоглазый Байда и остановил шедшего рядом Висраила.

— Слушаю, — сказал Висраил, замедляя шаг.

— Я хочу рассказать тебе, что во сне видел твою сестру Бицацу, — начал было Байда.

Но полагая, что речь пойдёт о недозволенном, Висраил резко перебил его:

— Не было ещё мужчин, чтобы как угодно говорили о моей сестре. Я тебе этого не прощу.

Висраил затаил на Байду обиду. Не здоровался с ним, игнорировал его при встрече. Не появлялся там, где мог быть его обидчик. Сельчане узнали о соре и решили помирить мужчин. Но Висраил воспротивился.

— Наш спор решат только майстинские судьи, — заявил он и отправился в Майсты.

Судьи внимательно выслушали его и вынесли вердикт. Исполнить решение суда в аул Ардам направили своего представителя. В вечернее время приезжий попросил обидчика и обиженного пройти с ним на край села. Судья взял с собой заряженное ружьё. Люди насторожились и пошли следом за ними. На окраине села судья попросил Байду стать на бугорок. От его фигуры растянулась длинная тень. Майстинец пригласил к себе обиженного.

— Этот мужчина хотел рассказать тебе сон. Никаких действий против твоей сестры он не предпринимал. Считай, что сон и тень — одно и то же. Вот тебе ружьё. Выстрели в тень своего обидчика.

Прозвучал выстрел. Висраил облегчил душу. Мудрое решение спора вызвало улыбки на лицах присутствующих. Майстинский судья рассудил враждующих и не допустил развития конфликта.

ОТЕЦ ВСЕГДА ПРАВ

Всемье рос сын Заур. Он стал совершеннолетним. Заимел друзей. Каждый вечер в их сакле слышался шум. Приятели шутили, рассказывали были и небылицы, играли на дечиг-пондуре, танцевали лезгинку, чувствовали себя как дома, но иногда даже забывали, что они в гостях. Разумеется, для гостей мать и отец ничего не жалели. Стол всегда изобилывал вкусными блюдами — различными плодами и овощами, напитками. Отец семейства, познавший на своём веку радость и горе, разочарование в сотоварищах однажды спросил сына:

— Сынок, кто из этих юношей твой друг?

Вопрос отца привёл наследника в недоумение.

— Дада, все они приличные парни. На белом свете не сыщешь более надёжных товарищей. Если понадобится, все они за меня встанут горой.

Родитель лукаво усмехнулся, но не стал больше спорить с сыном.

На следующий день муж попросил жену отнести гостям кукурузные лепёшки с рассолом из сыворотки. Не понравилась товарищам простая еда. Половина из них на следующий вечер не пришли к другу. В свою очередь, отец и мать продолжали кормить сына и его друзей тем же. Вчерашние завсегда таи не переступили больше порога дома приятеля. Кукурузный хлеб-сискал был им не по вкусу. Не все, кто водил дружбу с Зауром, оказались чревоугодниками. Один из многих приятелей ежедневно навещал друга. Беспорочно работал по хозяйству у Заура, делился с ним последним, давал советы, аппетитно ел простую еду — сискал-берам.

Отец сказал сыну:

— Помни, вот Хасан — твой лучший друг и названный брат, а остальные — сотрапезники.

ВАЖНЕЕ ДЕНЕГ

Кродственникам в аул Дикбор приехал гость. Хозяева, как могли, встретили дорогого человека. Стол ломился от вкусных блинчиков-чепалгаш с творожной начинкой, хингалш — с фаршем из варёной тыквы. Всё время гостя угощали хорошим цейлонским чаем с вишнёвым вареньем. Хозяйка умело готовила для своего гостя вкусный жижиг-галнаш. Чтобы приезжий не скучал, устроили вечеринку. Задорной лезгинкой юноши и девушки веселили гостя и наслаждались сами. В доме, где пребывал приезжий Хасан, был

мальчик лет десяти. Маленький Ризван привязался к гостю. Рассказывал ему об учёбе, о друзьях, о впечатлениях от поездки в городской цирк. Всё хорошо, но гость заторопился уезжать.

— Хасан, оставайся на два-три дня, — просили его хозяева. Ризвану тоже не хотелось, чтобы приезжий уезжал, и он просил его погостить ещё.

— Не могу, дела торопят, — вежливо отвечал Хасан и благодарил за гостеприимство.

Хозяева, в свою очередь, извинялись за недостаточное внимание, проявленное к его персоне.

На прощанье гость вынул из кармана деньги и, протягивая их сыну хозяйина, произнёс:

— Он замечательный мальчик!

Маленький Ризванчик не дотронулся до ценных бумажек.

— Для меня важнее второе, чем деньги. Их истратишь, а похвальное слово будет долго жить, — сказал мальчик.

СОСЕДКА — ОРУЖИЕ

Во времена насильственного выселения чеченцев в 1944 году в селе Белхаш советские войска проводили операцию по изъятию оружия. Командиры отдали подчинённым приказ, чтобы у жителей отняли всё оружие, вплоть до кухонных ножей. Группа солдат ворвалась во двор к Бахтаровым, которые никогда, кроме лопат да вил, о другом оружии не ведали. Вскинув автомат, боец Шугаев крикнул пожилой женщине:

— Оружие есть?!

Не понимая русского языка, бедная Айхант подошла к плетню и крикнула соседке по-чеченски:

— Аружа, тебя здесь спрашивают!

СЛАДКОЕЖКА

Втрудные для чеченцев времена в казахском селе Айгюль жил мужчина по имени Умха. Однажды, когда односельчане собрались на сходку и рассказывали, кто что ест, Умха вдруг заявил:

— А я всё ем с мёдом.

Земляки подумали, а затем наперебой стали спрашивать приятеля:

— Слушай, друг, у тебя нет пасеки. Покупать мёд ты не в состоянии. Как же ты всё ешь с мёдом?

Умха отвечал:

— Я всегда жду, пока проголодаюсь. Тогда обычная домашняя еда мне кажется вкусной, как мёд.

ПОДЕЛИТЕСЬ С МАМОЙ

В семье Райхант было семеро детей. Как-то мать просеяла муку, замесила тесто, приготовила для фарша творог с луком и яйцом и испекла семь тоненьких блинчиков-чепилгов. Наблюдавшая за стряпнёй девочка заметила:

— Мама, ты для нас готовишь семь чепилгов, почему не испечёшь ещё один для себя?

— Доченька, — молвила Райхант, — если вы все дадите маме по одному кусочку, для меня будет достаточно.

КАНТА ИБРАГИМОВ

АКАДЕМИК ПЁТР ЗАХАРОВ

Предисловие к четвёртому изданию книги

29 ноября 2017 г. на крупнейшем аукционе мира Мак Дуглас в Лондоне на продажу была выставлена картина художника Петра Захарова-Чеченца «Портрет Анны Григорьевны Ермоловой с детьми. 1840». Помимо необходимых сведений, в аннотации к картине была представлена и такая дополнительная информация: «Портреты передовых людей занимают особую страницу в творчестве замечательного художника XIX столетия Петра Захарова-Чеченца. Его работы давно разошлись по крупнейшим музейным собраниям — таким, как Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея, Музей Тропинина, и др., встречаются в частных коллекциях край-

Канта Хамзатович Ибрагимов (род. 1960) — российский чеченский писатель и общественный деятель, народный писатель Чеченской Республики. Лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, председатель Союза писателей Чеченской Республики, доктор экономических наук, профессор.

не редко. Представленный же на торги портрет Анны Григорьевны Ермоловой, имеющий блестящий провенанс, и вовсе можно отнести к уникальным явлениям художественного рынка». В тот же день картина была продана за значительную сумму. Покупатель остался неизвестен. Остаётся надеяться, что он, как и предыдущий хозяин картины, с которым я был знаком, будет считать этот шедевр Захарова украшением своей коллекции. Иначе и быть не может, так как время и спрос на картины Петра Захарова подтверждают: он был великолепным художником и выдающейся личностью. Подтверждением является и то, что в ходе исследования его жизни и творчества, которое продолжается и после выхода в 2013 году первой книги «Академик Пётр Захаров», появляются всё новые и новые сведения о художнике. Поэтому возникает необходимость в переиздании книги.

А теперь о том, с чего всё началось. В 2006 г., после того как не стало отца, я, разбирая его бумаги, нашёл «особую» папку. В ней, на первый взгляд, хранились наиважнейшие научные публикации по молекулярной физике и термодинамике. И вдруг среди этих формул и уравнений я обнаружил материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Живописец Пётр Захаров», посвящённой 160-летию юбилею художника, которая состоялась в Чечено-Ингушском госуниверситете в 1976 г. Проректор по научной работе университета, мой отец Ибрагимов Хамзат Исмаилович, был председателем юбилейной конференции. И в этом статусе в материалах конференции — его вступительное слово и заключительная речь вместе с итоговой резолюцией конференции, а также рукописный листок. Это был совсем не официальный документ — в написанном на чеченском языке тексте преобладали жалость и скорбь по отношению к судьбе художника. И как итог: «кто-то должен продолжить поиск материалов о жизни и творчестве Захарова, он этого достоин». Подумалось, что это — наказ лично мне. Под впечатлением отцовских слов я перечитал книгу Н. Ш. Шабаньянца «Академик Пётр Захаров». Потом внимательно изучил материалы конференции — очень интересные доклады учёных и искусствоведов Москвы, Ленинграда, Тамбова и Грозного. Было очевидно: в основном все исследователи отталкивались от единственного источника — монографии к кандидатской диссертации Н. Ш. Шабаньянца, над материалами которой учёный работал почти двадцать лет. Тем не менее в докладе он отметил:

«...Неясных пятен в жизни и творчестве художника ещё много, поиск надо продолжить». А председатель этой конференции Х. И. Ибрагимов подчеркнул: «Справедливости ради надо сказать, что в течение ста лет ни биографией, ни творчеством Петра Захаровича Захарова никто всерьёз (до Шабаньянца) не занимался, и имя его было забыто, хотя живописные произведения Захарова получили признание, а он сам считается талантливым портретистом». И в конце вновь: «Мы уверены, что в дальнейшем изучение и пропаганда творчества П. З. Захарова будут продолжены...» Н. Ш. Шабаньянца

ньянц в своё время говорил о том же: «...Поиски материалов и документов о П. З. Захарове могут продолжить студенты наших вузов. Их находки будут достойным вкладом к предстоящему юбилею нашего земляка из Дада-Юрта, академика живописи П.З. Захарова, которому в 1976 г. исполняется 160 лет». Я тогда студентом ещё не был, но с тех пор прошло более сорока лет. И так сложилось, что последние годы я занимаюсь этой темой. Вначале хотел написать роман о художнике.

Перечитав труды Шабаньянца, Молевой, Кропивницкой и других авторов о Захарове, взялся за перо. Начинал неоднократно, немало бумаги исписал — ничего не получалось. Но однажды, во время очередного собрания РАН, ко мне подошёл пожилой учёный — академик Ю. С. Степанов и спросил: «А вы слышали о своём земляке Петре Захарове?» После моего утвердительного ответа он продолжил: «Удивительный живописец, и такая судьба... Вот моя книга, в ней небольшая статья о нём. Над ним надо поработать — поучительно. И он достоин. Ведь в то время на всём Кавказе таких творцов-художников, а тем более, академиков, тем более академиков живописи, просто не было. Этим надо гордиться, это надо пропагандировать. Это победа, дух и стойкость национального интеллекта. Надо поработать!» Он почти внушал это мне, а напоследок заметил: «Только не вздумайте о нём писать роман. О великих романы не пишутся, несолидно». Этот разговор задел за живое, я понял: теперь эта тема для меня — как обязательство и долг, а слова академика послужили подсказкой — только научно-исследовательский взгляд на тему, волновавшую меня все эти годы. А это значит, что надо самому собрать архивные данные, в музеях и библиотеках поработать. И вот, как промежуточный итог, в начале 2013 г. вышла в свет книга-альбом «Академик Пётр Захаров (романизированная биография)». Получилось не строго научное, а научно-публицистическое издание. Это, наверное, потому, что я действовал больше как писатель, нежели учёный. Однако в данном, четвёртом, издании я применил сугубо эмпирический подход, и каждая версия, данная в книге, подкреплена фактами, документами, логическим сопоставлением и сравнениями. Поэтому эта книга — строго научное издание. Выход в свет каждого предыдущего издания имел большой резонанс не только в Чечне и в России, но и далеко за пределами. Я получил много откликов и рецензий. В основном все они положительны, доброжелательны, написаны с благодарностью. Вместе с тем, естественно, есть и замечания, и предложения. Многие из них просто схоластического характера, однако на одну рецензию, тем более, что она исходит от коллег по данному проекту, хочется обратить внимание.

В «Московском журнале» появилась статья «Мой Петруша Чеченец...», в которой авторы пишут: «К сожалению, документов на сей счёт сохранилось немного, поэтому в биографии художника до сих пор остаётся достаточно тёмных пятен, неточностей, ошибок. В результате, особенно в последнее

время, появляются различного рода легенды о нём». Понятно: это в адрес книги «Академик Пётр Захаров», изданной в 2013 г., но непонятно — имеется в виду вся книга или отдельные факты и выводы. Вся книга легендой быть не может, потому что почти все эпизоды жизни и творчества П. Захарова базируются на документальном материале. В то же время есть в книге и не подтверждённые первоисточниками гипотезы и предположения. И это тоже допустимый и даже необходимый в исследовательской работе подход. Примеров тому множество. Один, весьма наглядный, — из исследования жизни и творчества Лермонтова. Так, в одной научной статье читаем: «Не так давно в результате внимательных исследований, остроумных сопоставлений и логических допущений было установлено, что...» Таким же методом, но только в ограниченных эпизодах жизни П. Захарова, шло и наше исследование. И если чей-то труд называют «легендой», то надо бы привести для убедительности хотя бы пару примеров. Вместо этого уважаемые коллеги просто публикуют документы и письма П. Захарова к П. Н. и А. Г. Ермоловым — мол, разбирайтесь сами. При этом, завершая краткую аннотацию, сообщают: «Предложенные вниманию читателей документы и письма публикуются с незначительными сокращениями». А вот «орфография и пунктуация оригиналов сохранены». В том-то и дело, что орфографию и пунктуацию оригиналов сохранили, но вот некоторые ключевые, ёмкие и характерные фразы и предложения сократили, а пару острых писем не опубликовали вовсе. Почему? Ответ на этот вопрос не прост, и не в предисловии об этом надо говорить — этому посвящена вся данная книга.

По поводу «легенды», а точнее, некоторых якобы не подтверждённых документами версий, я замечу следующее. Уважаемые коллеги, опубликовавшие статью в «Московском журнале», используют архивные материалы о П. Захарове только тех двух архивов, в которых работают, — ОПИ ГИМ (отдел письменных источников Государственного исторического музея) и РГАДА (Российский Государственный архив древних актов). И впервые услышали они об этих документах, а затем и ознакомились с ними — только после заключения со мной неофициального (с их стороны) договора. Кстати, мною скрупулёзно перепроверен в оригинале каждый предоставленный ими документ. Более того, сегодня я владею большей информацией, чем знают они по тем же архивам ОПИ ГИМ и РГАДА. По крайней мере, ещё никто — это строго в архивах фиксируется — до данного издания тщательно не изучал и полностью не расшифровал дневник Петра Николаевича Ермолова, в котором обнаружено многое ранее неизвестной информации. К примеру, в гости к Ермоловым приходил барон Розен, а с ним молодой поэт-чеченец. Последним может быть только Айбулат Розен (1817–1865), жизнью и творчеством которого Союз писателей Чеченской Республики тоже занимается. Или то, что «Петруша писал Шиллинга» (Павел Львович, 1786–1837, русский учёный-электротехник и востоковед). Вот из таких, казалось бы, незначи-

тельных пометок и складывается жизнеописание художника, и это совсем не легенды и домыслы. Это фактологическое, в целом научно обоснованное исследование, которое базируется на материалах, не только вышеназванных двух, а ещё десятков фондохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Пятигорска, Грозного, Тбилиси и других городов. Вместе с тем я благодарен всем, кто высказал аргументированные замечания и предложения. Единственное замечание, которое я не принимаю: в книге-альбоме много эмоций и восклицательных знаков. Да, это так. И я считаю, так должно быть. Ибо такова судьба П. Захарова, его характер, его творчество. И все мои эмоции оттого, что я восхищаюсь: в невероятно тяжёлых условиях он выжил, выстоял, стал свободным художником и академиком живописи. А ведь как одинок он был (чего стоит его последнее письмо к Николеньке!), как долго и тяжело болел, как рано из жизни ушёл... Я преклоняюсь перед ним — как перед признанным великим творцом и борцом.

В итоге... Нет, не в итоге. Теперь это на всю жизнь. Я буду заниматься не проектом «Пётр Захаров», я буду делать всё возможное для увековечивания его имени. Это счастье, что я соприкоснулся с жизнью такого славного человека и смог подробно рассказать о нём нынешнему поколению. Самое интересное и удивительное — я пишу эти строки на том месте, где с 1819 по 1822 г. жил в крепости Грозная пленённый царскими солдатами маленький Петруша Захаров и где в наши дни расположено здание Союза писателей. Это, на мой взгляд, совсем не простое совпадение. Здесь я порою ощущаю некую ауру присутствия Петра Захарова. Это ощущение долгие годы вдохновляло меня в работе над книгой «Академик Пётр Захаров», и когда она вышла, я был счастлив — я сделал всё, что мог. Оказалось, что это только первый, но очень важный этап, так как благодаря выходу этой книги в мире искусства возрос интерес к художнику Захарову-Чеченцу — появилось много публикаций, теле- и радиопередач о нём. И самое интересное — в России и в Европе обнаружили новые, до сих пор неизвестные работы художника. На знаменитых аукционах мира, где порою продаются и работы П. Захарова, спрос — соответственно и цены — на его картины резко возросли. В связи с последним мне хочется кратко поделить одним из моих открытий. В Тульском областном художественном музее я обнаружил картину «Портрет неизвестной. Школа К. П. Брюллова. Первая половина XIX в. Неизвестный художник». По многим характерным признакам я предположил: на этом портрете изображена та же дама, что и на картине П. Захарова «Портрет неизвестной дамы с детьми» (частное собрание), и что это не кто иная, как Анна Григорьевна Ермолова (Оболонская). Это мнение я вынес на суд искусствоведов. И вот после выхода в свет книги-альбома «Академик Пётр Захаров» на уже упомянутом аукционе Мак Дуглас в Лондоне захаровский «Портрет неизвестной дамы с детьми» уже именовался как «Портрет Анны Григорьевны Ермоловой с детьми». Несмотря на такое значимое и отрадное событие,

с большим сожалением следует отметить, что и при жизни, и в дальнейшей истории вокруг имени Петра Захарова много трагичного и печального. Так, в 1995 г. во время боевых действий в Грозном почти полностью было разрушено здание Республиканского музея изобразительных искусств имени П. Захарова, пропали и его девять картин, которые до войны были в экспозиции музея. Это «Портрет Л. А. Волкова», «Портрет герцога Максимилиана Лейхтенбергского», «Портрет неизвестного с тростью и шляпой (автопортрет)», «Воинственный автопортрет», «Портрет П. П. Булахова», «Портрет молодого человека», «Портрет неизвестной на смертном одре», «Портрет Александры Петровны Постниковой». И по сей день в Грозном нет музея имени Захарова, картин художника (есть только две копии)... Показать всё творческое наследие уникального художника Петра Захарова невозможно. Эта работа не одного поколения искусствоведов, музейных работников и почитателей его таланта. Тем более, до сих пор не существует, да и не может существовать, в силу ряда причин, полного и точного списка его произведений. Многие из них хранятся в закрытых частных коллекциях в России и за рубежом, некоторые неподписанные работы художника до сих пор не атрибутированы, а другие и вовсе приписываются иным авторам, в том числе и европейским...

В 2016 г., к 200-летию великого художника, вышло в свет второе — исправленное, дополненное и расширенное — юбилейное издание, которое я назвал «Пётр Захаров-Чеченец» (документально-романизированная биография). Назвал так, как называли художника при жизни, как он себя называл, кем себя ощущал и кем был и хотел быть. Помимо этого, в юбилейном году мы впервые выпустили в свет полный альбом-каталог «Художник Пётр Захаров». Буквально за год произошло несколько значимых событий, связанных с именем великого художника, исследования пополнились новыми сведениями и картинами, возникла необходимость в 3-м издании, которое — значительно дополненное — вышло в начале 2017 г. Но и оно уже «устарело», потому что опять найдены новые сведения и факты из жизни художника. Они отображены в настоящем, 4-ом, издании. Но сразу хотелось бы отметить: знаменательное событие в мире искусства — учреждение и выпуск памятной юбилейной медали «Академик Пётр Захаров — 200 лет», которой награждаются деятели науки и культуры «за значительные достижения в творчестве». Пётр Захаров, по моему мнению, один из выдающихся деятелей чеченского народа, он однозначно достоин, чтобы его имя было увековечено в исторической памяти. И отрадно отметить: в юбилейный год вышло распоряжение главы Чеченской Республики Р. А. Кадырова от 11.03.2016 за № 38-рг «Об образовании организационного комитета по проведению в 2016 году в Чеченской Республике Года Петра Захарова» (Приложение № 1 а, б). К сожалению, некоторые пункты данного Распоряжения в юбилейном году по разным причинам не были исполнены, и поэтому официально

Год Петра Захарова в 2016 г. не был закрыт, а реализация невыполненных пунктов перенесена на 2017 г. На сегодняшний день сделано главное — после долгих мытарств и судебных тяжб Союз писателей (не коммерческая, а общественная организация) выкупил участок земли на пересечении улиц Лорсанова (Красных Фронтовиков) и Гайрбекова (Чернышевского). Это как раз то место, где в крепости Грозная несколько лет жил и воспитывался маленький Пётр Захаров. В День города Грозного, 5 октября 2017 г., в центре нашей столицы торжественно открыт небольшой, но вполне достойный мемориальный комплекс (памятник-чурт) великому художнику (Приложение № 1 в). Я верю: одна из центральных улиц Грозного обязательно будет называться «Проспект Академика Петра Захарова»; будут организованы выставки картин Петра Захарова в Москве, Санкт-Петербурге и Грозном; на экраны выйдет полномасштабный фильм «Судьба и творчество Петра Захарова»; на фасаде Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (бывшее здание Императорской Академии художеств) и на доме П. Н. Ермолова в Москве (Вознесенский переулок) появятся мемориальные доски с именем Петра Захарова. Также надеюсь: будет активизирован поиск картин П. Захарова (и других ценностей), пропавших во время боевых действий из Республиканского музея изобразительных искусств им. П. З. Захарова, и этот музей вновь будет открыт в Грозном. Надеюсь, наступит пора, когда наши музеи начнут приобретать картины П. Захарова как достояние Чеченской Республики, и будет значимо, если для этого благородного, достойного и нужного дела найдутся меценаты и спонсоры. Убеждён: и сейчас, и в будущем эти мероприятия необходимы, в первую очередь, нам — потомкам: Пётр Захаров — наша история, наша память и наша гордость, пример для подражания и назидания и, наконец, образец художественно-эстетического начала. И памятник он себе достойно и с достоинством написал — один его «Юношеский автопортрет» чего стоит! Такую скульптуру там, где он жил, мы в Грозном когда-нибудь и установим! Вот такой был Пётр Захаров-Чеченец! Таким он в нашей памяти и останется навсегда!

ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Воздух пропитан запахами сохлых солончаков и полыни. Временами лёгкий ветерок приминает островки ковыля, и степь напоминает колышущееся море. Кажется, всё небо выцвело от жары, настолько оно белое. По дороге мчится одинокая белая «девятка». За рулём, удобно откинувшись, сидит молодой человек лет двадцати семи. Врываясь через открытое окно, ветер треплет его густые чёрные кудри. Салман устал, от недосыпания и с похмелья болит голова, но сознание того, что скоро он будет дома, придаёт сил и поддерживает хорошее настроение. Да, скоро он будет дома, а пока на своих новеньких «Жигулях» рассекает калмыцкие степи. Едет он из Элисты, где распрощался с Асланом. Тот предлагал остановиться на пару дней в столице Калмыкии, у своего брата, отдохнуть, «отметить, как следует, это дельце», но Салман отказался. Он торопился домой. Салман улыбнулся, предвкушая, как лихо проедется на собственном авто по родной улице и остановится перед своим домом. А как будет гордиться им младший брат Сайхан! Через недельку-другую можно будет продать «девятку» и купить какую-нибудь иномарку в хорошем состоянии. Салман взял с соседнего сиденья пачку ментоловых сигарет «Кент» и закурил. Вокруг — знакомый с детства ландшафт.

Лет пятнадцать назад семья Салмана чабановала в этих краях, пока не умер отец. Как-то поздней осенью его застала в степи сильная гроза. Салман хорошо помнит тот день. После полудня вдруг задул порывистый ветер, небо

Сулиман Мусаев родился в 1972 г. Окончил филологический факультет Чеченского государственного университета (1994). Директор «Издательского дома». Дебютировал в 2005 г. Переводческой деятельностью занимается с 2006 г. Пишет на чеченском и русском языках. Публикации: в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», «Дарьял», «Дружба народов», сборник «Молодые писатели Кавказа: параллельные взгляды: поэзия, проза, критика» (2009). Участник семинара молодых писателей республик Северного Кавказа в Нальчике (2008), в Майкопе (2009) и Домбае (2010), VIII и IX форума молодых писателей России в Липках (2008–2009). Магистр малой прозы по итогам Всероссийского форума молодых литераторов (2009).

затянуло чёрными тучами. Стало совсем темно. Началась гроза. Длинные огненные линии полосовали небо, казалось, оно трескается и скоро обрушится на землю. Через некоторое время дождь хлынул потоком.

Салман помнит, как волновались бабушка и мама. Бабушка качала колыбель, в которой лежал Сайхан, и громко читала молитвы. Мама часто выбежала во двор, подолгу стояла, пытаясь разглядеть в темноте возвращающегося отца, расслышать в этом грохоте блеяние овец или лай собаки. Дождь непрерывно барабанил в окна, словно путник, просящийся в дом переждать непогоду; слышался скрип колодезного журавля; из печи доносилось завывание ветра в дымоходной трубе, которое временами переходило в тяжёлый душераздирающий стон. Пятилетняя Седа плакала, прижавшись к бабушке.

Отец вернулся поздно. Когда он вошёл, с него стекали целые ручьи. Сменив одежду, он долго сидел перед печью и рассказывал, как в грозу овцы разбрелись, а он долго не мог собрать их. Собрав же и погнав их домой, обнаружил, что в наступившей кромешной тьме заблудился. Он чуть было не прошёл совсем рядом с кошарой, как вдруг через плотную завесу дождя на какую-то секунду мелькнул огонёк керосиновой лампы, подвешенной матерью к окну. Когда бабушка легла спать, отец посадил сына рядом с собой и спросил, улыбаясь: «Ну что, не жалеешь, что приехал со мной?» «Не жалею, конечно», — ответил Салман. Он жил тогда у дяди в Чечне, ходил в шестой класс, а на каникулы мальчика привозили к родителям. Этой осенью отец сам приехал в село к началу каникул и забрал сына, словно догадываясь, что жить осталось считанные дни. Он любил Салмана... Той злополучной ночью отец сильно кашлял. Через несколько дней его не стало...

После смерти отца с ними некоторое время жил дядя, потом они переехали на Кавказ. Семья Салмана поселилась в небольшом доме из трёх комнат, построенном отцом. Вскоре умерла бабушка...

Воспоминания из кажущегося теперь таким далёким детства захватили его. Каким счастливым, беззаботным оно было! Как давно он не вспоминал о нём! Вернее, вспоминал, но как-то обрывками, неясно, словно кадры из старой кинохроники. И словно не был он тем жизнерадостным мальчишкой, который любил бегать босиком под дождём, слушать по вечерам при керосиновой лампе бабушкины сказки со всепобеждающими, завоёвывающими красавиц героями-юношами, носиться вместе с сестрой за ящерицами, помогать отцу (думал, что помогает, хотя, скорее, путался под ногами) рассыпать корм по деревянным корытам, сидеть с кружкой рядом с матерью, доившей корову, чтобы выпить парного молока (боже, каким вкусным оно тогда было!), — словно это был не он, а кто-то другой. Раньше эти воспоминания не оживляли в нём никаких чувств, не оставляли осадка в душе, лишь вызывали изредка улыбку. Возможно, сейчас на него повлияла близость мест, где прошли самые счастливые дни его детства. Интересно, смог бы он теперь найти в этой степи кошару, дом, в котором они жили? Пови-

нуясь какому-то внезапному порыву, он остановил машину. Трещала голова. Взял банку пива, открыл и, в несколько глотков осушив, выкинул в окно. Пиво было тёплым и отвратительным на вкус. Салман напряг память. Если около Улан-Хола повернуть направо и, проехав километров сорок по грейдеру, свернуть налево, то через полчаса он, возможно, доберётся до нужной кошары. Ну что же, решение принято.

Салман посмотрел на часы — десять с минутами. Времени в обрез! Часы дорогие, фирмы «Ролекс» — подарок Рамзана. Рамзан был его товарищем, жили они недалеко друг от друга. Разница в возрасте — Рамзан был года на три старше — не мешала их крепкой дружбе. После армии друг уехал в Саратов и поступил там в какой-то институт. А вот Салмана после школы не приняли в Грозненский университет. Учеником он был хорошим или, как говорили учителя, «въедливым». После объяснения нового материала засыпал учителей вопросами до тех пор, пока всё не становилось понятным. Школу окончил с двумя четвёрками — по химии и физике. Ему прочили большое будущее. Вручая аттестат, директор сказал: «Какую бы профессию ты ни выбрал, я уверен, что станешь хорошим специалистом и настоящим человеком». Салман провалился на первом же экзамене, вернее, его провалили — не дал «на лапу» кому следует. Он решил дожидаться следующего года, а пока заняться чем-нибудь, подработать. Найти работу оказалось нелегко. Приехав в Грозный, присоединился к толпе безработных, целыми днями стоявших на бирже в ожидании хоть какого-нибудь заработка. У Салмана не было, конечно, никакой рабочей специальности, и он мог рассчитывать только на то, чтобы кто-то взял его подсобником. Многие из этих людей имели высшее образование, но не могли найти работу по специальности и за последнее время освоили дело каменщика, штукатура или кровельщика. На что здесь мог надеяться Салман?! Что неприятно поразило его, так это то, с каким высокомерием относились к этим несчастным клиенты. Они подкатывали на роскошных иномарках и, приоткрыв дверцу и поставив левую ногу на бордюр, небрежно бросали: «Нужны два каменщика и сварщик!» Предлагали обычно половину цены: знали, что желающие найдутся. Иногда среди рабочих возникал спор из-за выгодного клиента, которого отчаявшиеся люди старались отбить друг у друга. Когда возникла очередная ссора (Салман ходил уже на биржу вторую неделю), он покинул это место, дав себе слово не возвращаться сюда ни за что. Но нужно было что-нибудь предпринять. Мать работала дояркой на ферме, в последние годы зарплату ей не выплачивали. Жили они скромно, если не сказать — бедно. Встречаясь с ровесниками, Салман стал испытывать неловкость из-за старой куртки-ветровки, полинявших на коленях джинсовых брюк.

В тот день, возвращаясь с биржи, Салман встретил на автовокзале Асланбека, дальнего родственника. Он уже давно занимался мелкой коммерцией или, как говорили раньше, спекуляцией, возил товар на перепродажу из со-

седних регионов. Асланбек предложил ему стать напарником, обещал денег взаймы. Салману всегда претило это занятие, и он отказался. Вечером, когда они всей семьёй сидели за столом, мать устало сказала:

— Не знаю, что и делать. Сахар закончился, муки осталось на день-два. Все пообносились, Седе даже за водой не в чем выйти. На зарплату уже нет никакой надежды... — она тяжело вздохнула. Он взглянул на измождённое лицо матери, её потухшие глаза и опустил голову. На второй день он рано утром отправился к Асланбеку.

Прошло несколько лет, Салман неожиданно для себя втянулся в новое дело. Над республикой задули грозовые ветры перемен. Весь народ, словно околдованный, бросив все свои дела, работу, проводил дни и ночи на бесконечных митингах на площадях Грозного. Охрипшие ораторы призывали народ к неповиновению московским властям. Многие, побросав свои семьи, рьяно ринулись в гущу событий, занимая посты, должности, в которых ничего не смыслили. Салману же не было до этого никакого дела. Он стал коммерсантом, справил обновку себе, матери, брату с сестрой. В доме появился достаток. Асланбек любил весёлую жизнь, и часть выручки приятели спускали в барах, ресторанах Баку, Пятигорска, Нальчика. Салман начал курить, пристрастился к алкоголю. Правда, в первое время он отказывался составить компанию Асланбеку, когда тот доставал припасённую бутылку водки или коньяка и заговорщически подмигивал ему. Как-то в Краснодаре остановились они в гостинице. Пошёл уже третий месяц, как Салман стал ездить в коммерческие рейсы. После ужина Асланбек спустился вниз. «Прогуляюсь немного», — произнёс он. Прошло более двух часов, как вдруг открылась дверь и вошёл Асланбек в сопровождении двух смазливых девчонок.

— А вот и мы! — бодро произнёс он, ставя плотно набитую сумку у журнального столика. — Принимай гостей.

Салман в это время лежал на диване и разгадывал кроссворд.

— Привет, красавчик! Скучаем? — улыбнулась ярко накрашенная художавая блондинка. Салман встал и, стараясь скрыть смущение, сказал:

— Здравствуйте, девушки! Проходите.

— Бек, почему ты оставил его одного? Если бы он был с тобой, тебе не пришлось долго нас уговаривать, по крайней мере, меня, — кокетливо проговорила вторая девушка, невысокого роста шатенка, и, протянув руку, поздоровалась: — Здравствуйте! Меня зовут Рита. А вас?

— А это наш будущий учёный, надежда науки! — Асланбек уже успел изрядно набраться. Другую девушку звали Наташей. Она накрывала на стол.

— Прошу всех к столу!

На столике были разложены копчёности, хлеб, салаты, шоколадные конфеты, стояли шампанское и коньяк. Салман чувствовал некоторую скованность, он завидовал Асланбеку, который так непринуждённо вёл себя, рассказывал смешные истории, анекдоты.

— Девушка спрашивает парня: “Вась, а ты знаешь, о чём я думаю?” “Знаю”, — отвечает парень. “Ну и бессовестный же ты, Вася!” — рассказывая, Асланбек налил подружкам шампанское, себе — коньяк и, придерживав бутылку над четвёртым стаканом, вопросительно посмотрел на Салмана.

— Нет, я не буду, — сказал Салман и слегка покраснел. Ему вдруг почему-то стало стыдно перед девушками оттого, что он не пьёт.

— Будешь, будешь, я хочу выпить с тобой на брудершафт, — заявила Рита и слегка прижалась к нему бедром. Салмана словно электрический ток пронзил. Он взял протянутую стопку.

— За милых дам! — произнёс Асланбек. Рита продела руку со стопкой под локоть Салмана, так что локти их оказались

сцепленными, и прошептала на ухо:

— За тебя, солнышко! Пей до дна!

Она видела: Салман — стеснительный, неопытный, но именно это в сочетании с его густыми чёрными кудрями, большими глазами притягивало её к нему. Выпили. Салман затаил дыхание, прикрыл глаза и тоже выпил. Рита взяла квадратик шоколадной плитки, положила ему в рот и поцеловала:

— Молодец!

По телу прошла тёплая волна. На душе стало спокойно и хорошо. «Не такая уж это и плохая штука, оказывается!» — подумал он. Вторая стопкапилась легче. Он чувствовал себя значительно свободнее, хотелось говорить, шутить, а Рита казалась самой прекрасной девушкой на свете. Его рука легла ей на колено. Веселье продолжалось. Через полчаса Асланбек сказал ему:

— Соседний номер пустует. Я договорился с администратором и ухожу туда, — он подмигнул ему: — Не робей! — и ушёл с Наташей. Так для Салмана приоткрылась новая, неизвестная прежде сторона жизни, и нельзя сказать, что она ему не понравилась,

Началась война. В ходе проверок паспортного режима федералы зачистили дом Салмана. Во время второго визита они сильно избили Салмана и уже посадили его на бронетранспортёр, чтобы увезти, но мольбами матери, а главное — ценою золотых украшений, сбережённых ею для Седы, удалось выкупить сына. После этого случая они уехали в Ингушетию, где прожили до конца войны на съёмной квартире. Асланбек же летом 95-го перебрался на Украину. До этого он провёл месяц в фильтрационном лагере в Моздоке.

Вот и Улан-Хол. Он почти не изменился за эти годы. Только в памяти Салмана он до сих пор ассоциировался с небольшим светлым городком, а на самом деле оказался заброшенным, неприглядным посёлком с маленькими, приземистыми домиками и бараками. Он повернул направо. Асфальтированная дорога сменилась грейдером. Встречные машины попадались уже реже.

Месяца два назад Салман сидел в своей комнате и смотрел телевизор. Шла какая-то неинтересная телеигра, и он вяло следил за ней. Спускались

сумерки. Во дворе залаяла собака. Хлопнула входная дверь, кто-то вошёл и поздоровался с матерью, хлопотавшей у печки:

— Добрый вечер, Марет! — Салман прислушался: голос был знакомым.

— Живи долго! — ответила мать. — Рамзан, ты ли это?! Да будет твой приход свободным! Дай-ка я обниму тебя!

— Как поживаешь? Как твоё здоровье?

— Благодарю Всевышнего, хорошо.

— Когда ты приехал?

— Несколько часов назад. Салман дома?

— Дома, в своей комнате. Проходи, проходи. Хорошо сделал, что приехал, бедная Совдат истосковалась вся.

Салман встал и быстро направился к выходу встречать гостя. Рамзан... Сколько лет он его не видел! Рамзан вошёл, друзья обнялись.

— Какие люди к нам! — Салман чуть отстранился и пригладился к другу. Тот сильно изменился: раздался в плечах, отрастил усы. Пожалуй, встретиться они где-нибудь на улице — и не узнал бы его. После взаимных приветствий и первых расспросов сели на диван. Салман приглушил звук телевизора. Гость осмотрелся по сторонам:

— Ну, рассказывай, Буквояд, как живёшь?

Салман улыбнулся, услышав школьное прозвище.

— Да так, нечем похвастаться. Коммерцией занимался, да во время войны федералы всё выгребли.

— Коммерцией? Купи-продай, значит. А сейчас что делаешь?

— Да ничего. Бывший напарник — сын Хусейна, Асланбек, помнишь его? — уехал на Украину. А я дома сижу. И денег нет возвращаться к прежнему занятию, да и желания особого, если честно, тоже.

— И каковы планы на будущее?

— Один знакомый обещал устроить на охрану нефтепровода.

Рамзан вынул из внутреннего кармана пиджака бутылку коньяка и предложил: — Сприснем нашу встречу? Ты как, употребляешь?

— Не откажусь. Я сейчас, — а он вышел на кухню и велел сестре принести ужин в свою комнату.

Скоро вошла Седа, поздоровалась с гостем и поставила перед друзьями небольшой столик. На нём появились сковорода с жареным мясом и картошкой, лепёшки, тарелки с нарезанными маринованными огурцами, стаканы, соль, сахар. На полу, рядом со столиком, стоял поднос с двумя чайниками. Справившись, не нужно ли чего ещё, Седа удалилась.

— А где Сайхан? Вырос, небось? — спросил Рамзан после того, как выпили первую стопку за встречу.

— Гуляет где-то. Скоро появится.

Они принялись за еду. Несколько минут прошло в молчании.

— Поступать не думаешь? Ты же в школе хорошо учился.

— Посмотрим. После школы пробовал в ЧГУ поступить, на географический — не получилось. Работа мне нужна, Рамзан. Сестру нужно одеть — хочет в пединститут поступить, Сайхан в моих обносках ходит. Да и жениться мне пора, пару комнат бы пристроить.

Опять воцарилось молчание. Выпили ещё.

— Знаешь что, — сказал вдруг Рамзан, — поехали со мной в Саратов. Поступишь на заочное отделение — я помогу, устроишься на фирму к моему знакомому. Больших денег не обещаю, но регулярный, причём, приличный, заработок будешь иметь.

— Ты это серьёзно? — Салман отложил вилку. — Надо подумать.

— А чего тут думать? Ну, устроишься ты здесь на нефтепровод свой, наврёшься на какую-нибудь разборку, пропадёшь ни за что: либо застрелишь кого-нибудь, будешь потом всю жизнь от кровников бегать, либо тебя самого пристрелят.

Друзья проговорили далеко за полночь. Они расстались, договорившись, что через пару недель Салман приедет в Саратов. Рамзан уезжал через три дня.

Зрительная память, кажется, не подвела Салмана. На западной окраине посёлка Нарын-Худук, на трёх установленных вертикально в бетонное основание трубах, висел большой щит. Краска на нём давно облупилась, но всё же ещё можно разобрать надпись, сделанную большими белыми буквами на фоне красных знамён, полей пшеницы, многоэтажек и буровых вышек: «Народ и партия едины!» Буква «п», скорее, угадывалась, чем читалась. На земле рядом с щитом валялись обрывки бумаги, пустые жестяные банки, окурки. Здесь остановка. Раньше был ещё навес из больших плит, с суженными книзу боковыми стенами, которые и с внутренней, и с внешней стороны украшала цветная мозаика: внутри изображены три девушки, красавицы протягивали путнику каравай хлеба, а снаружи — лихо гарцевали всадники на длинноногих скакунах, один — с винтовкой и в будёновке, другой — с шашкой и в кубанке с красной полосой наискось. Теперь навеса уже нет.

От грейдера сворачивала неширокая дорога в две колеи. Салман вспомнил, как в детстве отец привёз его на подводе в посёлок на день рождения. Они зашли в единственный продуктовый магазин и закупили всяких сладостей: шоколадных конфет «Тузик», карамельных подушечек, пряников, печенья, несколько бутылок лимонада. В соседнем магазине отец купил ему красные сандалии и матросскую бескозырку с двумя длинными лентами и надписью «Моряк». Салману казалось тогда, что он стал обладателем самого большого в мире клада. А мама в тот вечер испекла большой торт. Теперь он понимает, насколько хлопотно было им организовывать для него этот праздник. Подписка с ними тогда не было, и отец послал пасти отару мать. А сам отправился с ним на подводе — это за двадцать пять-то километров! — чтобы доставить ему удовольствие. Салман вспомнил вдруг, что уже не-

сколько лет не был на могиле отца. Правда, мать ходит туда каждую пятницу, а он... Для него же главным мерилom счастья, смысла жизни стали деньги. Да, деньги. «Но виноват ли я? Ведь если у тебя нет денег, если ты бедно одет, тебя и за равного никто не считает. – Кто не считает? Кто? Сыновья Юнуса, бывшего председателя колхоза, который распродал в соседних районах оставшиеся на ферме сорок семь голов скота, списав их на войну, а сам даже зарплаты колхозникам не выплатил? Семья Исаевых, разбогатевшая на продаже гуманитарной помощи? Или этот скряга Беслан, отстроивший двухэтажный дом на деньги своей жены-спекулянтки, об амурных похождениях которой в Баку не рассказывает только ленивый? Много ты теряешь, если они не считают тебя за равного? А что делать, если даже для поступления в вуз нужны деньги, а не твои знания? Мой отец имел три класса образования и, несмотря на это, был уважаемым человеком. Все, кто знал его, до сих пор очень тепло отзываются о нём. Тогда время было другое. Между бедными и богатыми не было такого большого разрыва. Время всегда одно и то же. Оно не меняется. Только такие, как ты, накладывают на него свой грязный отпечаток». Салман сильно потёр левой рукой лоб и виски. Перепил он вчера.

В Саратов Салман приехал через месяц. Рамзан встретил его. Он жил недалеко от набережной Волги, у медсестры Марины Тарасовой. С хозяйкой они встретились в прихожей — она собиралась на работу и стояла перед зеркалом, поправляя светлые волосы. Это была молодая женщина лет тридцати, приятной внешности.

— Это мой двоюродный брат, Салман, я тебе рассказывал, — представил гостя Рамзан. — А это Марина, моя жена.

— Очень приятно, — улыбнулась Марина. — Проходите, а мне нужно идти на дежурство, извините. Ромик, в холодильнике суп, котлеты, разогреешь, — она ушла. Салман с дороги захотел принять душ и прошёл в ванную. Когда вернулся, стол был накрыт.

— Садись. Наверное, с дороги разыгрался аппетит. Ну как там, на Кавказе, жарко?

Был он сегодня какой-то взвинченный, часто и беспричинно смеялся. Салман даже подумал: тот уже жалеет о приглашении и теперь с его стороны последует нечто вроде: «Ты знаешь, я старался, но ничего не вышло ни с учёбой, ни с работой. Придётся пока подождать». Но, словно угадав его беспокойство, Рамзан вдруг сказал:

— Ты кстати приехал. Есть одно дело — прибыльное и верное.

Дорога стала холмистой. Он взял кассету и вставил в сверкающий никелем магнитофон. Аппарат тихо зажужжал и, втянув в себя кассету, щёлкнул. Из колонок полилась музыка.

На другой день они отправились в ресторан «Волга». Туда должны были прибыть Аслан и Ислам, с которыми Рамзан договорился по телефону. Нуж-

но было ввести их в курс дела и обсудить детали. Первым подъехал Аслан и, поздоровавшись, сел. Скоро к ним присоединился Ислам. После обеда Рамзан приступил к делу, ради которого собрал их:

— Вот что, ребята, появилась возможность заработать. В соседнем городе живёт мой сослуживец Сергей. Работает в местном ОМОНе. В армии я пару раз выручал его. В общем, на него можно положиться. Так вот, он нашёл нам работёнку. Есть у них там бизнесмен один, ворочает миллионами, ломает голову, не зная, что с ними делать. Мы поможем ему в решении этой задачи. Каким образом? — он распечатал новую бутылку вина и разлил его по трём бокалам. — Ислам не пил. — У этого Соловьёва — его зовут Андрей — есть сын, единственный и конечно же любимый, ему что-то около шести лет. Каждое утро его отвозят в садик, так как его родители — люди занятые. Их шофёр — кореш Серёги и...

— Извини, Рамзан, что перебиваю, — привстал Ислам. — Я всё понял, но не буду участвовать в этом.

— Подожди, Ислам. Дай я договорю. Дело безопасное и надёжное.

— Нет, не в этом причина. В таких делах, — заявил Ислам, — я вам не товарищ. Да и вам не советую.

— Это в каких же “таких делах” и чего ты нам не советуешь?

— Делах, порочащих честь чеченца, не достойных поведения мусульманина и мужчины, — спокойно ответил Ислам.

— О чём ты говоришь, Ислам?! Это же русский, а что они с нашими во время войны творили, забыл?..

— А в чём виноваты этот мальчик и его родители?

— Да ты пойми, мы не собираемся никого убивать. Поверь мне, они заработали состояние отнюдь не праведным путём. Мы просто облегчим его на пару сотен тысяч баксов. Да родители этого мальчика их нам на блюдецке...

— Нет, я...

— Постойте, — прервал пререкания Аслан. На их голоса на повышенных тонах уже оглядывались посетители за соседними столиками. — Рамзан, зачем уговаривать человека, если у него к этому делу не лежит душа?

— Если вам в чём другом понадобится моя помощь, вы знаете, где меня найти. А сейчас я пойду. Спасибо за угощение.

— Ну что же, — вздохнул Рамзан. — Извини, Ислам. Будем считать, что этого разговора у нас не было.

Ислам ушёл. За столом воцарилось молчание.

— Чёртов дурак! — в сердцах выругался Рамзан.

— Если нам нужен ещё один человек, давай возьмём Арама. Ну, того армянина, что держит крышу над ларьками у железнодорожного вокзала, — предложил Аслан.

— Ладно, посмотрим, — Рамзан взял со стола полный бокал. — За успех нашего дела и за настоящих мужчин!

Через два дня они сидели у Сергея. Он оказался крупным детинкой с короткими рыжими волосами и почти бесцветными глазами. Одетый в голубые джинсовые брюки и светлую футболку, он более походил на спортсмена, чем на омовца. Сергей играл роль радушного хозяина, предлагая отведать то или иное блюдо, разливая холодную водку из большого запотевшего графина. С увлечением рассказывал разные истории из армейской жизни, в которых они с Рамзаном выглядели настоящими киногероями. Слушая его разглагольствования, Салман, однако, понимал, что вовсе не дружеские чувства к Рамзану заставили Сергея пригласить их на эту операцию. Здесь крылось что-то другое. Но что? Неужели здесь, на месте, у офицера милиции не нашлось исполнителей? «Наверное, хочет навести подозрение на местных чеченцев», — решил он. В общем-то, Салман был прав, но не знал и не мог знать следующего: недавно один из местных криминальных авторитетов, по прозвищу Боров, которому группа бизнесменов-кавказцев отказалась регулярно выплачивать долю, недвусмысленно намекнул Сергею, что будет «благодарен», если ОМОН окажет содействие (разумеется, негласное) в наказании строптивых. Серёга решил выжать из ситуации всё, что возможно. Служба в органах не приносила того быстрого и лёгкого обогащения, к которому он стремился всю жизнь. Недавно у него возникла идея похитить сына местного предпринимателя Соловьёва, но окончательно план ещё не сформировался. Тут он вспомнил Рамзана, с которым и после армии несколько раз пересекались дороги. Сергей знал: этот «чех», как и он, готов ради денег на всё. «Таким образом, я поймаю двух жирных зайцев, — думал он. — Во-первых, выкуп за этого сопляка — а я потребую себе половину доли, во-вторых, удастся, воспользовавшись благоприятным моментом, довольно основательно потрясти этих ненавистных кавказцев и, наконец, Боров отвалит мне солидный куш», — Сергей был доволен собой.

Дорога петляла по степи, изредка пересекаясь с другой. Салман боялся ошибиться в выборе правильного пути, когда от дороги в сторону вдруг убежала новая, рыжеватая от песка, нить. Въехав на очередной холм, он увидел вдали овец, их было немного — около тридцати. Скоро он заметил и пастухов — мальчишку лет девяти и девочку чуть постарше. Они, как он сразу понял, пасли «хурду» — так назывались больные, хилые, хромые овцы, которые выделялись из отары и паслись отдельно. Мальчик, прикрыв от солнца ладонью глаза, всматривался в приближающуюся машину. Был он в серых брюках и светлой рубашке в чёрную полосу с короткими рукавами. Девочка стояла на вершине холма. Машина свернула с дороги, подъехала к мальчику и остановилась. Услышав шум двигателя, овцы перестали пастись, сбились в кучу и, как по команде, повернули головы в сторону машины. Салман заглушил двигатель и открыл дверцу:

— Эй, пацан, подойди!

Мальчик остановился в нескольких шагах:

— Здравствуйте!

— Здорово! Кошара далеко?

— Нет, вон за теми холмами, — показал мальчик рукой.

— У тебя водички нет с собой? Горло пересохло.

— Есть, — он крикнул девочке по-чеченски: — Марем! Принеси воды!

— Ты чеченец?!

— Да, — мальчик обрадовался так, будто встретил родственника. — А ты к нам едешь?

— Да, до кошары. Нужно долить в радиатор воду, — почему-то соврал он. — Как тебя зовут?

— Али. А тебя?

— Меня Салманом. Родители дома?

— Если хочешь, сестра поедет с тобой. Я бы сам поехал, но не хочу её оставлять одну — она боится пауков и змей, а их здесь много, — словно извиняясь, пояснил он.

— А ты не боишься?

— Нет, — он улыбнулся. Вопрос ему показался явно смешным.

— И не боишься, что я украду твою сестру?

— Нет, конечно. Ты же чеченец! — так искренне и серьёзно ответил Али, что Салману стало стыдно за шутку.

Тем временем подошла Марем и, поздоровавшись, протянула небольшой синий термос. Салман с наслаждением напился холодной колодезной воды, омыл лицо и поблагодарил девочку.

— Магнитофон работает? — поинтересовался Али, заметив в салоне зеленовато-жёлтые огоньки аппарата. — Включи ненадолго, если не спешишь! — попросил он.

— Конечно, сейчас, — Салман взял из бардачка несколько кассет. — Тебе какую поставить?

— Чеченские есть?

— Чеченских, к сожалению, нет, — смутился вдруг Салман и, выбрав кассету, вставил её в «Пионер». Из мощных колонок полилась мелодия: «Моя машина еле дышит, // А я на ней к тебе спешу», — пел Кай Метов.

— Мне наши песни нравятся, — Али был разочарован. — Только у нас на «точке» света нет.

Марем пошла подогнать отбившуюся овцу. Салмана вдруг охватили покой и умиротворение. Захотелось подольше остаться с этими юными чабанами, поговорить с Али.

— Ну и как тебе здесь, не скучно? — Салман закурил.

— Нет. Отец в свободное время рассказывает всякие интересные истории. Он читает много книг, а потом нам пересказывает. Мама иногда на гармошке играет, поёт она хорошо.

У Салмана запершило в горле. Он вспомнил: отец тоже часто по вечерам рассказывал истории о знаменитых людях прошлого, об их храбрости, благородстве. Особенно запомнился Салману рассказ про абрека Зелымхана Харачоевского. Салман тогда засыпал его вопросами. Ответив на них, отец сказал: «Ты ещё маленький, многого не понимаешь. Запомни: быть всегда честным даже перед самим собой, быть благородным — трудно. Мир легко обманывает человека, заставляет забыть о корнях, долге. Ты умный и любознательный мальчик. Я надеюсь, что мне никогда не придётся краснеть за тебя».

— А ещё, когда бывает время, я рисую, — горделиво заявил Али и засмутился. Затем достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги и протянул. — Это я перед твоим приездом нарисовал.

Салман взял листок и развернул его: на выполненном карандашом рисунке была изображена улыбающаяся девочка, которая гладила ягнёнка. Он поразился, насколько черты лица этой девочки напоминали Марем.

— Нравится? Возьми себе на память, — сказал Али и крикнул сестре. — Марем, иди сюда скорее. Я сам соберу их. А ты поедешь с ним к нам домой.

Салман взял с заднего сиденья машины костюм, достал из внутреннего кармана увесистую пачку денег, выбрал из неё стодолларовую купюру и протянул Али:

— Возьми. Купишь чего-нибудь. Али отступил назад:

— Зачем? Не возьму я.

— Бери, а я поеду.

— Ты же воду хотел долить в радиатор. Кроме того, поешь, отдохнёшь, а потом поедешь.

Салман встал, подошёл к нему, взял за локоть и вложил купюру в его карман:

— Считай, что я покупаю твой рисунок. Ты хорошо рисуешь. А радиатор... радиатор потерпит, ничего страшного, — он повернулся и, не оглядываясь, сел в машину.

Видеть дом, в котором прошли последние дни отца, тем более войти в него, было сейчас выше его сил. Ему представилось, с какой укоризной, словно живой, словно в нём осталась жить частица души отца, будет встречать его их бывший домик. Хотя, возможно, вместо двухкомнатной мазанки там отстроен новый дом.

Операция по захвату в заложники мальчика прошла гладко. Через час после похищения Сергей позвонил его отцу и, изменив голос, с явным кавказским акцентом сообщил: Павлик у них. Он потребовал принести в условленное место четыреста тысяч долларов и пригрозил — если тот сообщит о похищении властям, то получит сына по частям.

Мальчик был болезненный, тщедушный. Нужно было записать на кассету его обращение к отцу с просьбой быстрее освободить его. Павлик был запу-

ган. Он с ужасом в глазах смотрел на похитителей и не понимал, чего они от него хотят. Тогда Рамзан стал хлестать его по щекам, а Арам достал складной нож и раскрыл, чтобы заставить Павлика плакать и просить о пощаде. Салман сидел у включённого на запись магнитофона.

Через несколько дней выкуп был заплачен. Сергей заплатил их долю и велел срочно покинуть город. Хотя Соловьёвы и не обращались в милицию, слухи об этом происшествии быстро распространились по городу и области, чему способствовал и сам Сергей. Появились требования к властям выдворить кавказцев. На рынке было избито несколько человек, а однажды ночью неизвестные подожгли два магазина, принадлежавшие выходцам с Кавказа. В результате нескольких рейдов омоновцы задержали более ста человек. «Теперь-то я разберусь с этими “чёрными”, — довольно потирал руки Сергей».

Прошло два месяца. Салман наслаждался жизнью. Он продал «девятку» и приобрёл подержанный «Мерседес». Купил в дом кое-какую обстановку. Однажды Сайхан пришёл со школы хмурым.

— Ты чего нос повесил? Не обидел кто? — спросила мать.

— Нет, — буркнул в ответ Сайхан.

— Его девушка разлюбила, — засмеялся Салман.

— Никто меня не разлюбил! — включив телевизор, Сайхан сел.

— Ах, не разлюбила! И как же её зовут? — Сайхан хранил молчание.

— Должен же я знать, как зовут мою будущую сноху, — продолжал подтрунивать над братом Салман.

— Отстань от меня! — вскочил Сайхан.

— Ты чего разорался? Можешь объяснить, что случилось-то?

— Махмуд из нашего класса говорит, что мы купили машину на ворованные деньги! При всём классе сказал, — насутился Сайхан.

— Не болтай, чего не знаешь! — закричал на него брат. — А Махмуда твоего нужно было вздуть!

— Не кричи на него, — сказала мать. — А ты не огрызайся. И не слушай всякие сплетни. Он просто завидует тебе. У родителей этого Махмуда, кроме захудалого ишака, никакого транспорта в хозяйстве никогда не было, вот его зависть и заела.

Салман вышел. Этот разговор оставил в его душе неприятный осадок. Пришёл Руслан, бывший одноклассник, и пригласил вечером на день рождения.

— Хозяйка уехала погостить к родителям, так что дома никого нет. Посидим, развеемся немного.

Салман чуть опоздал и, когда он появился, веселье было в разгаре. За накрытым столом сидели трое молодых людей, его ровесники. Он положил подарок — рубашку и мужской парфюмерный набор — на тумбочку и сел рядом с Русланом. Ему как «штрафнику» налили полный стакан водки. Поздравив

именинника приличествующими случаю словами, Салман быстро опорожнил стакан и принялся за жареное мясо.

— В выпивке нужно знать меру, — сказал Руслан, разливая по стаканам водку. — А то можно выпить меньше.

Тосты звучали один за другим. Салман опьянел, ему стало жарко. Он долго шарил по карманам в поисках носового платка и, нащупав какой-то листок бумаги, вытащил его. Развернул и долго не мог понять, откуда у него это. На листке была нарисована девочка, которая гладила ягнёнка. И вдруг он вспомнил жаркий день в степи, юных чабанов. Забыв про платок, он долго смотрел на рисунок. Девочка улыбалась. Сидящие за столом были заняты разговором.

— Что это? — протянул руку Руслан.

Салман сложил лист бумаги и поспешно вложил его в карман.

— Руслан, помнишь, в седьмом классе мы ходили на экскурсию? — тихо спросил он.

— На экскурсию? — Руслан наморщил лоб. — Ну, помню.

— Помнишь, мы встретили старого Сурхо — его лошадь увязла, не могла вытянуть из грязи бричку с дровами? Мы были далеко, он нас не видел, и мы могли идти своей дорогой.

— Конечно, помню. Ребята из нашего класса отпускали ещё всякие шутки в адрес Сурхо, ведь этот старик был придурковатый. Нашёл о чём вспоминать!

— Но мы с тобой подошли к нему и помогли вытянуть бричку. Какими хорошими мы тогда были, правда?

— Очень хорошими были, — не понял Руслан, — вымазались в грязи, как свиньи. Мы с тобой на экскурсию тогда не пошли, вернулись домой: было неудобно показываться перед девчонками в таком виде.

— Если тогда вымазались, как свиньи, то теперь нализались, как свиньи, — тихо проговорил Салман.

— Что? — не расслышал Руслан. — Да что с тобой? Пей, ешь, веселись! У меня сегодня день рождения!

На Салмана напала словоохотливость. Ему хотелось углубиться в воспоминания, чтобы доказать себе, что в жизни он совершал и хорошие поступки. Что когда-то и он был таким чистым, как встреченный им в степи Али. Но даже пьяный, он сознавал: его здесь никто не поймёт, пожалуй, даже засмеют. Он вышел во двор. Моросило. Под навесом тускло горела лампочка. Изморось постепенно переходила в дождь. Лёгкие порывы ветра задували холодные капли дождя в лицо Салмана, и они катились по щекам, смешиваясь со слезами. Как он ещё молод, но как много ошибок успел совершить! Ничем и никогда ему уже не очистить запятнанную душу. А впереди... Что впереди? Впереди — пустота! И груз тяжёлых воспоминаний, который он должен нести до конца дней. Он прошёл в дальний угол двора и сел на мокрый пень. Закрыв лицо руками и опустил голову на колени. Плечи его тряслись от рыданий. Скоро начался настоящий ливень. Под его тяжёлыми каплями шуршала листва.